

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

Москва
2007

Научное издание

Ближний Восток и современность.
Сборник статей (выпуск тридцать второй)
М., 2007, 322 стр.

Ответственный редактор

А.О.Филоник, М.Р.Арунова

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89282-319-7
ISBN 978-5-89394-180-7

ISBN 978-5-89282-319-7
ISBN 978-5-89394-180-7

© Институт Востоковедения РАН
© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

Р.Р.Сикоев ДЖ.АФГАНИ: «ПИСЬМО К ОСМАНСКОМУ ХАЛИФУ».....	5
А.А.Ткаченко БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК: РЕФОРМЫ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ.....	12
Н.А.Иванова ЛАГ И ИНТЕГРАЦИЯ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	19
М.Н.Суслова ЗАПАДНЫЕ СМИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ИСЛАМА В ЗАПАДНОМ СООБЩЕСТВЕ.....	36
Б.В.Долгов ДЕМОКРАТИЯ И ИСЛАМИЗМ В АРАБСКИХ СТРАНАХ (АЛЖИР, ТУНИС, ЕГИПЕТ).....	73
Алек Д. Эпштейн ОТ ААРОНА БАРАКА – К ДОРИТ БЕЙНИШ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДРАМА ВОКРУГ СМЕНЫ РУКОВОДСТВА ВЕРХОВНОГО СУДА ИЗРАИЛЯ.....	96
А.О.Филоник САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: РЕФОРМЫ И ВЛАСТЬ.....	123
М.Н.Гусев ИСЛАМСКИЙ ПЕРЕДЕЛ. ВЗГЛЯД ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.....	141
Н.А.Замараева ПОРТ ГВАДАР КАК ФАКТОР РОСТА РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПАКИСТАНА.....	158
Е.В.Дунаева ИТОГИ ПОСЛЕДНИХ ВЫБОРОВ В ИРАНЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ.....	174

З.А.Соловьева
РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ В ИОРДАНИИ И
МАРОККО..... 188

Д.В.Турчин
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЙ СЕКТОР ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ ЕГИПТА..... 202

Яков Файтельсон
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СТРАНЕ ИЗРАИЛЯ (1882–2006).. 215

В.В.Макух
ОЧЭС И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ – К НОВЫМ ФОРМАМ
СОТРУДНИЧЕСТВА..... 234

**Центр арабских и исламских исследований.
Круглый стол: «Россия и арабские страны:
перспективные направления сотрудничества».
Институт Африки РАН. 26 октября 2006 г.**

Е.И.Миронова
ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-АЛЖИРСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА..... 244

А.А.Ткаченко
РОССИЙСКО-АРАБСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И
ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ..... 253

В.Ю.Кукушкин
НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-АРАБСКИХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ..... 262

**ДЖ. АФГАНИ:
«ПИСЬМО К ОСМАНСКОМУ ХАЛИФУ»
(К истокам современного исламского радикализма)**

Изучение пропагандистских лозунгов, политических заявлений и практической деятельности радикальных исламистских организаций и группировок позволяет констатировать тот факт, что в их идеологии продолжают доминировать такие традиционные, ключевые для политического ислама догматы, как «мусульманское братство и единство», «священная война» против «неверных», возрождение «всемирной мусульманской империи» в виде халифата. Подобные лозунги исламских радикалов появились не сегодня и не на пустом месте. Все они генетически уходят своими корнями в историю и несут на себе отпечаток религиозно-политических доктрин, созданных в разные периоды истории известными мусульманскими мыслителями и реформаторами на основе Корана и сунны.

Чтобы понять сегодняшние заявления и лозунги исламистских радикальных организаций, было бы целесообразно обратиться к идеологии основоположника панисламизма Сайида Джамалуддина Афгани (1838–1897), в частности, к его знаменитому письму османскому халифу Абдул Хамиду II. Документ этот (ориентировочно относится к 1877–78 гг.) достаточно хорошо известен в исламоведческой литературе, благодаря работам отечественных и зарубежных авторов¹.

Ники Кедди – известная американская исследовательница жизни и религиозно-политической деятельности Дж.Афгани – охарактеризовал это «Письмо» как «типичную смесь мессианства, религии и прагматической политики»². Но, прежде чем перейти к непосредственному анализу этого документа, следует отметить еще один важный вывод Н.Кедди относительно мессианских наклонностей и политического прагматизма Дж.Афгани, о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что в начале своего послания султану автор сравнил предстоящую

тому трудную роль по объединению мусульман с миссией религиозного вождя VIII в. Абу Муслима Хорасани, поднявшего народ на борьбу с омейядскими халифами, и даже с действиями христианского монаха-отшельника Петра-Пустынника (Амьенского, 1050–1115), возглавившего народное ополчение в Первом Крестовом походе, поскольку для Дж.Афгани, как справедливо заметила Н.Кедди, они были «наглядным примером прагматического использования религиозных лозунгов в политических целях»³.

Итак, что представляло собою «Письмо к османскому халифу»? По сути дела, в нем Дж.Афгани выдвигал на рассмотрение султана грандиозный план мобилизации мусульман, населяющих территорию Британской Индии, Афганистана, Белуджистана, Бухарского и Кокандского ханств, а также регионов Кашкадарьи (Шахри сабз); Кашгара и Яркенда (Синьцзян) на священную войну против иноземных агрессоров (Англии и России) и создание на этих землях «Исламского союза и союза мусульманской общины», разумеется, под властью турецкого султана.

Реализацию этого плана он предлагал начать с Британской Индии, где проживало значительное число мусульман. Объяснялось это, видимо тем, что, пытаясь заручиться поддержкой султана, Дж.Афгани первым делом акцентировал его внимание на материальных выгодах, которые принесет участие индийских мусульман в этом союзе.

«Индийские мусульмане в большинстве своем люди богатые и знатные (асхабе макнат ва арабе гани ва сарват) – подчеркивал автор письма – и весьма преданы своей религии и национальности и ради нее они будут счастливы пожертвовать большие суммы». Но так как они, по утверждению Дж.Афгани, все еще пребывают «в состоянии невежества и застоя», то он готов пройти по всей Индии, встретиться с набобами, эмирами и улемами, чтобы напомнить им хадис о том, что все «правовверные – братья» и вдохнуть в них «новый дух любви к родине»⁴, а, главное – разъяснить им роль высокого султаната и убедить их в том, что сохранение религии ислама напрямую связано с сохранением этого государства⁵.

Далее Дж.Афгани уведомлял Абдул Хамида о том, что с целью пропаганды этих положений он разошлет «красноречивых улемов» в отдаленные города Индии, а сам вновь призвет всех индийских мусульман к «финансовым» взносам⁶.

И здесь, излагая свой план, Дж.Афгани придавал ему неожиданный поворот. Зная, что Абдул Хамид опасался испортить отношения с Великобританией, он заверял султана в том, что сумеет представить дело таким образом, будто бы организуемое им движение индийских мусульман никоим образом не является вмешательством в политику Англии, не ущемляет ее интересов, а в своей основе нацелено против русских⁷.

По его убеждению, подобная трактовка движения должна была успокоить англичан, которые считали бы, что недовольство индийских мусульман направлено только против русских. Более того, когда англичане убедятся в том, что план отвечает их национальным интересам, они – утверждал Дж.Афгани, – возможно, поддержат инициативу мусульман по финансированию движения и даже могут стать партнерами в осуществлении этого плана.

Завершая индийскую тему, Дж.Афгани вновь напомнил султану о тех выгодах, которые принесет движение мусульман в Индии. «Во-первых – заверял он – я не сомневаюсь, что будут получены очень значительные финансовые средства; во-вторых, индийские мусульмане объединятся в «единый, полностью исламский союз»⁸; в-третьих, когда «исламский союз» будет понят и воспринят англичанами, они, конечно, начнут крепить свою политику с Высоким Государством (Турцией – *Р.С.*).

И, наконец, Дж.Афгани в иносказательной форме напомнил султану о пункте плана, который, по его убеждению, был «деликатным вопросом, который не составляет тайны для проницательного господина». (По мнению Н.Кедди, речь здесь шла о возрождении и расширении исламской империи под эгидой турецкого султана)⁹.

Далее Дж.Афгани писал, что после того, как движение за создание исламского союза в Индии наберет силу, он намерен отправиться в Афганистан, где «афганцы, подобно тигру, кроме кровопролития ни о чем другом не думают, и при «звуках войны, особенно войны религиозной, мешкать не станут»¹⁰. И здесь вновь Дж.Афгани обещал султану призвать афганцев к «религиозной битве и национальной борьбе за веру» и привлечь их внимание к захватническим планам России¹¹.

При этом он заверял Абдул Хамида, что приложит усилия, чтобы доходчивым языком разъяснить мусульманам, что, если Великому Османскому государству будет нанесен какой-либо ущерб, то не останется даже следа ни от священной Мекки, ни

от сияющей Медины, ни от чтецов Корана, ни даже от обычаев ислама. И после этого никто уже не услышит ни звуков азана (призыва к молитве – *Р.С.*) и не увидит чтецов Корана, а мусульмане без пастыря разбредутся и «подобно стаду овец станут добычей волка-наильника (в тексте букв.: «и они как бухарские евреи будут унижены и подобно овцам без пастуха станут добычей волка»)»¹².

Чтобы предотвратить подобную катастрофу для мусульманского мира, Дж.Афгани намеревался направить в разные районы Афганистана «красноречивых и знающих улемов», чтобы поднять жителей гор и равнин. Сам же он собирался заключить договоры с местными влиятельными авторитетами: эмирами, ваэзами, сардарами и ханами и «призвать стар и млад, сильных и слабых к национальной войне»¹³. Автор письма также информировал султана Абдул Хамида, что одновременно пошлет с секретной миссией несколько «ответственных, знающих и мудрых улемов» в Коканд и Бухару, чтобы население этих земель было также готово к выступлению и ожидало бы нужного «времени, часа и наступления срока»¹⁴.

Следующим пунктом своей миссии Дж.Афгани называл Белуджистан, где, по его словам, местное население постоянно промышляет «набегами и разбоем». Чтобы пригласить их принять участие во «всеобщей войне», он собирался пробудить в белуджах «религиозные чувства» и интерес к «мирским благам», а для осуществления своих замыслов намерен был прибегнуть, как он выразился, к «испытанным дипломатическим хитростям», а также послать нескольких афганских улемов для ведения среди белуджей разъяснительной работы»¹⁵.

Дж.Афгани писал, что далее путь его будет пролегать в страну туркменов, которые, по его утверждению, известны не только своей храбростью и отвагой, но и готовностью к кровопролитию и беспорядкам. И, хотя в последнее время, по его мнению, туркмены «покрыли себя позором», попав в полную зависимость от России, он надеялся исправить это положение: «Я призову их к отмщению, разбужу в них гордость принадлежности к тюркской расе и понесу знамя исламского единства и разожгу пламя религиозной войны»¹⁶.

Вслед за этим Дж.Афгани собирался послать своих эмиссаров – «опытных и острых на язык» улемов – в сторону Кашгара и Яркенда, чтобы пригласить население этих городов к союзу «людей веры», и выражал уверенность, что если народ

поднимется на войну, то эмиры не останутся в стороне. Он убеждал султана, что, «будучи знаком с обычаями и моралью этих людей, у него нет ни малейшего сомнения в том, что мусульмане не только энергично атакуют русских, но даже разобьют их, и тогда никто не сможет отрицать пользу от его плана действия, тем более будущую выгоду от создания «Исламского союза и единой общины»¹⁷. При этом Дж.Афгани выражал уверенность в том, что, как только население Афганистана вступит в схватку с русскими, англичане обязательно втянутся в сражения, чтобы «русские увязли там и отказались от господства в этом регионе» (по мнению Н.Кедди, комментировавшей эту часть письма, здесь усматривалась некая «двусмысленность», возможно, «преднамеренная», направленная на то, чтобы столкнуть Россию с Англией и, тем самым, дать шанс мусульманам и Оттоманской империи восстановить свои утраченные господствующие позиции)¹⁸.

Предупреждая скептическое отношение потенциальных противников к реалиям своего плана и по поводу готовности населения этого региона начать войну против русских войск, он выражал уверенность, что население Коканда, Бухары, Шахри Сабза и Туркменистана «не такие бойцы, чтобы не оказать сопротивления русским и не покинуть поле брани без славы. Они скорее предпочтут, заявляет Дж.Афгани, бесславной жизни славную смерть»¹⁹.

Более того, он особо подчеркивал, что, в отличие от прежних войн, которые велись «ради эмиров-тиранов или губернаторов-угнетателей», отныне мусульмане будут сражаться за свою религию и защищать свою веру, и в этой битве они заслужат либо «мученический венок», либо «одежды славы»²⁰.

Итак, изложив свой план и разъяснив его цели султану, Дж.Афгани заверял его в своем полном бескорыстии и заявлял, что сам он не желает от государства «ни дирхема, ни динара, ни земельных наделов» и поднялся на эту опасную борьбу лишь ради любви к Аллаху и исламу. Единственное, о чем он просил султана, так это, чтобы после получения финансовых подношений из Индии, наградить медалями афганских, белуджских и туркменских эмиров²¹.

В конце своего послания Дж.Афгани просил султана рассмотреть его план «проницательным оком» и, в случае необходимости более подробных разъяснений с его стороны, изъявлял готовность лично прибыть к порогу Высокой Оттоманской Порты.

Краткий вывод, к которому можно придти на основании вышеизложенного, можно суммировать так. Панисламизм Дж.Афгани, как религиозно-политическая идеология, базирующаяся на религиозной, а не национальной основе и призывавшая к единству всех мусульман и восстановлению халифата, где правили бы законы шариата, разделялся впоследствии многими его последователями, выступавшими с позиций исламского радикализма (Хасан аль-Банна Абу Аля Маудуди, С.Кутб, М.Рида и многие другие). Сегодняшние исламисты также руководствуются этими целями в своей деятельности. В частности, они по-прежнему рассматривают регион Центральной Азии, Афганистан и Пакистан как благодатный край для осуществления своих планов создания «исламского государства» с помощью развертывания «священной войны» – джихада.

Для иллюстрации напомним некоторые факты. Еще совсем недавно талибы, создавшие на подконтрольной им территории Афганистана Исламский Эмират, провозглашали что он «станет первой ступенью к всемирному халифату мусульман»²². В 1988 г. на конгрессе народов Чечни и Дагестана всерьез обсуждалась идея объединения этих республик в «единый исламский имамат»²³, а в Центральной Азии исламисты ставили перед собой «задачу создания государственных образований в составе так называемого Великого Исламского Халифата, включающего Самарканд, Бухару, Ферганскую долину»²⁴. И таких примеров можно привести много.

¹ См. работы З.И.Левина, М.Т.Степанянц, И.Л.Фадеевой, а также книги Н.Кедди, Х.Пакдаман, Н.Берке, В.Бланта, Е.Кедоури и др. Полный текст в переводе с персидского в 1972 г. был напечатан на английском языке в книге Nikki R. Keddie «Sayyid Jamal ad-Afghani», A Political Biography. University of California Press, Los Angeles, 1972, а в 1977 г. был опубликован и на языке дари в сборнике, вышедшем в Кабуле под названием «Избранные произведения Сайида Джамалуддина Афгани» («Гозидейн асаре Сайид Джамалуддин Афгани»), составленному афганским ученым Сайидом Махмудом Рахидом).

² N. Keddie, ук. соч. с. 140

³ N. Keddie, ук. соч. с. 139

⁴ «Избранные произведения», Кабул, 1977, с. 8

⁵ Там же, с. 9

- ⁶ Там же, с. 9
- ⁷ Там же, с. 8
- ⁸ Там же, с. 8
- ⁹ N. Keddie, ук. соч. с. 135
- ¹⁰ «Избранные произведения», с. 9
- ¹¹ Там же, с. 9
- ¹² Там же, с. 9
- ¹³ Там же, с. 9
- ¹⁴ Там же, с. 9
- ¹⁵ Там же, с. 10
- ¹⁶ Там же, с. 10
- ¹⁷ Там же, с. 10
- ¹⁸ N. Keddie, ук. соч. с. 137
- ¹⁹ «Избранные произведения», с. 11
- ²⁰ Там же, с. 11
- ²¹ Там же, с. 11
- ²² Р.Сикоев «Талибы», М., 2004, с. 203, 206
- ²³ См. А.Малашенко, Д.Тренин «Время Юга», М., 2002 с. 32
- ²⁴ Там же, с. 186

**БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК:
РЕФОРМЫ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ***

В июне 2004 г. во время встречи глав промышленно развитых государств – Большой восьмерки в Си-Айленде (США) – была выдвинута инициатива по партнерству со странами Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки (РБВСА) в деле поддержки реформ в регионе. Эта инициатива, направленная на содействие политическим, экономическим и социальным преобразованиям в странах Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки (Большой Ближний Восток), воспринятая поначалу весьма настороженно в политических кругах арабских государств, в дальнейшем получила поддержку со стороны государств региона. И это неслучайно: реализация реформ, стартовавших в отдельных странах Большого Ближнего Востока в последней трети XX в., а затем охвативших весь регион, вступила на рубеже XX – XXI вв. в сложную стадию: начатые преобразования не завершены, судьба их в отдельных странах находится под вопросом.

В этой связи возникает проблема, которую нередко упускают из вида и авторы реформ, и эксперты. Это выбор темпа и масштабов реформ, к которым приступили в отдельных странах региона, особенно в странах с низким или невысоким уровнем хозяйственного развития, с серьезными кризисными явлениями в экономике и, тем более, переживающими системный кризис или его последствия. Этот выбор имеет огромное значение. Напротив, в отличие, от, условно говоря, бедных стран, в относительно экономически благополучных государствах, т.е.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проекта «Россия, проект Большого Среднего Востока и проблема ближневосточного урегулирования», №06-03-02044а.

с высоким уровнем благосостояния граждан или с динамичным и устойчивым экономическим ростом сроки, временные рамки, темпы проведения реформ важны, но не имеют столь принципиального значения.

К сказанному следует добавить, что группа беднейших стран региона нуждается не только в тщательно взвешенном решении относительно определения темпов, глубины проводимых реформ, но и в существенной международной поддержке, экономической помощи. От успешного хода реформ зависит будущее «мировой кладовой нефти и газа» – огромного, исключительно важного в геополитическом плане, региона. Несомненно, по своему значению результаты реформ далеко выходят за рамки интересов самого региона.

Из этого вытекает еще один важный вывод – учитывая геополитическое значение региона, мир, особенно центры мирового хозяйства, промышленно развитые страны в высшей степени заинтересованы в успешной реализации назревших здесь реформ.

Несмотря на многочисленные сложности, с которыми сталкиваются процессы модернизации и сохраняющиеся различия в понимании сути происходящих перемен, между инициаторами поддержки проводимых преобразований и их партнерами в регионе сложился консенсус по большинству ключевых оценок и проблем, связанных с реформами. Все участники Инициативы отдают должное роли реформ. В начале XXI столетия вопрос стоит «ребром» – либо реформы, либо революция. «Улица» все более настойчиво требует реальных перемен в политической жизни – права голоса в решении собственной судьбы, независимых СМИ, независимой судебной ветви власти, более справедливого распределения материальных и иных благ и т.д. Это подтвердил и состоявшийся 11–12 ноября 2005 г. в Манама – столице Бахрейна – в рамках «Форума для Будущего» второй саммит министров иностранных дел Большой восьмерки. На нем были подведены промежуточные итоги усилий международного сообщества по налаживанию совместной работы представителей правительственных кругов, неправительственных организаций и бизнес-сообщества большой группы государств в деле поддержки политических, экономических и социальных реформ в регионе РБВСА.

Достижению согласия уже на ранней стадии претворения Инициативы в жизнь не помешали ни огромные масштабы, ни

комплексный характер реформ, которые охватывают многие важнейшие сферы общества; ни отсутствие ряда необходимых условий – благоприятного международного климата в регионе, высокой степени внутривнутриполитической стабильности, динамичного, устойчивого экономического роста и т.п.

Высокая степень согласия между основными участниками реализации Инициативы, ставшая возможной в условиях краха «холодной войны» и утверждения качественно новой системы международных отношений, явилась важнейшим условием успешного старта «Форума для Будущего». За прошедшие два года проведено почти три десятка крупных международных встреч – конференций, саммитов, «круглых столов», – на которых были заложены основы многостороннего международного проекта сотрудничества в целях поддержки реформ. Их важнейшей составляющей явилось совместное участие в формате конструктивного диалога представителей правительственных структур и организаций, деловых кругов, а также неправительственных организаций (НПО), т.е. основных акторов гражданского общества. Именно содействие формированию устойчивого гражданского общества, саморазвивающейся рыночной экономики через политические, экономические и социальные реформы составляет «философию» Инициативы партнеров по Большой восьмерке, и на ее реализацию направлены их основные усилия.

Из сказанного вытекает третий важный вывод: несмотря на огромные масштабы и глубину предполагаемых реформ, они имеют хорошие шансы на успех, так как им оказывается мощное содействие со стороны ведущих экономических и политических центров современного мира, обладающих огромным потенциалом поддержки – экономическим, военно-политическим, моральным.

Усилия стран восьмерки и их партнеров по региону включают комплекс мер политического, экономического, гуманитарного (социального) характера, реализуемых на двух-, трех- или многосторонней основе по ведущим и, важно подчеркнуть, – согласованным консенсусом направлениям сотрудничества в формате «Форума для Будущего». Среди них поддержка политических реформ с целью содействия демократизации и участию общества в жизни региона через систему мер в рамках постоянно действующего «Диалога по содействию демократии»; помощь в реализации реформ в области образования

(содействие повышению стандартов в сфере образования, его доступности, ликвидации неграмотности и реформе системы профессиональной подготовки); поддержка предпринимательства, главным образом, малого и среднего бизнеса – основы гражданского общества. Особо выделено, как одно из приоритетных направлений преобразований, поддерживаемых «восьмеркой», расширение участия женщин в экономической и общественно-политической жизни.

Из оценки главных направлений реформ вытекает еще один важный вывод: партнеры по Инициативе, т.е. по «Форуму за Будущее» выбрали в качестве направлений реформ именно те, которые ведут к достижению важнейших целей и задач общественного развития в регионе РБВСА.

Содействие формированию основ и традиций гражданского общества, согласно «философии» авторов Инициативы, предполагает «налаживание диалога между гражданским обществом (неправительственными организациями), правительством и парламентами» стран региона, в ходе которого должны быть выработаны рекомендации всем заинтересованным участникам, включая правительства, политические партии, СМИ, институты гражданского общества стран региона; меры содействия процессу становления НПО; обеспечения прозрачности и верховенства права, прав человека, искоренения коррупции. Важным элементом намеченного должно стать образование специальных фондов из средств, выделяемых на добровольной основе правительствами, бизнес-сообществом и другими негосударственными структурами для поддержки демократического процесса.

Комплекс мер на региональном и глобальном уровне намечен в области поддержки предпринимательства. Среди них финансирование, в том числе через специально создаваемые фонды, различных проектов, инициатив по развитию малого и среднего бизнеса, создание групп по лоббированию интересов последних, увеличение инвестиций в сферу деятельности малого и среднего капитала, расширение возможностей привлечения передовых технологий, создание региональных центров поддержки предпринимательства, содействие росту профессионализма в сфере предпринимательства и т.д.

Каждое из названных направлений реализуется «инициативной» группой, включающей страну-члена Большой восьмерки и отдельные (1–2) страны региона. К этой работе могут под-

ключиться на инициативной основе другие страны-партнеры, международные и национальные организации, постепенно охватывая проводимыми ими мероприятиями всю проблематику направления и региональное пространство. Предприимчивые участники выступают донорами и активистами сбора средств в формируемые фонды содействия.

На втором саммите министров иностранных дел стран Большой восьмерки в Манаме его участники, представлявшие более трех десятков государств-инициаторов «Форума», стран Большого Ближнего Востока и других регионов, подвели основные итоги. Ими была дана высокая оценка проделанной со времени саммита в Си-Айленде работы, выражена практически единодушная поддержка основополагающих целей и задач «Форума». На встрече в Манаме были уточнены акценты и намечены программные установки и неотложные мероприятия на ближайшее будущее.

Проведенные в 2005 г. мероприятия, включая саммит в Манаме, охватили практически всю согласованную партнерами по «Форуму» тематику, позволили их участникам, число которых на отдельных мероприятиях достигало нескольких сотен, обменяться мнениями по широкому кругу вопросов и высказать предложения и рекомендации в интересах достижения главных целей «Форума для будущего».

В частности, широкую поддержку получила позиция, суть которой состоит в том, что крайне важно с самого начала реализации инициативы Большой восьмерки обеспечить атмосферу конструктивного сотрудничества между неправительственными и правительственными организациями и структурами. Это, отмечали участники форума, по сути, краеугольный камень всей конструкции партнерства в целях поддержки демократических реформ.

Многие участники отметили исключительное значение поддержки мерам, направленным на повышение роли женщин в политической жизни стран региона, а также в сфере деятельности малого и среднего бизнеса.

Большое внимание было уделено рекомендациям, связанным с ликвидацией неграмотности, с глубокой реформой системы образования, в том числе в области подготовки профессиональных кадров и развития управленческого опыта в сфере малого и среднего бизнеса, обеспечения доступности образования для молодежи, где особенно высока безработица.

В целях создания международного механизма и национальных структур для содействия реформам образуются региональные центры по важнейшим направлениям партнерства – по мониторингу реформирования системы образования в странах РБВСА, сбору и обобщению информации по различным аспектам реализуемых реформ, по поддержке малого и среднего бизнеса, «высоких профессиональных стандартов в области предпринимательства» и т.д. Будет продолжена работа семинаров, в том числе по поддержке образования со стороны деловых кругов, по развитию технического и профессионального образования, по использованию информационных технологий и коммуникаций, по вопросам качества и стандартов в области образования и т.д.

За короткий срок была проделана огромная работа на всех направлениях реформ благодаря высокому уровню организации, удачно выбранному механизму работы «Форума для Будущего» и, самое главное, осознанно ответственному отношению всех участников к достижению поставленных целей. Это – еще один из главных выводов, опирающихся на всестороннюю оценку масштаба поставленных задач и уже достигнутого.

Значительный резонанс на саммите в Манаме получил тезис, прозвучавший в ряде докладов и выступлений в СМИ Бахрейна, о том, что реализацию реформ нельзя отдать на откуп чиновникам, которые весьма преуспели в искусстве имитации преобразований, выхолащивания сути реформ и их дискредитации. Подчеркивалась острая необходимость выработать и совершенствовать механизмы, обеспечивающие реальное и решающее участие в этом процессе институтов и организаций гражданского общества, прежде всего НПО. Полное понимание и поддержку участников «Форума» встретила неоднократно высказанная мысль о том, что проводимые и намечаемые реформы не могут быть импортированы извне, международное сообщество может лишь оказать поддержку мерам и шагам, выработанным в самих странах Большого Ближнего Востока.

Ряд участников, главным образом представлявших страны Расширенного Ближнего Востока, подчеркивали негативное влияние ближневосточного конфликта на судьбу реформ, некоторые выражали сомнение в эффективности проводимых преобразований в условиях продолжения противостояния. Вместе с тем, высказывалась убежденность в том, что, не отрицая негативного влияния ближневосточного конфликта на

процессы модернизации в странах региона, ошибочно ставить судьбу реформ в зависимость от перспектив решения ближневосточной проблемы. Сторонники такой точки зрения подчеркивали, что успешные реформы благотворно скажутся на мирном процессе урегулирования и ускорят его завершение.

На форуме, где сошлись позиции и оценки по широкому кругу сложнейших и острейших вопросов и проблем представителей десятков столь различных стран и многочисленных организаций и движений, проявились естественные в таких случаях расхождения и несовпадения взглядов. В частности, мнения участников форума разошлись по вопросу о помощи процессу формирования НПО и создания фонда для финансовой поддержки неправительственных организаций. Было высказано пожелание выработать согласованные принципы признания и поддержки НПО в странах региона, в том числе из средств специально создаваемого фонда.

В завершающей части совместной работы участники саммита подтвердили согласие на активное участие в намеченных на ближайшую перспективу мероприятиях «Форума для Будущего» и, в частности, проведение в Аммане под председательством России и Иордании саммита министров образования стран Большой восьмерки и их партнеров из государств региона.

Разумеется, суть Инициативы Большой восьмерки и их партнеров по региону не в темпах реализации намеченных преобразований, проектов и программ, хотя они, несомненно, важны, как подсказывает мировой опыт. И даже не столько в согласованно принимаемых документах, как в самом процессе, который принял характер авторитетного и постоянного действующего международного форума, насыщенного дискуссиями, совместно выработанными проектами, программами и планами продуманных действий, опирающегося на самое широкое представительство общественных и политических сил, бизнес-сообществ. Эти силы, пользующиеся огромным влиянием в регионе и в мире в целом, в состоянии принимать решения на основе консенсуса по самым сложным и важнейшим вопросам в интересах согласованных целей и задач, связанных с облегчением всего хода крайне сложного и деликатного процесса реформ и модернизации Большого Ближнего Востока.

ЛАГ И ИНТЕГРАЦИЯ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Региональные организации, как правило, являются важным фактором укрепления безопасности и стабильности, социально-экономического развития и культурного обмена между странами, входящими в эти организации. Поэтому они играют позитивную роль во внутривнутриполитической жизни этих стран и в то же время помогают им защищать свои интересы на региональном и международном уровнях. Появление региональных организаций отражает степень понимания странами определенных геополитических и геоэкономических императивов, то есть уровень их национально-политического сознания. Кроме того, возникновение региональных организаций обычно отражает осознание настоящей потребности в единстве как одном из основных условий прогресса.

Эта закономерность всецело распространяется на историю и механизмы функционирования Лиги арабских государств (ЛАГ), которая была создана почти за шесть месяцев до образования Организации Объединенных Наций.

В системе современных международных отношений, наряду с двусторонними связями между государствами, важную роль играют различные формы межгосударственного сотрудничества в рамках региональных межправительственных организаций. Как подчеркивалось в докладе Генерального секретаря ООН Б.Гали Совету Безопасности 31 января 1992 г., в изменившихся международных условиях благодаря прекращению «холодной» войны значение региональных механизмов и организаций для поддержания международного мира и безопасности неизмеримо возрастает. На Ближнем Востоке одна из таких организаций представлена Лигой арабских государств, старейшей региональной организацией освободившихся стран Азии и Африки. Возникшая в 1945 г., ЛАГ по сей день является существенным элементом региональных международных отношений в арабском мире, на мировой арене в целом.

Место и роль Лиги в структуре региональных международных отношений в этом регионе определяется следующими основными факторами: во-первых, удельным весом входящих в нее арабских стран в мировой экономике и политике; во-вторых, положением ЛАГ как связующего звена стран Ближнего и Среднего Востока со странами Африки; в-третьих, неразрывной связью ее деятельности с процессом политической и социально-экономической деколонизации арабского мира; в-четвертых, возможностями коллективных миротворческих усилий в урегулировании перманентных кризисов в этом взрывоопасном районе¹. Призванная способствовать координации действий в разрешении спорных проблем межарабских отношений, ЛАГ в то же время выступает как выразитель общеарабских интересов на международной арене, в частности, в Организации Объединенных Наций. ЛАГ пользуется статусом наблюдателя при ООН, имеет свои бюро и информационные центры в Вашингтоне и ряде столиц европейских государств, что дает ей возможность вступать в непосредственные контакты с правительствами этих стран и международными организациями системы ООН. В 1989 г. была учреждена Миссия ЛАГ на уровне посольства в Москве. Создание этой организации явилось самым заметным результатом деятельности движения за арабское единство, возникшего после Первой мировой войны.

ЛАГ действует на основе Устава. В дополнение к нему в более позднее время были приняты еще два документа, а именно: Соглашение о совместной обороне и экономическом сотрудничестве от 13 марта 1950 г. и Устав национального экономического сотрудничества от 26 ноября 1980 г. Оба этих дополнения были приняты всеми государствами-членами как основополагающие документы².

Разные специализированные агентства – упомянем только несколько – Арабская Организация Труда (АЛО; 1965 г.), Образовательная, Культурная и Научная Организация (АЛЕСКО; 1964 г.), Арабская Организация Сельскохозяйственного развития (ААДО; 1970 г.) были созданы для совместного развития соответствующих направлений и отраслей в арабских государствах.

В 1964 г. двенадцать членов Лиги образовали Арабский Совет Экономического Единства. В качестве одной из его целей было декларировано инициирование усилий в создании арабского общего рынка на основе свободы перемещения и транзита людей, капитала и товаров, свободы трудового найма

и приобретения собственности. Впоследствии были созданы финансовые учреждения для обеспечения средствами проектов развития, а именно: Арабский Валютный Фонд (1975 г.), Арабский Фонд Экономического и Социального Развития (1968 г.), Арабский Институт Гарантий Инвестиций (1970 г.).

Для решения оперативных вопросов в области экономики были созданы и функционируют Социально-экономический совет, Генеральный департамент по вопросам экономики, Арабский фонд технической помощи африканским странам, Арабский банк экономического развития в Африке. С целью укрепления арабо-европейского диалога был образован Высший Трехсторонний Комитет и Полномочный Комитет, последний из которых осуществляет контроль за состоянием экономического развития и социальных вопросов. Вопросами экономического и промышленного развития занимаются также такие специализированные агентства при ЛАГ, как Арабская организация промышленного развития и минералогии (AIDMO; 1978 г.), Организация арабских государств – производителей нефти (1968 г.), Арабский банк африканского экономического развития (ABEDA; 1973 г.), Арабский совет сельскохозяйственного развития и инвестиций (1971 г.).

С момента своего создания ЛАГ превратилась в инструмент укрепления единства и сотрудничества между арабскими странами. Она стала местом встреч представителей арабских стран с целью разработки проектов сотрудничества и достижения взаимопонимания, принятия стратегически важных для арабского мира решений. В ходе этой деятельности, включающей саммиты лидеров арабских стран, а также коллективные заседания министров иностранных дел и постоянных представителей Лиги, принимались важные совместные решения по многим проблемам арабо-израильского противостояния, а также по вопросам укрепления независимости и суверенитета, обеспечения условий для экономического развития.

Департаменты и отделы Лиги формируют планы и пакеты документов по проектам экономической интеграции, в числе которых создание общего арабского рынка и анализ трудностей, мешающих сотрудничеству и экономической интеграции.

Если обратиться к существующим реалиям, то для системы торговых отношений между арабскими странами характерны высокая степень протекционизма, отсутствие прозрачности и практика искажений показателей³. Национальные экономики

остаются относительно закрытыми. Это обусловлено общей склонностью к консерватизму, определенными преимуществами и тем, что трансферты и доходы от нефти и газа, т.е. неизменяемые номенклатуры, позволили многим арабским странам пользоваться прежними методиками в ведении торговых связей и ограничивать процессы либерализации, требующие транспарентности. Это сужает возможность для развития интеграции. Наряду с субъективными факторами имеются и объективные причины, не способствующие углублению процессов экономической интеграции в арабском мире. В частности, это однотипность экономик многих арабских государств. Главным продаваемым товаром внутри региона является нефть, а главным продаваемым фактором – труд. Ввиду этого интенсификация региональной интеграции вряд ли приведет к большей диверсификации в торговле этими товарами. Кроме того, эти страны характеризуются низкой конкурентоспособностью выпускаемой продукции как по качеству, так и по цене. К тому же арабские государства выделяются не столько как экспортеры (хотя их роль в поставках углеводородного сырья на внешний рынок исключительно велика), сколько как импортеры разнообразных товаров и услуг. Ввиду этого большинство арабских стран будет продолжать торговать главным образом вне региона, прежде всего с Европой, Соединенными Штатами и Азией.

Идея образования общеарабского рынка была выдвинута еще в 50-е годы прошлого века, когда Лига была создана и когда была велика эйфория от предвкушения свершений. Первое соглашение в плане межарабского торгового сотрудничества – о введении единого таможенного тарифа – было заключено в 1953 г. Оно было утверждено Экономическим Советом ЛАГ в 1956 г., а ратифицировано – в 1959 г. Главной целью этого было укрепление взаимодействия участвующих стран в экономике, финансах, на транспорте, в связи и в других областях.

Уже вскоре стало ясно, что ЛАГ не справляется с функциями координатора интеграционных процессов, так как фактически сосредоточилась на попытках добиваться согласия в политических вопросах и на бюрократических процедурах. Наравне с моделью общего арабского рынка, предложенной руководством ЛАГ, в настоящее время в регионе существует и другая модель арабской интеграции – создание субрегиональных интеграционных группировок. Среди них можно выделить Магрибское экономическое сообщество, образованное 1 октяб-

ря 1964 г., в составе Алжира, Мавритании, Марокко, Туниса, Ливии; Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, членами которого стали Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Катар, Бахрейн и Оман (1981 г.); Союз Арабского Магриба, в состав которого вошли Алжир, Марокко, Тунис, Ливия, Мавритания (1989 г.); Совет Арабского Сотрудничества (САС) при членстве Египта, Ирака, Иордании и Йемена (1989 г.)⁴.

Следует отметить, что из всех вышеперечисленных субрегиональных группировок в настоящее время существует только Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. В остальных случаях низкая эффективность и неумение направлять усилия для реализации заявленной экономической интеграции, торгово-экономическая блокада Ливии, закрытость Алжира для инвестиций, сложная обстановка, возникшая после первой и второй войн в Заливе, захват Ираком Кувейта – вот лишь некоторые факторы, которые свели эффективность интеграционных шагов к нулю.

В числе первостепенных задач, заявленных интегрировавшимися арабскими странами, было создание единой транспортной и энергетической системы. Эти две области были выбраны неслучайно: близость источников сырья вкупе с планировавшейся развитой дорожно-транспортной инфраструктурой, значительно сократили бы издержки в области добычи и транспортировки углеводородов на мировые рынки потребления, что, например, планировалось Египтом и Ливией. Последующее введение торгового эмбарго в отношении последней и общее осложнение обстановки в ближневосточном регионе заставили правительства стран заморозить подобные проекты.

Попытки создать к началу XXI в. Арабскую зону свободной торговли – АЗСТ (путем ежегодного снижения ввозных пошлин на 10%) не привели к существенному прогрессу в торговой сфере или к заметному экономическому росту, так как представляли собой скорее дань моде перед лицом усиливающейся глобализации, чем реальный проект, имеющий под собой рационально-просчитанную основу. В связи с этим наблюдатели подчеркивают, что каждая арабская страна проводит ныне собственную экономическую политику, не ориентируясь на интересы соседних стран и на общеарабские интересы.

Возможно, проблема предпринятых ранее неэффективных попыток интеграции заключается внутри самого региона, не стремящегося объединиться? Исследование международных

торгово-экономических связей североафриканских государств и новейших тенденций в их развитии показывает, что благоприятное и уникальное географическое положение позволяет расширять деловое партнерство сразу по нескольким направлениям. Как по линии «Юг-Север» (сотрудничество с Евросоюзом, другими экономическими группировками индустриальных стран), так и по линии «Юг-Юг» (в рамках Союза Арабского Магриба, свободной торговой зоны Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – АФТА и т.п.), а также в рамках более сложной глобальной конфигурации, привлекающей внимание ближневосточных экономических саммитов, с акцентом на сотрудничество ближневосточных стран при участии государств, капиталов и экономических организаций из различных регионов мира.

Основные предпосылки сотрудничества стран Северной Африки с ЕС заключаются в преимуществах, которые дают кооперационные связи между странами в целом ряде отраслей экономики (например, в энергетической). Мощным стимулом к развитию торгово-экономических связей является и возможность использования огромного местного рынка дешевой рабочей силы, численность которой приближается к 100 млн. человек. Регион располагает и значительными финансовыми ресурсами. Но из-за недостаточно благоприятного внутреннего инвестиционного климата они используются на зарубежных финансовых рынках: примерно из 850 млрд. долл., размещенных арабскими вкладчиками из стран Магриба на счетах, в основном, в индустриальных странах, лишь на одну страну Северной Африки – Египет – приходится, по разным оценкам, от 85 до 150 млрд. долл.⁵, тогда как он сам остро нуждается в капиталовложениях.

Что касается организационно-технического аспекта интеграции в странах Персидского залива, представляющих в арабском мире его вторую, большую часть (наравне с рассмотренным выше Магрибом), то упомянутый ССАГПЗ полностью исчерпал интеграционный потенциал региона. Анализируя экономики стран этого региона, можно прийти к выводу, что в силу тех же причин, что и в странах Северной Африки, т.е. однотипности экономик и политической амбициозности лидеров государств, здесь существует лишь давно сложившаяся практика двусторонних экономических отношений с третьими странами (США, Европой, Азией). Торговля и сотрудничество между соседними странами поддерживаются на крайне низком, минимально необ-

ходимом уровне, скорее как показатель дружелюбности политических курсов этих стран, чем как стремление реально расширить сотрудничество. Представители обеспеченных слоев предпочитают инвестировать свои финансовые средства за рубежом. Исключением можно считать лишь ОАЭ, стремящиеся, в силу амбиций правящей династии Аль Нахайян, стать политическим и экономическим лидером региона, если не всего арабского мира, и поэтому активно развивающие различные отрасли экономики внутри страны, и, в первую очередь, сферу услуг (туризм и сопутствующие ему области).

Следует особо отметить тот факт, что ЛАГ ни в коей мере не проигрывает вышеуказанным субрегиональным интеграционным группировкам по амбициозности замыслов в экономической сфере (создании единой транспортной и энергетической систем, зоны свободной торговли), если судить о степени реализованности этих проектов. Более того, возможности ЛАГ и ее авторитет позволяют ей оперировать на международной арене. На европейском направлении ЛАГ действует в рамках намеченного ранее плана европейско-средиземноморского партнерства, используя все возможности линии «Юг – Север», Департамента по делам Европы, а также Департамента межцивилизационного диалога, входящих в организационную структуру Лиги. В ходе укрепления дружественных отношений между Лигой и ЕС, в конце августа 2006 г. был проведен культурно-экономический форум «Embrosity», в котором с арабской стороны участие принял только Генсек ЛАГ. Форум завершился открытием в Италии Арабского дома, который будет пропагандировать самобытную культуру арабских стран, проводить различного рода научные мероприятия, осуществлять содействие арабским мигрантам, организовывать изучение арабского языка в Европе.

Анализ состояния национальных экономик государств Северной Африки, проведенный АФЭСР ЛАГ, позволяет считать, что наиболее привлекательные области для реализации средиземноморских экономических проектов – региональная инфраструктура, энергетика, добыча, переработка и транспортировка нефти и газа. Значительные возможности имеются в банковской сфере, международном туризме, охране культурного наследия и экологии, в отдельных отраслях сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности, в подготовке квалифицированной рабочей силы и в разработке технологий

регионального профиля (с учетом региональных особенностей и специфики) – добычи нефти в условиях пустыни, засушливого сельского хозяйства и т.п.

Проводя сравнительный анализ состояния национальных экономик Магриба и Машрика, можно отметить следующие моменты: регионы ронит шаблонность организации экономического хозяйства, ориентированного в основном на добычу и экспорт сырья; непрозрачность процедур, связанных с торговыми операциями; бюрократические барьеры на пути развития любой отрасли экономики; монополистическая политика в сфере разработки и сбыта углеводородов при крайне малой доле незащищенного малого бизнеса; огромный рынок дешевой рабочей силы. При этом, если страны Персидского залива представляют собой благополучную и богатую часть арабского мира, то государства Машрика – его бедную и менее стабильную в экономическом и политическом плане составляющую. Для всех стран характерны преимущественно двусторонние торгово-экономические отношения с третьими странами, тесная взаимосвязь экономики с политическим курсом лидера страны. Принимая во внимание несущественный процент представителей среднего и малого бизнеса, составляющего элемент гражданского общества, их уязвимость от бюрократического аппарата и высокие цены на нефть, трансферты от продажи которой позволяют правящим режимам откладывать проведение либерализации экономики, можно с уверенностью прогнозировать сохранение такой градации в регионе и в дальнейшем.

В настоящее время ЛАГ стремится выстроить систему неких приоритетов в своей экономической деятельности, к чему ее толкают глобальные изменения в организации мирового хозяйственного пространства, новый мировой экономический порядок, вызванный интернационализацией производства, потребность в экономических реформах национальных экономик и многие другие факторы. Центром притяжения для арабских стран в этом смысле являются США. В связи с этим на американском направлении в рамках ЛАГ действует Департамент по делам Америки, в сферу деятельности которого входит сбор и анализ информации об отношениях между США и странами арабского мира в различных областях, их динамики; посредничество и компетентное консультирование по вопросам многостороннего или двустороннего сотрудничества.

В ходе последней, 61-й, сессии ГА ООН осенью 2006 г. Генсек ЛАГ провел серию переговоров с высокопоставленными деятелями в Соединенных Штатах Америки с целью возобновить взаимодействие в предыдущем формате, что подразумевало, в первую очередь, размораживание банковских счетов Лиги, смягчение позиций американской администрации по вопросу легитимности движения ХАМАС и посредничество как члена Квартета по ближневосточному урегулированию в деле возвращения палестинской и израильской сторон за стол переговоров⁶.

Учитывая частую антисемитскую риторику Генсека ЛАГ и принципиальные расхождения организации в отношении палестино-израильской проблемы с озвученной политической линией США, можно предполагать, что кардинального прорыва на направлении экономического сотрудничества в обозримом будущем не предвидится. Также с большой степенью уверенности можно предполагать и дальнейшее сохранение зависимости экономического курса Лиги от ее политических действий, в первую очередь, в отношениях с США.

На азиатском направлении интересы ЛАГ как выразительницы интересов всего арабского мира, сосредоточены, в первую очередь, на отношениях качественно нового уровня с Китаем.

Как передавало китайское информационное агентство Синьхуа, в июне 2006 г. Китай и арабские государства договорились до 2008 г. провести форум по нефтяному сотрудничеству. Планируемое мероприятие состоялось уже в период с 31 мая по 1 июня 2006 г.: в Пекине прошел Китайско-арабский форум сотрудничества на уровне министров иностранных дел, благодаря которому были «созданы новые механизмы и платформы для дальнейшего развития сотрудничества и выведения отношений Китая с арабскими странами на абсолютно новый уровень». Под этим подразумевается, что и Китай, и арабские страны будут поощрять национальные компании, в планах которых заложено развитие взаимного инвестиционного сотрудничества в сфере энергетики, создание совместных предприятий и обмен технологиями. По замыслу, большее значение теперь начнут приобретать связи не на государственном уровне между сторонами, а взаимодействие на уровне компаний, представителей бизнес-элиты.

Соответствующий совместный план действий в области энергетики, включающий вышеизложенные положения, и ито-

говое коммюнике были подписаны 1 июня министром иностранных дел КНР и Генсекком Лиги.

Также во время сессии ГА ООН 20 сентября 2006 г. Генсек ЛАГ провел ряд встреч с министром иностранных дел КНР. Во время встречи китайская сторона отметила, что сотрудничество между партнерами в различных областях стабильно развивается. Оно подлежит углублению в экономике, торговле и инвестициях, будет активизирована координация в международных делах. Экономическую составляющую собеседники охарактеризовали как «взаимодополняемую».

«Двусторонние отношения в политической, экономической, энергетической и культурной областях с момента проведения первого Форума по китайско-арабскому сотрудничеству в 2004 г. получили большое развитие», – подчеркнул А.Муса⁷. В рамках Форума по китайско-африканскому сотрудничеству обсуждались не только тема «дружбы, мира, сотрудничества и развития», но и успехи, достигнутые в двустороннем сотрудничестве за последние 50 лет, была принята программа действий в целях его расширения в разных областях.

В отношении североафриканских стран Китай развертывает торгово-экономическое сотрудничество на принципах равенства, взаимной выгоды и совместного развития. В этом сотрудничестве, осуществляемом при посредничестве ЛАГ, исполняющей координирующую роль, а также проводящей различного рода консультации по формированию и обеспечению нормативно-правовой базы по экономическим вопросам и т.п., КНР делает упор на три аспекта: 1) расширение импорта североафриканских товаров, создание условий для презентации этих товаров; 2) тесное сочетание технической помощи с экономической для обеспечения способности арабских экономик Африки к саморазвитию; 3) помощь в подготовке рабочих и технических кадров и управленческих специалистов.

В 2005 г. объем торговли между всеми арабскими странами и Китаем превысил 51 млрд. долл., что в 10 раз больше, чем десять лет назад, и арабо-китайское сотрудничество имеет большие потенциальные возможности для роста. То есть объем торговли между странами в течение ближайших двух-трех лет может достигнуть 100 млрд. долларов, как неоднократно прогнозировал А.Муса.

К числу приоритетных ЛАГ относит и российское направление. Последние годы свидетельствуют о значительных из-

менениях в торгово-экономических отношениях между Россией и арабскими странами. Существует большой потенциал для их дальнейшего наращивания, особенно в нефтяной и газовой отраслях. Некоторые российские компании (ОАО «Лукойл», ОАО «Газпром», Межгосударственная нефтяная компания «СоюзНефтеГаз» и др.) инвестируют крупные капиталы в разработку нефтяных месторождений в арабских странах (Саудовская Аравия, Алжир, Судан, Египет). Имеются большие перспективы сотрудничества в области высоких технологий, банковском секторе, в сфере добычи, очистки и опреснения воды⁸. Сохраняется и перспектива возобновления военнотехнического сотрудничества между Россией и арабскими странами, выведения его на прежний уровень, который существовал во времена Советского Союза (предвестником чего может служить недавняя сделка между АКБ «Сухой» и Йеменом, касавшаяся приобретения последним самолетов на сумму более 100 млн. долл.).

Компании и бизнесмены из арабских стран, в свою очередь, проявляют заинтересованность в России с целью вложения капитала в нефтепереработку, газовую отрасль, производство самолетов, банковский сектор и другие.

Как пример расширения сотрудничества между российской стороной и арабскими странами можно привести тот факт, что в 2004 г. при посредничестве ЛАГ для иностранного капитала открылись более 20 объектов в различных отраслях экономики Саудовской Аравии от нефтедобычи до розничной торговли. В итоге, ОАО «Лукойл» подписало в марте 2004 г. концессионное соглашение на право в течение 40 лет вести геологоразведочные работы и разрабатывать месторождения газа и газового конденсата в пустыне Руб эль-Хали на площади около 30 тыс. кв. км (оценка обязательств – 4 млрд. долл.).

Налаживанию связей между предпринимателями России и арабских стран способствует созданный в 2002 г. по инициативе председателя Торгово-промышленной палаты РФ Е.М.Примакова Российско-арабский деловой совет, осуществляющий посредническую миссию между предпринимателями разных стран, заключающуюся в информационно-консультативной, переводческой и некоторых других функциях⁹. Благодаря инициативной работе Совета в последнее время заметно активизировалось российско-арабское взаимодействие в различных областях, существенно увеличилось число компаний из Рос-

сии, работающих на рынках ближневосточных государств. Особенно важно то, что им удалось выйти на реализацию крупных многосторонних проектов, в том числе создание «Арабского дома» в Москве.

По мнению заместителя министра иностранных дел РФ А.Яковенко, все более актуальным становится выход за рамки традиционного торгового обмена с арабскими странами. Перспективным направлением может и должна стать совместная инвестиционная деятельность. В этой связи заслуживает внимания предложение, внесенное на четвертом заседании Российско-арабского делового совета президентом Торговых, промышленных и сельскохозяйственных палат арабских стран А.Кассаром, об учреждении российско-арабского инвестиционного фонда. Неменьший интерес представляет собой идея создания центра передачи технологий на базе частного сектора с целью развития инвестиционного сотрудничества.

Налицо обоюдный настрой на то, чтобы придать взаимодействию принципиально новый импульс, выражающийся в стремлении расширить рамки традиционного торгового обмена. Подписание Меморандума о взаимопонимании в штаб-квартире ЛАГ с Организацией региональной содружества в области связи (РСС) в сфере развития коммуникаций в конце апреля 2006 г. должно стать первым шагом в абсолютно новом направлении, развертываемом в сотрудничестве между Россией и арабскими странами – в политике в области коммуникационных технологий, формировании и передаче информационных массивов.

Россия и Лига арабских государств условились немедленно начать работу над подготовкой Соглашения о развитии многоплановых двусторонних отношений на переговорах Генсека ЛАГ с секретарем Совета безопасности РФ. По словам Генсека, обе стороны займутся проработкой конкретного наполнения этого соглашения «не только в политическом аспекте, но и в том, что касается экономики, высоких технологий, социальных вопросов». Секретарь, со своей стороны, сообщил, что на переговорах было принято решение создать рабочую группу для подготовки соответствующего соглашения. Представляется, что совместная деятельность российских экспертов и специалистов ЛАГ, владеющих широким спектром социально-экономических вопросов, имеет все шансы быть плодотворной и результативной. Укреплению сотрудничества с Российской Феде-

рацией, особенно в области экономики и торговых отношений, должен послужить визит в Москву Генсека ЛАГ, планируемый на начало 2007 г.

В ходе же рабочего визита министра иностранных дел Российской Федерации в Египет 1–2 декабря 2006 г. ставилась задача перевода в практическую плоскость договоренностей, достигнутых между президентами РФ и АРЕ с одной стороны, и ЛАГ, с другой, относительно наращивания российско-Египетского делового партнерства. В их числе проекты создания в АРЕ специальной промышленной зоны для российских производителей, а в более отдаленной перспективе – зоны свободной торговли между двумя странами¹⁰.

Отмечая роль ЛАГ на международной арене как в области урегулирования политических конфликтов, так и осуществления проекта общего арабского рынка, можно прийти к выводу, что за все время своего существования Лига смогла стать, в лучшем случае, лишь посреднической организацией. Ее миссия как инициатора и исполнителя самостоятельных решений практически не просматривается.

Что касается XXI века, то, анализируя положение Лиги на настоящий момент, можно отметить, что она остается пока лишь координационным органом, а не инструментом интеграции, как это планировалось при ее создании. Лига не смогла выполнять миссию по консолидации рядов арабов, что объясняется такими факторами, как формальное отношение к ЛАГ со стороны ее учредителей, отсутствие эффективного механизма воздействия на страны-участницы, непроработанность единого политического курса Лиги, борьба за лидерство в обход ее.

О причинах неудач и препятствий на пути к единству политическому и экономическому можно, в теоретическом плане, судить, учитывая два важнейших фактора – внутренний и внешний. К первому относится отсутствие объективных предпосылок объединения разрозненных в экономическом, социальном и политическом отношении частей арабского мира. Внешний фактор заключается в отторжении любой недееспособной структуры, по сути своей реактивной, а не инициативной, со стороны международного сообщества.

В практическом плане можно указать основные причины, негативно отражающиеся на процессе арабской интеграции, – личные амбиции и конкуренция между арабскими лидерами за господство в регионе, несогласованность высшими арабскими

руководителями политических мероприятий и шагов в направлении единства, отсутствие общеарабской политической силы, занимающей ясные позиции и имеющей четкую программу.

В настоящее время многие арабские политики на Ближнем Востоке в связи с невыполнением ЛАГ своей интегрирующей функции указывают на необходимость пересмотра основных документов Лиги и призывают к активизации ее деятельности. Более того, ряд арабских государств уже выступил со своими проектами, направленными на достижение этой цели.

Например, на основании постановления 218, которое стало итогом работы встречи на высшем уровне в рамках Лиги арабских государств в Аммане (Иордания) 28 марта 2001 г., и тех документов, которые были выработаны во время встречи в Шарм эш-Шейхе в марте 2003 г. и содержали призыв к арабским государствам выдвигать свои предложения и разъяснять свое видение проблемы развития и реформирования общеарабского дела, Йемен выдвинул проект конституции Союза Арабских Государств¹¹.

Оценивая результаты деятельности ЛАГ и желая укрепить ее роль на международной арене, Йемен призывает использовать уже имеющиеся общеарабские документы и добавить к ним ряд новых соглашений (например, о создании Союза Арабских Государств, основной целью которого станет достижение экономической интеграции), которые обогатят и разовьют механизмы, положенные в основу единства. Налицо стремление Йемена воспользоваться опытом других успешных региональных объединений, таких как Европейский Союз (ЕС), Организация Африканского Единства (ОАЕ) или Ассоциация стран Тихоокеанского региона (АТР).

Необходимость активизации Лиги арабских государств диктуется в современном мире, помимо внутренних потребностей, и логикой развития событий в эпоху глобализации. Глобализация несет с собой качественные перемены в самых разных областях жизни, включая систему государственного управления, понятия о национальном суверенитете, национальной составляющей, культурной и цивилизационной самобытности, нравственных ценностях. Изменения в политическом режиме любой страны-участницы ЛАГ, расширение или сокращение кадров государственного аппарата, децентрализация механизмов управления непременно скажутся на взаимоотношениях Лиги с конкретным национальным государством, на размере

взносов росте политического веса страны в рамках ЛАГ и т.п. Все это делает задачу интеграции и объединения арабских стран на реалистической основе жизненно важной задачей.

Но для полноценной интеграции внутри арабского региона необходимы совершенно конкретные условия, при которых объединение было бы не только реальным, но и эффективным. Учитывая все тот же двусторонний характер отношений, свойственный странам Персидского залива и государствам Северной Африки, вряд ли подобные условия появятся в обозримом будущем. Обладая огромными финансовыми ресурсами, экономически благополучная Аравия в состоянии самостоятельно обеспечивать себя необходимыми продовольственными, трудовыми и научно-технологическими ресурсами, импортируя их из третьих стран (преимущественно из Европы и США), не испытывая особой потребности ни в работниках из менее развитой части арабского мира, ни в импорте товаров оттуда же. Это же относится и к коллективной обороне (что, как полагают эксперты из Йемена, может стать основой интеграции арабских государств) в силу дислокации на территориях этих стран американских военных баз.

Что касается стран Северной Африки, то здесь вероятнее всего объединение Египта и Ливии (проекты единых транспортной и энергетической систем были разработаны уже давно) в силу территориальной близости, схожести климатических условий и действительной рентабельности предполагающегося сотрудничества. Формула возможного успеха выглядит приблизительно следующим образом: добыча внушительных запасов углеводородов на территории Ливии и их последующая переработка в сотрудничестве с египетскими партнерами, транспортировка через грузовые терминалы портов Египта. Вообще сложение двух потенциалов приводит к укрупнению рынка, росту спроса, повышению хозяйственной активности.

Кажется вероятным продолжение дружественных, но не прорывных, отношений в области экономики между франкоговорящими Алжиром и Тунисом, а вот путь Марокко, как наиболее благополучного государства Северной Африки, в силу его ориентации, в первую очередь, на сотрудничество с ЕС, представляется все более отдаляющимся от соседей, склонных к интеграции в той или иной мере.

Иллюзии амбициозных лидеров арабских стран, подпитываемые внушительными финансовыми состояниями или какими-

либо договоренностями с третьими странами о поддержке, по поводу того, что внутренние, а тем более, межрегиональные проблемы можно будет решить в одиночку, не имеет под собой реального основания. Скорее даже, это не иллюзия, а попытка замаскировать неумение договариваться, сотрудничать в команде и нежелание умерить свои политические поползновения, сплотившись перед лицом новых вызовов для общего дела (что, например, весьма наглядно продемонстрировала ситуация с Ираком).

Подобно всякому проекту такого рода, арабский юнионистский проект в лице Лиги арабских государств должен базироваться на практических шагах, выстроенных в определенной последовательности по приоритетам и в равной мере касающихся действий государств и народов. В рамках необходимого реформирования деятельности ЛАГ представляются важными три момента. Первый – это создание подготовительного комитета, чьей конечной целью будет подготовка пакета документов и формирование повестки дня для форума, в рамках которого будут проведены консультации по вопросу об арабском единстве в различных сферах с участием представителей арабских государств, их законодательных органов, всех значимых и действенных политических сил, представителей деловой элиты. Второй – это учреждение подготовительного комитета из числа участников этого форума, включающего экспертов и специалистов в различных областях науки, философии, законодательства, политики и культуры, задача которых должна состоять в конкретизации целей и выработке проекта общеарабской федерации. Третий – это проведение межарабской конференции в верхах в два этапа, на первом из которых руководители государств изучили бы и обсудили этот проект, а на втором – одобрили его и приняли решения, необходимые для его претворения в жизнь.

Однако, проблема в том, что и спустя полвека, при том, что идея озвучена, осознание потребности в единении носит отвлеченный, умозрительный характер, хотя практические схемы этого единения как бы существуют. Но они не наполнены политической волей, без которой эти схемы останутся прожектками.

¹ См.: Аль-Барамид Саид. Лига арабских государств/Международная энциклопедия. Страны и их содружество. М., 2001. с. 141.

² См.: Арабский мир в конце XX века. М., 1996. – с. 14.

³ См.: Арабские страны: история, экономика, политика. Сб.ст. М.: Наука. 1986. – с. 56.

⁴ См.: Ближневосточные экономические саммиты. – Ближний Восток и современность. М., 2000 г., вып. 9 – с. 24.

⁵ См.: Ближний Восток и экономическая политика: приоритет экономики или политики? – «Руйя». Дубай, №1, 14.2.1998 (на араб. яз.). – с.5.

⁶ В 2006 г. после прихода в Палестине к власти радикально настроенной партии ХАМАС, чью победу признали и посчитали легитимной и Российская Федерация, и Лига арабских государств, счета последней были заморожены в американских банках с целью предотвращения финансирования военизированных террористических подразделений победившей группировки, как пояснили государственные власти США. В банке оказались заблокированы средства на сумму более 1 млн. долл., предназначенные как для осуществления деятельности Лиги и ее Миссии в Вашингтоне, так и для оказания гуманитарной помощи жителям Палестинской автономии, согласно решению об оказании финансовой поддержки Палестинской национальной администрации в размере 50 млн. долл., принятому общеарабским саммитом в Алжире в 2005 г.

⁷ См.: <http://centralasia.org/newsA.php4?st=1074962700>.

⁸ См.: Аль-Барамид Саид. Нефть и энергия в арабских странах/Россия. Третье тысячелетие. Вестник актуальных прогнозов. М., 6`2002. с.74.

⁹ См.: Аль-Барамид Саид. Можно говорить о признаках российско-арабской весны / КУРЬЕР NR № 22, М., 2001. – с.36.

¹⁰ См.: <http://www.mid.ru/brp4.nsf/sps/DC92C2DF651D9546C3257235004302C1>

¹¹ См.: Внешняя политика арабских стран на современном этапе: выход из тупика. Йеменский взгляд на лучшее будущее арабов. Документ министерства иностранных дел Йеменской Республики. 2003. (на араб.яз.).

**ЗАПАДНЫЕ СМИ И ИХ РОЛЬ
В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ИСЛАМА
В ЗАПАДНОМ СООБЩЕСТВЕ**

Общеизвестна роль печатного слова и значение психологической и идеологической обработки общественного мнения для ориентации населения в требуемом для власти направлении. Роль СМИ неизмеримо возросла с развитием электронных средств доставки и распределения информации, которые обладают возможностью визуализации новостей, располагают приемами драматизации известий и усиления их эмоционального воздействия.

Разного рода методики способны формировать разное восприятие одной и той же информации, соответствующим образом выстраивая логику и последовательность подачи фактов, их окраску, акцентируя детали таким образом, что «выпячивается» и усваивается именно та часть информации, которая призвана, хотя и подается на максимально объективном фоне, создать мнение, прямо противоположное содержанию факта.

СМИ путем массивированного воздействия на умы могут создать образ врага, показать в невыгодном свете персоналии и события, исказить суть фактов, вообще дезинформировать объект своего воздействия в самом широком смысле, подменив одни понятия другими, «заболтать» ситуацию, убедив в реальности того, что не имеет места в действительности или, наоборот, внушив мнение, которое не опирается на факты.

Создание стереотипов – важная часть деятельности СМИ в области международной политики, где стандарты восприятия подстраиваются под интересы правящих групп, центров силы, служат целям создания союзников и противников, делят мир на «своих» и «чужих», формируют благоприятный или неблагоприятный фон для восприятия разных явлений, факторов и объектов, включая страны, народы, культуры, религии, даже целые цивилизации.

Настоящая статья посвящена проблеме выяснения роли СМИ в восприятии ислама в Америке и Европе. Эта тема представляется весьма актуальной на сегодня в свете неуклонно растущего значения исламского фактора. Ведь связанная с ним ситуация ныне обострилась настолько, что речь идет о конфликте между цивилизациями, который превратился в некий символ современности. Автор статьи «Столкновение цивилизаций», опубликованной в 1993 г. в журнале *Foreign Affairs*, которая получила большой международный резонанс, С.Хантингтон, выдвинул тезис, согласно которому «...в конце идеологического конфликта между капитализмом и коммунизмом мир окажется перед перспективой межцивилизационной схватки господствующего Запада с другими цивилизациями, стремящимися подорвать мощь Запада или вовсе занять его место» [4, с. 152]. Таким образом, Соединенные Штаты и, в целом, Запад были обогащены фундаментальной теорией, которая и послужила одним из факторов формирования международной политики в постсоветскую эпоху. Предполагаемый цивилизационный вызов западному владычеству со стороны нарождающегося альянса стран, исповедующих ислам, указал на новую угрозу после окончания холодной войны, которая должна обеспечить политическое сплочение стран Запада и придать НАТО новый смысл существования, предотвратив глобальную катастрофу с колоссальными политическими и иными последствиями. Новая теория была воспринята западным миром как провидение. Ведь в течение нескольких лет американские и западные эксперты по внешней политике рисовали апокалиптические картины и угрозы, исходящие от исламистов, вооруженных поставляемыми Китаем ядерным оружием и ракетами. Конечно, концепция С.Хантингтона подверглась и конструктивной критике, поскольку являлась скорее теоретическим прикрытием мысли, что мятежный ислам и непреклонный Китай остаются последними островками сопротивления западному господству и должны быть сломлены прежде, чем объединят силы для оказания более серьезного отпора западной экспансии.

В результате, в середине 90-х годов XX в. США оказались втянутыми в конфликт с исламскими движениями во всех частях мира – в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, в Южной Азии и Афганистане и создали себе таких врагов, как Усама бен Ладен.

Американский подход к этой проблеме начал меняться по мере того, как наступало понимание, что глобализация отодвигает на второе место геополитику, ставя на первое место геоэкономику и политику идентичности. Тогда Америка начала понимать, что «...демонизируя ислам, она оказывала поддержку и давала новых союзников мелкой банде воинственных элементов, создававших проблемы безопасности для США и их союзников повсюду, и это показали обстрелы посольств США в Африке» [4, с. 154].

Мусульманский же мир утверждал, что «...Запад, воплощенная Сатана, ответствен за упадок мусульманского мира и является для последнего врагом номер один» [4, с. 154]. Мусульманские мыслители, представленные исламскими фундаменталистами, постулируют исламизацию как полное отрицание всего, что есть на Западе, включая демократию и свободу слова, таким образом, отторгая практически любые элементы общественного устройства, которые порождают сходство с западным антагонистом.

Диалог между цивилизациями начался с их возникновения – около пяти тысяч лет назад. От эпохи к эпохе, со сменой мировых цивилизаций и поколений локальных цивилизаций интенсивность диалога нарастала, формы взаимодействия становились все более разнообразными и эффективными. В индустриальную эпоху, в XIX-XX вв., это взаимодействие начало происходить под доминирующим воздействием Западной Европы, а затем и Соединенных Штатов, которые подчинили своему влиянию значительные сегменты мирового пространства, включая Восток. Западная идеология и культура активно навязывались иным цивилизациям. Реально этому процессу смогла противостоять лишь христианская цивилизация в лице Российской империи, а затем Советского Союза, хотя паритет поддерживался с большим трудом. В итоге противостояния СССР распался, а западный мир получил дополнительный импульс к развитию и укреплению позиций. Равноправный диалог ислама и Запада на данный исторический момент представляется малореальным в силу существующей силовой диспропорции, о чем говорит опыт «социалистической» цивилизации. Экономический и военный потенциал Запада превосходит такой же потенциал мусульманского мира настолько, что это делает очевидной невозможность для мусульман противостоять угрозам Запада. Фактически, «...Контроль Запада над глобальными источниками

ми информации и механизмами смыслообразования – СМИ, академиями, международными форумами – позволяет ему держать в своих руках процессы мировосприятия и формы коммуникации» [4, с. 158]. Массированное воздействие на общественное сознание в странах за пределами Запада достигло такой степени, что имеется возможность вести речь о возникновении и распространении культурного неокOLONиализма.

Сегодня западные СМИ много говорят о самовыражении и самоопределении, о свободе слова и о достоинствах западного плюрализма, но проблема заключается в том, что все эти ценности предназначены в основном для внутреннего пользования. Однако плюрализм такого толка не встречает толерантного к себе отношения, поскольку лозунги о глобализации западных ценностей, демократии, индивидуализме, секуляризме и экономическом либерализме стали определяющими принципами именно западной внешней политики. Она проводится напористо, наступательно, подавляя местные представления об организации общественной жизни, хозяйственной и культурной деятельности социумов иной идеологии. Между тем, незападный мир имеет колоссальные особенности, выражающие специфику, которая является его сутью. Любое же различие подается на Западе как глобальная угроза, и немедленно предпринимаются попытки покончить с каждой такой угрозой. Каждое отличающееся от навязываемых стандартов государство становится объектом нападков, поскольку в мире, находящемся под властью западной гегемонии, нет места для различий. Либо государство вместе с Западом, с точки зрения западного сознания, либо против него. Для второго варианта страна должна обладать определенным потенциалом, именно поэтому такие государства, как Иран, Куба, Судан и др. становятся объектами международных санкций, к которым и сводится внешняя политика западного сообщества. Фактически, с ее помощью стремятся подавить всякое инакомыслие, иное миропредставление, другие взгляды, расходящиеся с «эталонными». Видимо, именно это детерминирует поведение Запада на мировой арене, который выдвигает попеременно разные требования к «провинившимся» государствам. Неслучайно, «...То, как ведет себя Запад в отношении Израиля, Китая и России, наводит на мысль о том, что, при всей важности прав человека, они недостаточно важны, чтобы определять внешнюю политику» [4, с. 158]. Дей-

ствительно, в каждом конкретном случае западные СМИ акцентируют те «провинности» иностранных государств – объектов нападков, которые соответствуют характеру совершенных ими нарушений, трактуемых как таковые именно с точки зрения западного мира.

По существу, неприятие Запада вызывает любое сопротивление его идеологии. Поэтому сейчас, как говорилось, диалог мусульманского Востока и Запада значительно затруднен не только неравностью их потенциала, но и стремлением лидеров к акцентированию не столько сходства, сколько различий. Западная элита может оправдать политику подавления иных мнений и моделей только благодаря акцентированию различий. Например, постоянные нападки на Иран оправдываются тоталитарным и недемократическим характером иранского режима. То же акцентирование различий выгодно и представителям исламских элит, поскольку оно дает основание активно мобилизовывать поддержку политике правящих режимов против западного проникновения.

Политические игры вокруг соответствия или несоответствия режимов неким внешним для них правилам и стандартам становятся важным инструментом жизнедеятельности некоторых из них. «...Ведь степень близости ислама Западу стала для него барометром легитимности». В то же время «...Представители элиты способны лишить легитимности любой режим, назвав его марионеткой Запада» [4, с. 159].

Поэтому, видимо, можно сделать вывод, что различие между исламом и Западом, которое является главным препятствием для продуктивного диалога, есть источник вдохновения и фактор противостояния для элит обеих культур. Это различие широко используется в стандартных приемах исламистов и традиционных мулл. Но следует учитывать и тот факт, что исламский мир политически намного слабее Запада, а также то обстоятельство, что крайне сложно, если не невозможно, вести переговоры со стороной, которая не терпит никаких разногласий, обладает большим перевесом в силе и предпочитает тенденцию запугивания тенденции диалога. Отнюдь не к странам ислама относятся слова: «...Современный Китай и прежний Советский Союз в военном отношении являются более мощными государствами, которые – в отличие от таких лилипутов, как Иран, Судан и Куба – способны и на идеологическое соперничество, и на диалог с Западом» [4, с. 159].

Тем не менее, хотя мусульманский мир в большой мере разобщен и не имеет общего ядра, представляется нецелесообразным преуменьшать его возможности. Прямого столкновения с Западом он не выдерживает, но в нем созрели силы, которые способны вносить огромный деструктивный элемент в отношения между Севером и Югом, подрывая если не экономические возможности первого, то морально-психологический климат, во всяком случае. Боязнь угрозы эксцессов, постоянное ощущение опасности разлагает западное сознание, переводит отношения между цивилизациями в состояние психологической войны, последствия которой едва ли лучше, в крайних проявлениях, чем «горячей».

В исламе есть силы, которые позволяют в разной форме противостоять гегемонии Запада. Такой силой является растущее моральное и интеллектуальное единство определенных частей мусульманского мира. Сила заключается в появлении новой воинствующей элиты – исламистов и в их способности генерировать новые идеи и мысль о том, что решение мировых и региональных проблем лежит в исламе. Это усиливает политическое единение и придает моральную силу множущимся легионам исламистов. Поэтому на данный момент, видимо, можно говорить о том, что ислам обретает некое новое качество, выходящее из тени, а то и из небытия, во многом за счет усиления фанатичности растущего числа его адептов, и говорить об упадке исламского мира в религиозном плане не приходится.

Но даже в таких обстоятельствах едва ли есть возможность вести речь о столкновении, войне цивилизаций. Скорее, есть очаговые конфликты, вызванные конкретными ситуациями и принявшие большие масштабы в силу взаимного непонимания, нежелания искать политические решения проблем.

Представляется важным понимать, что подобные случаи «...это не война ислама против христианства. Из почти полутора миллиардов мусульман на земле в террор вовлечена, может быть, сотая доля процента. Ислам не тождествен исламизму, поэтому следует избегать таких выражений, как «исламский терроризм» и «мусульманские террористы». Более адекватный термин, как кажется, – транснациональный исламистский терроризм» [16]. Авторитетность приведенного высказывания едва ли вызывает сомнения. Однако, как представляется, имеется возможность дополнить эту мысль, крат-

кость формулирования которой определялась, видимо, контекстом, в котором она была помещена.

Вообще, существует мнение, что понятие конкретно-религиозного терроризма не должно бы применяться. Фундаментализм, фанатизм как будто бы вписываются в религиозные рамки, но терроризм может быть скорее соотнесен с какой-нибудь организацией, группой лиц, скрывающих свою деятельность под религиозными покровами. Неслучайно, речь идет о баскском терроризме, терроризме ИРИ, других структур подобного типа, но не о христианском, католическом и т.д. терроризме. Надо полагать, что и в числе палестинских боевиков, состоящих из обездоленной молодежи, встречаются и арабы-христиане. Речь при этом не идет об иерархизированных образованиях типа Хизбуллы, ХАМАСА и др. подобных структур, муджахеды которых мобилизуются исключительно среди мусульман. Но явление протеста носит массовый характер и по определению должно втягивать в себя недовольных из разных социальных, этнических и конфессиональных групп населения. При этом необходимо помнить, что среди арабов не менее десятой части – христиане.

Вообще социальная мобильность, а с ней и политическая среда разных сегментов населения, изменяется, взрывает, при этом разнородность движения за формальные и неформальные объединения очевидна.

Это достаточно эклектичная среда. «...Здесь и неформальные клубы различных уровней компетенции, и религиозные сообщества, и группы влияния, и такие международные организации, как, скажем, «Гринпис», «Эмнисти интернешнл» или столь модное ныне движение антиглобализма, но одновременно к этой типологии тяготеют разнообразные асоциальные и криминальные организации, наконец, — организации террористические...» [34].

Эти последние наиболее опасны. Они состоят из лиц авантюрного склада характера, разночинного элемента, разочарованного в жизни, честолюбцев, способных до абсурда свою жажду власти, космополитов и разрушителей, для которых война – нормальное состояние. В арабском варианте к этому добавляется, являясь сильнейшим стимулом, исключительная обездоленность, отчаяние, полное отсутствие перспектив, которые подвигают даже несклонных к воинственности людей к неординарным поступкам вплоть до ведения тер-

рористической деятельности. Отсюда и терроризм, называемый исламским, хотя он вненационален, внерелигиозен, а питается негативизмом экономической и социальной жизни.

Спонтанный терроризм, видимо, уже прошел свою фазу развития, и ныне он носит стойкий, организованный и направляемый характер. Этот новый терроризм опасен тем, что он учитывает взаимосвязанность всех протекающих в мире процессов, используя соответствующую стратегию угроз и прямых действий, то есть стал зрелым явлением международной жизни.

Однако параллельно этому развивается значительно более масштабный процесс, имеющий колоссальное значение для сближения цивилизационного пространства, объединения конфессий, а не взаимного отталкивания их, хотя совершенно ясно, что ни одно явление, тем более такого глобального плана, не протекает равномерно и не содержит в себе только позитивный элемент. Притирание друг к другу разных социокультурных стереотипов – заведомо сложная и противоречивая задача, не имеющая готовых решений и исключительно положительных результатов. Наличие с обеих сторон образованных мыслящих элит, знающих и умеющих разбираться в многообразии эпистемологий и философских традиций, умеющих преодолевать свои цивилизационные границы и выходить за пределы собственного культурного контекста, способных постигать другие религии и в то же время четко осознающих собственную цивилизационную принадлежность, способно «...породить дискурсивное равновесие сил несмотря на огромный дисбаланс материальных ресурсов» [4, с. 160]. Для осуществления диалога Западу, видимо, следовало бы признать в исламе не выражение экстремизма меньшинства, а истинное стремление мусульман жить по правилам ислама. Но и этому последнему следует мобилизовать свои адаптивные возможности, чтобы суметь войти в контакт с инородной средой, не причинив ей вреда, и обеспечить гармоничное существование в рамках иного цивилизационного типа.

Значительным событием встречи цивилизаций стало вращение ислама в контекст Запады, развитие межконфессиональных отношений. «...На Западе ныне проживают, по крайней мере, тридцать пять миллионов мусульман, в число которых входят семь миллионов жителей США» [4, с. 161]. Этот момент имеет очень большое значение для поддержания диалога цивилизаций, потому что мусульмане, живущие на Западе, осо-

бенно те, которые преследуют цель и сохранить собственную исламскую идентичность, и влиться в ряды типичных жителей Запада, «...уже сумели преодолеть дихотомию столкновения или диалога цивилизаций...они – мусульмане, воплощающие в себе новое определение Ислама; они – жители Запада, для которых их принадлежность к Западу наполнена новым смыслом» [4, с. 162].

Мусульманская диаспора разрослась колоссально, появились большие общины мусульман в странах Запада, на обоих континентах резко увеличилось пятно контакта между христианами и мусульманами, плотность и регулярность общения значительно усилились, что привело к мощному проникновению мусульманской культуры в окружающую социальную среду. С одной стороны, это позволило лучше познавать друг друга представителям разных конфессий, но с другой, сеет раздражение и протест коренного населения. Ведь история мусульманско-христианских контактов отмечена многовековыми страхами и взаимным непониманием.

И сейчас настает такой момент, когда толерантность христиан начинает подвергаться испытаниям, а их комплекс вины за колониальное угнетение представителей иной веры может быть поколеблен из-за того, что мусульманский компонент в местной среде заявляет о своих правах в стремлении стать полноценной частью общества страны пребывания, сохранив при этом выраженные черты своего быта, мироощущений и культуры.

Цена вопроса при этом – порядок и спокойствие в странах-реципиентах, которые подвергаются испытанию не только потому, что процесс ассимиляции неадекватен числу эмигрантов, но и потому, что резко возросло самосознание мусульманских масс, понимающих свою силу и чувствующих право на сохранение самобытности в чуждой среде. Активность мусульман в этом вопросе, не ограничивающаяся общепринятыми формами действия, но выплескивающаяся на улицы в виде демонстраций, беспорядков и даже погромов, беспокоит общественное мнение как в Европе, так и в Америке.

В западных СМИ довольно часто воспроизводятся негативные стереотипы отношения к исламу, предрассудки и страхи, а мусульмане глубоко озабочены по поводу проникновения в их культуру элементов западного образа жизни со всеми негативными последствиями для исламского менталитета. Хо-

тя, наверное, тональность СМИ должна бы быть несколько иной, чтобы не будоражить атмосферу, не нагнетать озабоченности, а способствовать умиротворению общин, если уж западные демократии взяли на себя ответственность за прием и размещение на своих территориях больших контингентов выходцев из мусульманских стран. Ведь их представители обладают большой социальной мобильностью, политическими установками в духе по своему понимаемой политической истории собственных стран и, весьма вероятно, считают, что бывшие колониальные империи находятся в неоплатном долгу перед народами угнетавшихся ими стран. Познание Европой восточных народов на их землях принесло европейцам большие дивиденды и не было связано даже отдаленно с моральными потерями и материальными издержками по сравнению с современным периодом, когда процесс познания разворачивается в городах уже самой Европы в изменившихся исторических обстоятельствах, когда представители «золотого миллиарда» так или иначе попадают в зависимость от бывших колоний, пополняющих пустующие рынки малоквалифицированной рабочей силы, принимающих экологически грязные производства, промышленные отходы и т.п.

Очевидно, что жизнеобеспечение промышленно развитого мира во многом определяется ныне населением, хлынувшим в западные пределы из развивающихся государств с сильной исламской составляющей.

Эти факторы, несомненно, имеют большое значение для налаживания христианско-мусульманского диалога. За последние десятилетия наиболее типичной, например, для американских мусульман формой участия в других традиционных вероисповеданиях стало многообразное взаимодействие с христианами. В США с инициативами диалога выступают, прежде всего, римско-католическая церковь и христиане-протестанты. Главным учреждением, ответственным за осуществление нового подхода и за выдвигание новых инициатив в рамках названного диалога, стал Секретариат по работе с нехристианами, впоследствии названный Советом Понтифика по ведению диалога с иными религиями. Тот факт, что Всемирный совет церквей (ВСЦ), в состав которого входят протестантская и православная церкви, но не входит римско-католическая церковь, дает возможность развивать альтернативные формы диалога между христианами и мусульманами. Если ранее хри-

стианско-исламский диалог имел латентные формы и протекал при полном преимуществе Запада (политическом, экономическом, моральном), проходил вдали от собственно Запада или, по крайней мере, дискуссия носила как бы заочный характер, не нарушая статус-кво, то ныне обстоятельства резким образом изменились, став для Запада навязчивыми, императивными, не терпящими отлагательства.

Вся ситуация соответственным образом была напряжена новыми привходящими моментами, которые были связаны со вступлением США после тройственной агрессии против Египта в 1956 г. в западную политику на Ближнем и Среднем Востоке. Прежде это государство не бывало втянуто в вооруженные конфликты с арабскими странами и тем выгодно отличалось от Англии и Франции, которые вели активные колониальные захваты в регионе. Ныне ситуация изменилась, и США превратились практически в главного врага арабов и других мусульманских народов, когда вступили в открытое противостояние со странами региона.

В ту пору СМИ Запада обосновывали это глобальной борьбой с коммунизмом и СССР, которая требовала создания наступательной военной доктрины, военных баз, окружения СССР «санитарным» кордоном из стран-сателлитов Запада и Америки. Вся мощь пропагандистского аппарата была сконцентрирована на идее противоборства с идеологией социализма, и тогда не шла речь об исламе как противной силе, его антиимпериалистическом потенциале. Да и сами идеи фундаментализма развивались подспудно, проходя этап формулирования, адаптации к современности, теоретического обоснования постулатов, впоследствии положенных в основу боевой деятельности разного рода исламистских организаций, структур, авангардов и фронтов борьбы с вестернизацией, модернизацией, либерализацией западного типа и т.п., что стали предтечей боевых отрядов исламистских сил.

Говоря об этих предпосылках, следует учитывать, что иранская революция 1979 г. и последовавший за ней захват заложников из американского посольства, а также одновременно начавшиеся события в Афганистане, обратили внимание западных и иных печатных и электронных СМИ на такое явление, как воинствующий ислам. Отношение к мусульманам, демонстрируемое в этих СМИ, и политика, проводимая США и другими союзными им странами, оказала серьезное воздействие

на восприятие образа мусульман в Америке и Европе, а также на самих мусульман, проживающих во всех западных странах, включая и США. Постоянная демонизация ислама как религии, тяготеющей к насилию, и бесконечное изображение мусульман в виде кучки кровожадных террористов породило у некоторых американцев иррациональную ненависть и презрение к исламу и мусульманам. Порой это приводило (как, например, во время войны в Персидском заливе или после взрыва федерального здания в Оклахома Сити) к нападениям на мечети и исламские центры, а также на магазины, владельцами которых являлись мусульмане, не говоря уже об угрозах, время от времени получаемых мусульманами от экстремистов, принадлежащих к западным националистским организациям.

С точки зрения влияния на общественное мнение через СМИ, например, в США, мусульмане, видимо, стоят ближе к афроамериканцам – они также относительно маргинализированы. И по характеру участия в политическом процессе, и по влиянию внутри нации, и по представительству в органах власти и управления мусульмане и чернокожие значительно проигрывают евреям, наличие которых в высших эшелонах власти, в среде карьерных дипломатов в США и других европейских странах, иных структурах велико. Присутствие чернокожих в дипломатии и политике сейчас увеличилось, но и сегодня их роль ничтожна по сравнению с той, которую играют евреи. Мусульмане же здесь только делают первые шаги, хотя известны имена довольно крупных чиновников в разных структурах и службах, являющихся мусульманами.

Видимо, это связано с тем, что мусульмане не были организованным сообществом, не стремились к представительству в инородной среде и, может быть, даже натурализовавшись, не считали себя готовыми к активному общественному служению. Однако было бы ошибочно считать, что мусульмане в Европе или в США являют собою сплошь малоподвижную массу. Диаспора выдвинула много активистов в мечетях, благотворительных организациях, в общественных исламских центрах, в культурной сфере и т.п. И это относится не только к внутриобщинной деятельности. Во вне ее также задействованы крупные континенты выходцев из Арабского Востока, которые заняты бизнесом, являются преподавателями и профессорами европейских и американских университетов, участвуют в культурной жизни страны пребывания и даже считают себя патриота-

ми своей новой родины, оставаясь мусульманами. Это было особенно четко видно после событий 11 сентября, когда арабские каналы типа «Аль-Джазира» собирали перед камерами представительные группы ближневосточной диаспоры, лейтмотив выступлений которых сводился к тому, чтобы доказать гармоничность права быть американцами и мусульманами одновременно. Это важно для миллионов мусульман, которые уже два-три столетия проживают на американской земле и впервые стали коллективным объектом недоверия, подозрительности и даже ненависти со стороны своих немусульманских сограждан. Причем эволюция положения этнических арабов и других мусульман тем драматичнее, что совершилась она буквально за считанные часы. Такой афронт тем более нетерпим для выходцев из стран ислама, потому что сами они воспринимают себя в качестве добропорядочных граждан даже не в первом поколении, для которых теракты экстремистов – такая же трагедия, как и для других. Ведь число американцев-арабов и других национальностей постоянно растет за счет приема переселенцев и предоставления им гражданства. В Англии – то же явление. Например, по прогнозам, «...в течение двадцати ближайших лет количество британцев, принявших ислам, будет равно числу мусульман-эмигрантов. В настоящее время мусульманская община в Англии достигает 1,5 млн. человек» [42]. Тем не менее, в США мусульмане становятся жертвами антииммигрантского шовинизма.

Конечно, события 11 сентября 2001 г. стали переломным моментом в христианско-мусульманском диалоге. После них американцы из всех слоев общества начали узнавать об исламе не от посторонних, а из первоисточников и последователей ислама. Многочисленные церкви, университеты и научно-исследовательские институты ввели в обиход приглашение имамов, профессоров и лекторов, способных отвечать на вопросы, задаваемые многими американцами относительно ислама, особенно по дискутируемым в СМИ темам о связи, существующей между исламом и экстремизмом.

«...Полемика об исламе в СМИ носила иррациональный и подстрекательский характер, так как слово «терроризм» часто употреблялось в нем как синоним ислама. Параллельно с риторическими заявлениями о том, что война с терроризмом не есть война с исламом, правительство США фактически утверждало в СМИ, что весь мировой терроризм имеет корни в му-

сульманском мире и что часть этого мира переселилась в Соединенные Штаты» [4, с. 147]. Части американцев было даже внушено то, что мусульмане их ненавидят и находятся среди них с целью причинения им вреда. Сами же мусульмане не могли высказывать свою точку зрения из-за того, что они не владели медийными ресурсами. Комментаторов-мусульман не было и в американских СМИ. «Ведущими новостями в мире являются события в мусульманском мире, а среди тех, кто их комментирует или анализирует, нет американских мусульман» [4, с. 148].

Сегодня рядовые мусульмане являются жертвами непонимания, розни, злонамеренной агитации. После 11 сентября они стали более уязвимыми для нападков и антиисламских акций. «...В таких странах, как Великобритания, Франция и Германия, чужеродными считаются и собственно ислам как цивилизация, и мусульмане как жители страны, даже если евромусульмане являются гражданами этих стран» [4, с. 210].

Даже во Франции, которая всегда активно ассимилировала некоренные народы и способствовала, причем в большинстве случаев успешно, «офранцузиванию» больших масс людей, принимая их в свое языковое и культурное лоно, и то встречаются все более частные случаи прямой ксенофобии, хотя терпимость французов к арабам и выходцам из Африки традиционно велика. Ныне же в состав французской культурной ксенофобии входит и исламофобия...Ныне Франция поражена исламофобией больше, чем в любой из периодов XX в. Сдвиг вправо совпал с усилением антимусульманских и антииммигрантских настроений» [4, с. 209].

«...В Германии составной частью ксенофобии явилась туркофобия, или враждебность к туркам, которая, в свою очередь, включала элементы исламофобии. Дома забрасывали горящими предметами, турки гибли от рук немецких неонацистов» [4, с. 209].

Существует мнение, что для достижения консенсуса религиям сегодня необходимо установить «мировой межрелигиозный порядок» [34]. Политика религий должна быть политикой самих религий, а не конфликтующих друг с другом миров или цивилизаций. Одним из лидеров участия в межконфессиональных обменах в США является с мусульманской стороны КПДМ (Комитет политического действия мусульман). Именно этот центр выступил с идеей организации форума межконфессионального диалога. Структуры, приглашенные к участию в фо-

руме, включают местные и общеамериканские еврейские организации, Национальную конференцию католических епископов и Национальный Совет христианских церквей. Но деятельность КПДМ дискредитирует наводняющий СМИ и дискуссии лидеров поток дезинформации относительно ислама и мусульман.

Взаимодействие или воздействие цивилизаций, трактуемое как диалог или их столкновение, по сути своей мотивируются геополитическими факторами и конкуренцией материальных интересов. Борьба ведется за влияние в мире, фактически за господство над ресурсами, которые являются исходной точкой всякого развития и в итоге определяют степень доминирования того или иного государства на локальном, региональном или глобальном уровне. С одной стороны, экспансионистская внешняя политика США и оказываемая им поддержка Запада в целом, а с другой, – богатый нефтью и занимающий стратегически важное положение Ближний и Средний Восток. Также большую остроту межцивилизационным отношениям в регионе придает проблема арабо-израильских отношений и ситуация с Палестиной, так как обе стороны воспринимают друг друга как форпосты враждебных, противостоящих сил. Очевидно, что политический аспект является одним из главных в «конflikте цивилизаций».

Беспрецедентное давление Запада вызывает в исламе встречную враждебную реакцию, которая усиливает фундаментализм, провоцирует вооруженное противодействие. Начало процессу было положено вторжением советских войск в Афганистан. Их действия инициировали исламское сопротивление, которое нарастало и после вывода советских частей. Подкрепленное американцами, это сопротивление было оформлено, структурировано и отоброшено и настолько усвоило свою роль, что ныне полной мерой обращено против США и Запада, как такового.

Воинствующий ислам, принявший форму террора под религиозными лозунгами, стал следствием, как минимум, двух причин. Первая состоит в том, что правящие режимы в исламских государствах либо оказались неспособными полностью подавить движение исламского сопротивления, которое угрожает светскому началу власти в арабо-мусульманском мире, либо в той или иной форме сами способствовали укреплению позиций происламистских сил в своих странах, руководствуясь долгом веры, исламским патриотизмом и иными соображениями, включая внешнеполитические и экспансионистские.

Вторая причина связана с политикой США и их европейских сателлитов на Ближнем и Среднем Востоке, вылившейся в непосредственные военные действия против арабов, что сразу сделало США врагом номер один всего ислама.

Резкое вмешательство в арабские дела, «подначивающая» политика в региональных конфликтах, прямое вторжение вооруженных сил в Афганистан, Ирак, угрозы Сирии, Ирану, попустительство действиям Израиля и требования демократических свобод западного типа для авторитарных государств Ближнего и Среднего Востока, явно оторванные от реалий обстановки внутри них (пример выборов в Палестине без использования административного ресурса показателен тем, что к власти пришел ХАМАС) вызвали массовое недовольство в арабо-мусульманском мире, где обоснованно опасаются гегемонии США и не желают усваивать ценности Запада.

Страны ислама стремятся отстаивать свои жизненные интересы и ищут инструменты защиты в создании международных структур с исламской спецификой, не пренебрегая членством в признанных международных организациях. Исламские организации служат средством формулирования исламских интересов и выражения их на глобальном уровне.

Поэтому, начиная с 60-х годов прошлого века, лидеры исламского мира пытаются создать параллельную «западной» систему межнациональных связей. Цель этих попыток – образование «единого исламского мира». Так, Организация Исламская Конференция (52 государства) является как бы неким исламским аналогом ООН. Кроме того, были созданы Исламская комиссия Международного Красного Полумесяца (аналог Красного Креста), Исламский банк развития (аналог Международного банка развития). То, что при необходимости этот единый, пусть пока и виртуально, исламский мир может противостоять давлению Запада, доказывает история с «исламской атомной бомбой», созданной в Пакистане, а также события вокруг Ирана, который реализует ядерную программу с открытой конечной целью.

Одним из важнейших институциональных образований в мусульманском мире являются СМИ, которые выполняют соответствующую задачу в рамках своих информационно-пропагандистских установок и в значительной своей части являются антиподом западных СМИ, раскрывая подоплеку западной политики в исламском мире, и тем самым, оказывая противодей-

ствии пропаганде, исходящей с Запада. Другими словами, мир ислама достаточно хорошо вооружен в этом смысле и ведет постоянную контрборьбу с идеологией Запада.

Представляется, что Запад более искушен в искусстве агитации и пропаганды своих политических представлений, образа жизни и культуры, имея более совершенную печатную и электронную индустрию, более подготовленные кадры и более мощные ресурсы воздействия на сознание людей не только в своих пределах, но и за рубежом. Ведь мировые, а по существу западные, информагентства обладают огромным потенциалом сбора, обработки и подачи новостей, предложения аналитических и обзорных материалов, которые распространяются по всему миру и часто задают тон той или иной информации, препарировав ее в собственных интересах. Нередко она воспроизводится в нетронутом виде, без комментариев и в таком случае имеет мало шансов на критичное усвоение, в том числе и в странах Ближнего Востока. Правда, ныне такая ситуация уже не столь бесспорна, поскольку в арабском и мусульманском мире вообще создана собственная информационная база, противостоящая западному влиянию, но и транслирующая западные стереотипы в том или ином виде. Однако эффективность ее пока, как говорилось выше, явно уступает западной и потребуются время и усилия, чтобы нейтрализовать западные источники политического «просвещения» мусульманского населения.

Следует оговориться, что западные масс-медиа, играющие по правилам объективности и порядочности, чтобы соблюсти свое реноме и поддерживать образ беспристрастности, придерживаются выработанных требований самоограничения в подаче материалов по исламской проблематике и стремятся избегать субъективности в оценках мусульманских реалий. Естественно, это не означает, что их анализ имеет своего рода бесполой характер и лишен оценок или подтекста, которые в данном случае господствуют в западном менталитете. С этой точки зрения, их материалы и комментарии отличает от более развязной прессы или программ электронных СМИ лишь большая сдержанность, солидность и респектабельность, меньшие эмоции и большая терпимость, но общая тональность высказываний и наблюдений, конечно же, соответствует мнению истеблишмента, интересы которого такая пресса или другие виды СМИ отстаивают.

Ознакомление с некоторыми материалами в газетах и журналах, печатаемых на Западе, показывает, что большинство изданий следует за событиями в устоявшемся русле и не обнаруживает особого желания вдаваться в детали, которые могут толковаться и как свидетельствующие о проявлении доброй воли со стороны мусульманских государств, их правительств, элит, групп интересов и т.п. То есть, наблюдается некая «зацикленность» на негативных сторонах (так, как они трактуются и понимаются на Западе) политики мусульманских стран, просматривается большая требовательность к ним, желание получить от них больше, чем они могут дать, не нарушая национальные интересы, баланс сил в своих странах, общее равновесие в кругу исламских государств, объединенных в рамках разных организаций регионального масштаба.

Такой подход, приемлемый для западного потребителя информации, естественным образом не коррелируется с ее восточным потребителем, частью более эмоциональным к тому же более категоричным и более ущемленным в национальном плане. Здесь кажется уместным привести выдержку из книги двух известных российских арабистов, которые правильно подметили особенности «взаимодействия» СМИ Запада и Арабского Востока как таковых.

«При интернационализации всеобщего информационного пространства на Западе и на Востоке...появляется сходство и заданность в трактовке событий и их последствий. Но, безусловно, остаются видимыми и разночтения фактов в зависимости от того, какую роль они играют в жизни национальных государств и какое значение имеют для мирового сообщества в условиях цивилизационного конфликта (наиболее остро проявляющегося в процессе универсализации социокультурного пространства и западного влияния на гуманитарные ценности восточного общества), вооруженного противостояния, территориальных споров, других глобально окрашенных противоречий и т.п. Подтверждением этому может быть различие позиций западной и арабской прессы в освещении арабо-израильского конфликта, эмоциональная рассогласованность в оценке действий коалиции в Ираке, в преподнесении борьбы палестинского народа и в целом ряде других случаев.

Такая разница является естественной уже хотя бы в силу того, что здесь задействованы непримиримые силы и отстаиваются прямо противоположные интересы, не совпадающие ни

по каким параметрам. К тому же в этих случаях реанимируется давняя неприязнь к Западу, накопленная в ходе борьбы арабских народов за национальный суверенитет и социальные права, не увенчавшаяся для многих ощутимыми экономическими сдвигами в обыденной жизни. Эта неприязнь в связи с дальнейшим расползанием западного образа жизни под воздействием целенаправленной и безудержной пропаганды постоянно увеличивает число противников такого натиска и порождает открытую враждебность с тенденцией к такому же противостоянию с носителями того, что рассматривается как зло с точки зрения арабо-мусульманской этики и мироощущения» [10, с. 254–255].

Сегодня европейцы мало задумываются над тем, как живет мусульманам, не несущим ответственности за теракты, и, тем более, над тем, кто эмигрировал в западные страны. Людям, исповедующим ислам и, в известной мере, лишенным сочувственного отношения к потребительскому образу жизни, особенно тяжело существовать в Америке и западных странах. Мало кто знает о том, как в повседневной жизни американцы выказывают неприязнь к мусульманам, об этом едва говорится в СМИ. В кризисных ситуациях нападениям и угрозам подвергаются в основном мечети, а некоторые из них становятся объектами нападения и без видимых на это причин. «...6 июня 1995 г. Исламский центр в Спрингфилде был подожжен, и в огне было уничтожено ценностей на 30 тыс. долл. 16 июля 1995 г. кто-то ворвался в Исламский центр в Хантсвилле. Были порваны исламские религиозные книги, разбиты компьютеры, а другое оборудование похищено. 11 сентября 1995 г. мечеть Аль-Муаминин в Кларксоне (штат Джорджия) подверглась нападению вандалов, были выбиты окна, испорчено электроосвещение, выжжены сатанинские символы на ковре в мечети. Ущерб был нанесен на сумму 50 тыс. долл...В Остине (штат Техас) 30 мая 1998 г. в мечеть бросили баранью голову» [4, с. 221].

Еще более мощная волна антимусульманского насилия в США последовала за террористическими актами 11 сентября 2001 г. За два месяца после этой даты САИО (Совет американо-исламских отношений) «...получил более 1700 жалоб на запугивание и продиктованные ненавистью преступления, из которых более десятка привели к убийствам. Министерство юстиции США подтвердило, что зафиксировало три убийства, установленным мотивом которых была ненависть к мусульма-

нам» [4, с. 222]. Нападениям подвергались даже выходцы из Южной Азии, особенно сикхи, которые носят бороды и тюрбаны, из-за чего часто принимаются за мусульман. «...В Ирвинге (штат Техас) 12 сентября 2001 г. в Исламский центр Ирвинга выстрелили девять раз, были выбиты окна и повреждено внутреннее убранство» [4, с. 222]. Полиция не хотела огласки, и в ответ на обращение с просьбой расследовать это дело как преступление на почве ненависти к мусульманам заявила, что будет расследовать инцидент как обычное преступление. 17 сентября 2001 г. и 25 марта 2002 г. студенты протаранили на грузовиках Большую Исламскую мечеть в штате Огайо и Исламский центр Таллахасси.

Еще большую тревогу в мусульманской диаспоре вызывали попытки совершать спланированные и организованные нападения. «...Так, агентами ФБР были задержаны два члена правления Калифорнийского отделения защиты евреев, приготовивших взрывчатые материалы для того, чтобы заложить их в местную мечеть и в офис американского конгрессмена арабского происхождения Даррела Исы, а также в офис КПДМ (Комитета политического действия мусульман). Другой инцидент во Флориде закончился арестом 23 августа 2002 г. тридцатисемилетнего врача, планировавшего взорвать мечеть во Флориде» [4, с. 222]. Позднее у него нашли «...взрывные механизмы, включая ручные гранаты и бензиновую бомбу с таймером и приарепленными к ней проводами, а также тайник в его доме, в котором спрятано около сорока единиц лицензированного оружия, включая 50-мм автоматы и снайперские винтовки. Также был найден список, включающий сорок исламских центров и исламских организаций штата... Позже был арестован второй участник заговора» [4, с. 223].

Мусульман нередко ущемляют в их конституционных правах на рабочих местах, в школах и университетах.

Естественно, подобная информация черпается из прессы, которая охотно, ради рекламы и увеличения тиража, публикует сведения о неправовых действиях националистов и фашистов, направленных против выходцев из исламского Востока. Однако общий настрой общественного мнения остается устойчиво неприязненным по отношению к арабам и эмигрантам-мусульманам вообще. Это кажется странным, поскольку сами американцы являются представителями переселенческого общества, в котором терпимость должна бы преобладать. Однако на

практике большой процент граждан настороженно относится к мусульманам, видя в них нарушителей спокойствия. В Европе наблюдаются схожие процессы, видимо, по той причине, что эмигранты из Азии и Африки в количественном отношении преодолели тот уровень, который считался безопасным и легко ассимилируемым, и стали своеобразным центром силы, претендующим на признание прав, объем которых кажется европейцам угрожающим национальной стабильности.

Подобные оценкистораживают коренное население Европы и создают барьеры на пути общения с неудобным меньшинством. Отсюда и проистекает активность журналистики и прессы, тенденциозно преподносящих мусульман, их образ мысли и жизни, их планы и намерения. СМИ, Интернет, доступность которых велика, так или иначе переносят информацию, преувеличивая или преуменьшая, по обстоятельствам, значение тех или иных ее аспектов. Многие строятся на запугивании обывателя, но многое же и на раздувании опасности, исходящей от эмигрантов из азиатских стран. Причем часто оказывается так, что противоправность их действий естественным образом связывается с их религиозной принадлежностью, эти два момента гармонично складываются воедино, и возникает образ криминального маргинала-мусульманина, готового разрушить привычный мир буржуазного порядка. При этом нарушается естественное течение событий, в русле которых может происходить сплавление цивилизаций и их культур хотя бы в очаговом варианте, но вместо этого имеет место новый акт разделения наций.

В принципе, прогресс определяется качеством мышления массового человека. Неадекватно мыслящий человек принципиально не может принимать разумные решения. Уровень накопленных знаний во всех областях, опыт и развитие средств коммуникации уже позволяют радикально решить большинство проблем и построить гармоничное общество. Необходимо, прежде всего, избавление от предрассудков и мифов, разработка и реализация общей концепции развития цивилизаций, несмотря на объемный ряд тенденций, мешающих объединению наций в единое человечество.

Размах стереотипных предрассудков и заблуждений носит сегодня столь массовый характер, что может быть назван культурой неадекватного мышления (культурой неадекватности). О той же причине, как источнике угрозы для цивилизации,

говорил С.Лем: – «...этим источником служит невежество... Цивилизации недостает знания, которое позволило бы выбрать определенный курс из многих возможных, вместо того, чтобы дрейфовать в потоке случайных открытий...» [2]. Возможно, таким открытием стала концепция «конфликта цивилизаций», которая вышла сегодня на первый план.

Хотя в интервью, которое автор указанной концепции дал немецкой газете Die Zeit 19.09.2001 г., в ответе на вопрос о том, означают ли события в Нью-Йорке начало того самого столкновения культур, которое он предсказывал еще в 1993 г. в журнале Foreign Affairs, он ответил, что «...это удар простых варваров по мировому цивилизованному обществу, направленный против цивилизации как таковой...Но важно учитывать, что нынешнее преступление еще не означает столкновения культур» [34].

Кажется, что трактовка терактов как проявления противостояния цивилизаций несколько абсолютизирована. Хотя история знает примеры, когда небольшие группы совершали крупнейшие перевороты социального плана, нынешний уровень могущества государств, опыта народов, мощи механизмов противодействия чрезвычайным обстоятельствам может служить гарантией от таких сценариев. Ключевым фактором в этой ситуации выступает позиция правительств исламских стран и их населения по отношению к терроризму.

Тем не менее, С.Хантингтон также заявил, что «...избежать настоящего столкновения можно только в том случае, если исламские государства присоединятся к Соединенным Штатам в борьбе с террором» [34]. Большую роль, по мнению С.Хантингтона, также играет глобализация. Частично проблема исходит от государств, но также и от небольших групп, использующих положительные аспекты глобализации, преимущества распространения и доступа к новым технологиям и средствам коммуникации. Кроме того, в мире процветают всевозможные формы фанатизма, в том числе и религиозный. Их нужно находить и нейтрализовывать. Конечно же, это очень сложная задача, поскольку они представлены по всему миру и далеко не всегда организационно оформлены. Это вызывает к жизни и новые формы ведения войны. «...Если исламские страны не включатся в общую борьбу и выступят на стороне преступников, возрастет опасность возникновения того самого столкновения цивилизаций – и это уже не будет просто войной цивилизованного обще-

ства против сил зла» [34]. Хотя речь здесь идет о будущем, пресса и другие СМИ преподносят это будущее как настоящее, и это едва ли продуктивная позиция, поскольку она может провоцировать действия, неадекватные по своей сути.

Весь мир задается вопросом: стоит ли сообщество наций накануне глобального конфликта между западной цивилизацией и миром ислама или же возможен плодотворный диалог. Формы проявления «конфликта» начинаются на уровне бытовых установок и заканчиваются конфессиональным, политическим, идеологическим и культурным противостоянием. Но опыт мирного сосуществования гласит, что даже противоположные традиционные и культурные ценности не могут служить абсолютным препятствием на пути к нахождению общего языка. В любом случае, исключительно важно достигнуть взаимопонимания между различными культурами и конфессиями, и культурный аспект взаимоотношений между христианским и исламским мирами выходит здесь на передний план.

Однако культура сама по себе не может конкурировать с политикой, в рамках которой производятся действия, имеющие осязаемые, материальные последствия, которые гораздо более значимы, чем результаты культурного взаимодействия. При этом часто бывает так, что культура обслуживает политику, а также фобии, которые сеют рознь и подозрения.

Яркий пример этого – «карикатурный скандал» в датской прессе, инициаторы которого едва ли не понимали того, что оскорбляют чувства мусульман, публикуя шаржи на Пророка и привязывая его к современной тематике, представленной «ядерной бомбой» Ирана, террористами-смертниками и подготовленными к закланию женщинами.

Это сразу же вызвало волну протестов в арабских странах. Саудовская Аравия отозвала посла из Копенгагена, а Ливия закрыла свое диппредставительство в Дании. Начался бойкот датских товаров. Послы 11 исламских стран направили премьер-министру Дании письмо, в котором указывали на то, что глубоко оскорблены карикатурами, и требовали от газеты извинений. 30 января датская газета принесла извинения и заявила, что сожалеет о нанесенном оскорблении. Однако главный редактор газеты отметил, что публикация карикатур не противоречит датским законам о свободе слова. Европейская пресса осудила «капитуляцию» датской газеты. Западные жур-

налисты выразили свое возмущение тем, что ислам пытается навязать европейцам свои запреты.

В январе-феврале 2006 г. перепечатки датских карикатур появились еще в нескольких европейских газетах, в том числе норвежской, французской и немецкой. Владелец французской газеты, опубликовавшей рисунки, уволил главного редактора, однако в целом западная пресса солидарна в защите своей главной ценности – свободы слова. Репортажи о карикатурах вышли в эфире ВВС и некоторых других телеканалов.

Это привело к обострению обстановки во всем мусульманском мире. В Палестинской автономии несколько десятков вооруженных боевиков захватили здания в Газе, принадлежащие миссии Европейского союза, требуя от правительств европейских стран извинений. Одновременно с захватом здания ЕС в Газе одна из военизированных группировок, относящихся к ФАТХу, предъявила ультиматум Дании. Боевики потребовали официальных извинений от датского правительства. В случае невыполнения этого условия, террористы пригрозили начать через восемь часов похищения граждан европейских стран, которые в тот момент находились на территории ПА. Около 300 представителей радикальных организаций ворвались в посольство Дании в Индонезии. Парламент Пакистана осудил публикацию рисунков, а Иран призвал к внеочередной сессии Организации Исламская Конференция.

«...Вопрос уже даже не в карикатурах, ситуация вышла из-под контроля», – заявил в интервью датскому информгентству Ritzau представитель мусульманской общины в Дании Насер Кадер. Один из духовных лидеров ислама радикальный мулла Крекар прокомментировал произошедшее как «объявление войны нашей религии, вере и цивилизации. Мы, мусульмане, к этому готовы. Война началась» [46]. Так беспечелляционно заявил Мулла в интервью норвежскому телеканалу TV2.

Готовность к информационной «войне» подтвердила европейская мусульманская организация, опубликовавшая на своем сайте рисунки, оскорбляющие память жертв Холокоста времен Второй мировой войны. Арабская Европейская Лига поместила на своей электронной странице карикатурные изображения голландской девочки Анны Франк, погибшей во время войны и ставшей символом Холокоста. Другой рисунок ставит вопрос о том, был ли вообще Холокост. Картинки сопровождались пояснением, что их публикация является лишь выражением свободы слова.

Этот сюжет показывает, как быстро один эпизод перерастает в массовую истерию, когда речь заходит об оскорблении святыни для конфессии. Профанация – испытанное оружие, способное довести до иступления эмоции и страсти необразованной толпы. Едва ли стоит сомневаться в том, что подобные действия являются провокацией, которая едва ли нужна, если речь идет о поиске путей навстречу другой цивилизации, тем более, в острый период развития отношений.

Антиисламский фронт борьбы в СМИ поддерживается и на литературном поприще, то есть обретает художественную продуманность и осмысленность на фоне материалов прессы, которые иногда диктуются ерничеством, бахвальством, красным словом и желанием прославиться любой ценой.

Осенью 2002 г. в Париже прошел суд над писателем М.Уэльбеком. Сразу четыре исламских организации Франции, включая Мировую исламскую лигу, подали судебный иск против него. Несмотря на то, что мать писателя – ортодоксальная мусульманка, Уэльбек на страницах своих романов подвергал ислам грубым нападкам. Последней каплей стало интервью писателя, опубликованное в одном из литературных журналов. В нем автор рассказывал о своем романе «Платформа», который считается антиисламским, а также изложил свои взгляды, сводящиеся к тому, что ислам – «...агрессивная, примитивная и самая глупая религия из всех известных в мире в массе своей тупых и неразвитых людей» [41]. В результате, на суде Уэльбек был оправдан благодаря понятию «свобода слова». Его наиболее известный роман «Элементарные частицы» также содержал в себе оскорбления мусульман и ислама.

В 2004 г. известная итальянская журналистка О.Фалаччи написала книгу «Сила разума». Журналистка и писательница не раз оказывалась в центре христианско-мусульманских скандалов из-за своих антиисламских высказываний. Ее выступления против ислама ужесточились после событий в Нью-Йорке. В «Силе разума» Фалаччи написала, что ислам «...сеет ненависть там, где была любовь, и рабство там, где была свобода» [45]. По ее мнению, Европа переживает «вторжение» мусульман, которое ставит западную цивилизацию под угрозу. В книгах и статьях писательницы часто можно встретить слова «исламофашизм» и «Еврабия» (так журналистка описывает современную Европу, «захваченную» мусульманами).

Все вышесказанное – лишь отдельные примеры проявлений как интереса со стороны иной цивилизации к другой, так и нетерпимости, ведущей к конфликту.

Наверное, следует полагать, что некоторая часть западного общества чрезвычайно озабочена ситуацией в христианско-исламском диалоге и постоянно генерирует алармистские настроения, поддерживая их через такой мощный рупор, каковым являются СМИ, имеющие гораздо большую «дальность действия» по сравнению даже с талантливыми литературными произведениями. Хотя пресса, ТВ и Интернет несут информационный заряд одного дня, тем не менее, каждодневная информация определенной направленности формирует идеологию, контингент сторонников которой пополняется не только за счет зомбированных субъектов, но и тех, кто подпадает под общественный психоз, хотя изначально не разделял крайних взглядов групп и кругов, делающих ставку на «игру» с исламом из политических или иных соображений.

Информационная сфера создает общественный климат, задает моду на темы, муссирует слухи и т.п. и всегда под влиянием конъюнктуры, параметры которой задаются влиятельными силами. «...Во всех системах СМИ пресса является агентом тех, кто обладает политической и экономической властью. Газеты, журналы и телерадиовещание не являются независимыми, хотя потенциально способны выступать в качестве самостоятельной силы. Содержание СМИ всегда отражает политику тех, кто финансирует прессу» [13, с. 191].

Если в унитарной системе отсутствие независимости является почти абсолютным, то в рыночной системе с появлением множества центров власти плюралистичность присутствует и развивается. Причем, исходя из типологии СМИ, их принадлежности к той или иной правящей или финансово-промышленной группе, направленности на различные целевые аудитории, одни масс-медиа могут быть более или менее плюралистичными по сравнению с другими.

Что же касается манипуляций общественным сознанием, то СМИ в обеих системах склонны к ним изначально, будучи по своей природе встроенными в управляемую систему социальных массовых коммуникаций. Говоря о СМИ и их влиянии на общественное мнение, нельзя не учитывать направленность политических и экономических интересов того или

иного СМИ, его связей с медиа-группами и его социальную ориентацию.

По мере убывания значимости можно обозначить четыре главных уровня данной системы:

1. Электронные и печатные СМИ, формирующие наднациональное информационное пространство. Они, как правило, контролируются политизированным капиталом или находятся в собственности государства. В СМИ допускается размещение PR-материалов, не противоречащих общим установкам государства и сильным окологосударственным группировкам, а коммерческий успех рассматривается как второстепенный фактор.

2. Коммерческие издания, теле- и радиокomпании национального охвата. Коммерческие масс-медиа периодически интегрируются в общую медиа-политическую систему. Если для СМИ первого уровня перечень объектов для выбора и последующей поддержки невелик, то на втором уровне он значительно расширяется, а материальный фактор выдвигается на первый план.

3. Региональные электронные и печатные СМИ. Характерная черта этого уровня системы заключается в том, что в различных регионах многих конкретных стран сформировались существенно различающиеся между собой типы медийных моделей.

4. Четвертым уровнем информационной системы может считаться Интернет. «...Глобальная коммуникационная среда представляет собой огромный набор коммуникационных каналов, которые с минимальными ограничениями могут быть использованы в PR-целях» [13, с. 196]. Привлекательным полем для PR-технологов является, прежде всего, «...выброс информации, который затем может подхватываться на любом уровне системы и тиражироваться в медиа любого уровня» [13, с. 196].

Такая иерархия позволяет перекрывать практически все сегменты потребителей информации на огромных территориях, при этом многократное воздействие на субъектов обеспечивает большую эффективность пропаганды.

Одним из показательных примеров может быть Лондонская газета The Times. Основанная в 1785 г., она сейчас занимает второе место по показателям спроса среди качественных британских газет, уступая лишь The Daily Telegraph. Ее тираж насчитывает 381 тыс. экземпляров. Газета позиционирует себя как независимая и отличается в основном достаточно спокой-

ной подачей материалов и, видимо, не ставит своей целью нагнетание обстановки, спекулируя на событиях, связанных с карикатурами или известным выступлением Папы Римского, сопровождавшимся неудачной эскападой в адрес мусульман.

Респектабельная газета лишь констатирует события по этому поводу в разных мусульманских странах, давая статистику демонстраций, протестов, погромов и даже убийств. Однако само подробное перечисление географии беспорядков и реестр призывов к расправе над европейскими виновниками скандала сами по себе показательны и должны порождать уверенность читателя в том, что мусульманская среда малоправляема, экспансивна и не останавливается перед выбором средств борьбы с обидчиками, а это, конечно, не показывает ее в лучшем свете. Аналитической, с натяжкой, может считаться лишь одна статья в серии выпусков за рассматриваемый период, автором которой является Michael Binyon, «Хвалить Бога или передавать боеприпасы?» в рубрике «Искусство». Автор пытается проанализировать, что отражает карикатурный скандал: враждебное отношение мусульман к искусству или спланированную провокацию? В результате, его анализ сводится к рассказу об открытии сайта, посвященного защите современного искусства. Соответственно напрашивается вывод, что искусство в виде карикатур на пророка Мухаммада все-таки надо защищать от враждебно относящихся к нему мусульман.

«Карикатурная» тема в этой газете прозвучала также в рубриках «Мировые новости», «Великобритания», «Ближний Восток», «Мир», «Азия», что позволило рассмотреть проблему с разных сторон. Очевидно, что газета отличается непредвзятостью и нейтральностью в вопросе, по крайней мере, «карикатурного скандала». Газета, наблюдая за развитием событий, остается в стороне от суждений и громких высказываний.

Другим примером может быть американская газета The New York Times – ежедневное издание, известное с 1851 г. Тираж ее составляет более 1,1 млн. экземпляров, а воскресного выпуска – 1,7 млн. Газета имеет в Интернете свой сайт, который читают свыше 3 млн. подписчиков. The New York Times считается одной из наиболее влиятельных и информированных газет в стране, являясь своего рода гидом всей Америки в области политики, бизнеса, культуры, спорта, моды и развлечений. Она придерживается достаточно прогрессивных взглядов и известна относительно беспристрастной оценкой событий.

Американская газета, артикулирующая политику американской администрации, избрала тактику, соответствующую той ситуации, в которой оказались США по отношению к мусульманскому миру. Редакция посчитала карикатуры наступлением на мусульманские святыни и проявила понимание того, почему мусульмане нашли это обидным. Более того, изображения были расценены как прямая провокация консервативной датской газеты. Но тема «карикатурного скандала» поднималась лишь на протяжении февраля 2006 г., на который и пришелся пик скандала. Статьи по теме были, в основном, информационными. Исключение составляла статья «Критическая заметка. Потрясающий новый урок во власти образов», помещенная на видном месте на первой странице.

В собственной рубрике редакция газеты, высказываясь о карикатурном бунте, как бы оправдывает рядовых мусульман, делая упор на «радикальных исламистов», которые и виноваты в разгаре скандала, но параллельно появилась статья, говорящая о либеральности и терпимости в Дании. В опубликованном письме в газету читатель-еврей, ужасаясь реакцией мусульманского мира на карикатуры, все-таки понимает и чувства мусульман, и «сочувствует своим мусульманским кузенам». В еще одной статье речь идет о том, что администрация Дж.Буша также находит карикатуры на Пророка обидными для мусульман, а в другой статье говорится, что американские издания не будут, в знак солидарности с мусульманами, перепечатывать карикатуры. Но при этом газета отражает мнение ряда читателей, говоря в материале от 9.2.06 г. о том, что «многие на Западе поняли, какая пропасть разделяет их и мусульман, а также то, что «гипертрофированная реакция мусульман...говорит об их неуверенности в своих силах перед лицом того, что в их регион идет демократия, а вместе с ней и диалог».

Все это свидетельствует о том, что американская газета, умело обвиняя тех, кого надо, т.е. «радикальных исламистов», в остальном высказывает абсолютно непредвзятое мнение о мусульманском мире вообще и, проявляя понимание мусульман, вместе с ними считает карикатуры обидными. Все это говорит о том, что после событий 11 сентября 2001 г. Америка, несмотря на свое могущество, все же почувствовала себя уязвимой и проявляет разумную осторожность в изъятии своих чувств, хотя, возможно, далеко не все ее население терпимо и готово сохранять выдержанность.

Естественно, сразу трудно отразить все нюансы западной прессы в освещении такой важной темы как диалог цивилизаций и отношение к исламу со стороны обывателей, которые в массе своей могут руководствоваться в суждениях не фактами, а домыслами и фантазиями, порожденными исторически сложившимися предубеждениями, недоверием или вообще отрицанием права других быть не такими, как все в данной местности.

Тем не менее, западный мир уже длительное время живет в прямом контакте с мусульманской средой в собственных странах и обрел знание тонких механизмов взаимодействия с диаспорой. Эксцессы в той или иной мере всегда имели место в этих отношениях, но их причиной, как кажется, в основном было социальное недовольство и экономическое бесправие.

Ныне характер отношений видоизменяется, к ним примешивается религиозный компонент, пока как сопутствующее явление, но сам характер развития мировой цивилизации, глобализация, общая либерализация, распространение технологических достижений в западной части мира усугубляет диспропорции в мире, оставляя мусульманскую диаспору как бы в тени прогресса на фоне увеличивающегося отрыва от нее западного человека. Это провоцирует рост протестных настроений, к которым примешиваются новые чувства и в которые вовлекаются новые элементы в лице исламских радикалов, ущемленных несправедливостью больше, чем их более адаптированные соплеменники.

Проблема в том, чтобы западный прагматизм и рационализм смогли мирно противостоять восточной экзальтированности, хотя понятно, что это лишь образы, а проблема лежит именно в материальном первенстве, нищете мусульманских общин и в вызовах общества потребления.

Тем не менее, несмотря на явное или скрытое беспокойство по поводу исламской угрозы, западная экономика охотно заимствует элементы, изобретаемые миром ислама, например, типа исламских банков, а определенное число западных граждан принимает ислам как мирное выражение солидарности с мировой религией, как желание соответствовать требованиям работы с исламскими партнерами. О других случаях, продиктованных стремлением обрести себя в рядах исламских муджахедов, здесь речь не идет, хотя и такие факты известны достаточно хорошо.

Во всем этом большая роль принадлежит СМИ как фактору, управляющему и направляющему общественное сознание. В их случае большое значение приобретают правдивость, объективность и своего рода добропорядочность СМИ. Однако эти требования в относительно лимитированной степени соотносимы со всеми СМИ, которые составляют целую империю и работают по собственным правилам, в основе которых лежат сенсация, коммерция и политический интерес рекламодателей и групп влияния в истеблишменте.

В такой обстановке технологии, благодаря которым СМИ воздействуют на массовое сознание, влияют на информационный процесс и препарируют информацию, называются манипулятивными, и больше известны как «черный пиар», который используется в разных целях и даже в более безобидных формах может принести желаемый, т.е. негативный для мусульман результат.

Для СМИ часто не представляет особого труда создать определенный образ ислама, потому что рядовой обыватель фактически становится рабом потребляемого им информационного ресурса и, следовательно, в целом ряде случаев превращается в легкодоступный объект манипулятивных технологий СМИ. Получается, что практически все из того, что большинство людей видит и слышит, – может быть лишь интерпретациями СМИ реальных событий, придуманной реальностью.

Сегодня имеет место огромное влияние СМИ на восприятие ислама в Америке и Европе, причем образ мусульманина, который рисуют СМИ, особенно после событий начала века, чаще предстает как негативный, несмотря на выражаемое сочувствие в ряде публикаций. После 11 сентября 2001 г. американские и европейские СМИ поддерживают постоянный интерес к проблеме ислама путем освещения событий войны коалиции в Ираке в 2003 г., карикатурного скандала в 2006 г., победы на выборах в Палестине организации ХАМАС, вопросов развития атомной энергетики в Иране и событий в Афганистане, Пакистане, на Северном Кавказе и т.п.

В целом, говоря о роли СМИ и их месте в формировании образа ислама и мусульманина в Европе и Америке, можно сделать наблюдение, достаточно важное, как кажется, для понимания вопроса. Респектабельные СМИ поддерживают свой имидж с достаточным постоянством и не опускаются до низкосортных обобщений, замечаний, предъявления претензий и т.п. Солидные западные СМИ при освещении разных аспектов ста-

раются не скатываться к исламофобии, не разжигать антиму-сульманских чувств, отделять религию от религиозного фанатизма, экстремизма.

Тем не менее, в прессе и других СМИ не столь уж редко встречается информация, которая по своим параметрам с натяжкой может быть отнесена к истинной. Это, например, касалось Ирака и его ядерного и террористического потенциала, выпадов в адрес Сирии, которая в 1978–82 гг. сама тяжело пострадала от терроризма исламских фанатиков и ныне «прессуется» США за то, что имеет свою позицию.

Однако общий настрой в Старом и Новом свете близок к тому, чтобы воспринимать образ ислама в целом более негативно, это происходит даже под влиянием слухов, которые поступают из разных источников или проистекает из отдельных примеров негативного общения членов диаспоры с коренными жителями обоих континентов, что имеет к СМИ косвенное отношение.

Но это, хотя и затрудняет связи и сотрудничество в рамках мусульманско-христианского диалога, не мешает ему. Ведь можно сказать, что западное общество ныне имеет огромное пятно контакта с мусульманской средой, и нет иного выбора в целях поддержания национальной безопасности, межобщинного и межконфессионального мира в Европе и США, как удерживать общество от раскачки на почве религиозного неприятия и сохранять баланс интересов разных групп населения.

В этой сфере роль СМИ особенно велика. И своего рода обмен опытом здесь крайне уместен между евроамериканскими и мусульманскими средствами массовой информации. Наверное, не следует рассматривать подобную возможность как регулярную и повсеместную. Но отдельные проявления взаимодействия на этом поле имеют место. По крайней мере, есть международные масс-медийные организации, которые участвуют в акциях по повышению квалификации журналистов в развивающихся странах, оказывают им методическую и организационно-техническую помощь.

В частности, как отмечается в российской востоковедной монографии последнего времени, «...В рамках программы повышения качества арабоязычных информационных изданий регулярно проводятся семинары и рабочие группы, последний из которых состоялся в сентябре 2005 г. с участием представителей Международной федерации журналистов (Брюссель). С по-

мощью компании Интерньюз Эрэбик Нетуорк (Вашингтон) в мае 2004 г...был проведен углубленный раунд теоретический и практической переподготовки журналистов, работающих по своему профилю. Намечены и другие мероприятия, призванные существенно повысить профессиональный уровень национальной журналистики и сделать ее адекватной современным требованиям и растущим запросам читательской аудитории» [10, с. 260].

В данном случае речь идет о Бахрейне, стране, широко сотрудничающей с англоязычной прессой, и ее участие в такой деятельности естественно и объяснимо.

В других же случаях подобное сотрудничество не является очевидным и необходимым. Но общий дух развития, дискурс политической и общественной жизни в странах ислама, диаспоре и на обоих континентах может способствовать динамике именно в этом направлении.

Рассматривая вопрос о влиянии западных СМИ на восприятие ислама в Европе и Америке, следует отметить, что процесс этот имеет разные аспекты, возможно, сопоставимые по силе воздействия на читательскую среду, хотя представлена она не вполне сравнимыми условиями существования коренных жителей и диаспоры.

В политической сфере СМИ формируют общественное сознание в более активной фазе восприятия реальных, сиюминутных фактов и событий, затрагивающих глобальный и межгосударственный уровень. В культурной сфере интерес СМИ концентрируется вокруг духовных особенностей ислама, его философии, психологии, мироощущения и т.п. В бытовой нише СМИ отражают то, что происходит непосредственно, ежедневно при текущем соприкосновении религий, культур, обычаев, трактовок событий, вскрывают прямое проявление последствий человеческого общения.

Все эти аспекты неравнозначны по своей действенности, регулярности, эмоциональности. Но в совокупности именно они создают фон для межконфессиональных отношений, которые складываются, развиваются и подлежат оценке индивидов и их коллективов, участвующих в процессе общения с обеих сторон. И роль СМИ в этом исключительно велика, поскольку в них отражается и преломляется все многообразие форм и особенностей межцивилизационных контактов на конкретной территории и через них возвращается в информационное поле в виде препарированного и осмысленного соответствующим образом материала, который мо-

жет возбудить как позитивные, так и негативные настроения, мобилизовать дух созидания отношений либо посеять атмосферу недоверия, страха и вражды между людьми разных конфессий.

При таком соотношении подходов, видимо, не следует описывать западные СМИ только как источник благожелательной информации об арабах или мусульманах вообще. Есть множество примеров обратного свойства, которые враждебно или с большой долей негативизма трактуют не только политику мусульманских стран, но и собственно мусульманское население как этноконфессиональную группу, неодобрительно рассматривая почти все, что с нею связано. Особенно этим отличается Интернет, который не столь респектабелен как крупные медийные корпорации западного мира, в чьих руках находятся СМИ и в чьих интересах они работают. Значение СМИ велико, но не менее важно и то, какую задачу они ставят – обеспечить взаимодействие между цивилизациями и конфессиями или оказывать одностороннее воздействие на слабейшего. В вопросе о формировании образа ислама в западном сообществе под влиянием СМИ ясно только то, что здесь много противоречивого, неустойчивого, излишне политизированного, что мешает, как кажется, нахождение общего языка.

1. Дзялошинский И.М. Региональные СМИ и демократия в России (на примере Вологодской области). – М., 2003 г.
2. Лем С. Сумматехнологии, М – СПб, «Terra Fantastica», 2002.
3. Мехлер Г. Власть и магия PR. – СПб.: Питер, 2004.
4. Мусульмане в публичном пространстве Америки: надежды, опасения и устремления. – пер. с англ. Ирины Мюрберг. – М.: «Идея – Пресс», 2005 г.
5. Мусульмане на Западе (сборник статей ИВ РАН). – М.: 2002. – 156 с.
6. Ньюсом Д., Терк Д.В., Крукеберг Д. Все о PR. Теория и практика паблик рилейшнз. – М.: «Инфра-М», 2001 г.
7. Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии. – М.: «Центр», 2003 г.
8. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. – М.: «Аспект Пресс», 2001 г.
9. Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации. – М.: «Аспект Пресс», 2002 г.
10. Филоник А.О., Исаев В.А. Королевство Бахрейн. – М., 2006.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: «Аст». – 2003 г.

12. Цаплин В.С. Версия Будущего, Нью-Йорк, «Glance», 2003
13. Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью: теория и практика. – Москва., «Дело», 2003. – 496 с.
14. Богатей (саратовская газета) №47 (277), 16.12.2004, Мода на ислам, Налимова Е.
15. Законодательство и практика средств массовой информации. М., № 2–3.
16. Коммерсантъ № 26 (№ 3357), 14.02.2006, Началась ли уже война цивилизаций, Мирский Г.И.
17. Культура (газета) №50 (7458), 29.12.2004, «Сталкер» в десятый раз пытался говорить о правах человека и кинематографистов в частности, Хохрякова С.
http://www.kultura-portal.ru/tree_new/culpaper/article.jsp
18. Независимая газета, 08.02.2006, Грызлов versus Кадыров, Троицкий Н. http://www.ng.ru/politics/2006-02-8/2_gryzlov.html
19. Независимая газета, 15.02.2006, Единая Россия «оседлала карикатурный скандал», Серенко А., Рискин А.
http://www.ng.ru/regions/2006-02-15/1_edinorossia.html
20. Независимая газета, 16.02.2006, В карикатурный скандал вмешались следователи, Серенко А., Бондаренко М.
http://www.ng.ru/regions/2006-02-16/4_karikatury.html
21. Независимая газета, 17.02.2006, Третий Рим, Варшавчик С.
http://www.ng.ru/tv/2006-02-17/16_3rdrome.htm
22. Независимая газета, 21.02.2006, Кривое зеркало карикатуры, Трофимов А. http://www.ng.ru/regions/2006-02-16/4_karikatury.html
23. Полис. Политические исследования №6(24)1994 г.
24. Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция II (журнал) – М.: «Риск», 2002.
25. Российская газета №3984, 31.01.2006, Шершавым языком плаката, Макарычев М.
<http://www.rg.ru/2006/01/31/araby-karikatury.html>
26. Российская газета №3986, 02.02.2006, Свобода слова обернулась для Дании финансовыми потерями, Макарычев М.
<http://www.rg.ru/2006/02/02/dania-karikatury.html>
27. Российская газета №3990, 07.02.2006, Халифат?, Радзиховский Л. <http://www.rg.ru/2006/02/07/halifat.html>
28. Российская газета, 09.02.2006, Скандал в связи с публикациями в датской газете карикатур на пророка Мухаммеда, Макарычев М. <http://www.rg.ru/2006/02/09/karikatura-anons.html>

29. Российская газета, 10.02.2006, Глава КПРФ Геннадий Зюганов назвал скандал с карикатурой на пророка Мухаммеда «спланированной провокацией».

<http://www.rg.ru/2006/02/10/zuganoff-anons.html>

30. Российская газета, 14.02.2006, Пандемия, Радзиховский Л.

<http://www.rg.ru/2006/02/14/karikatura.html>

31. Российская газета, 16.02.2006, Шарж раздора. Карикатурный скандал в Волгограде, Ямшанов Б., Крылова Т.

<http://www.rg.ru/2006/02/16/karikatura.html>

32. Российская газета, 18.02.2006, Невеселые картинки с увольнением. Волна карикатурного скандала закрыла газету в Волгограде и докатилась до Вологды, Королева М., Филимонова Т.

<http://www.rg.ru/2006/02/18/karikaturi.html>

33. Российская газета, 03.03.2006, 1002-я сказка Шехерезады на фоне карикатурной войны, Сабов А. <http://www.rg.ru/sujet/2355.html>

34. Русский архипелаг, 19.09.2001, Это не столкновение культур, Хантингтон С.

<http://www.archipelag.ru/geopolitics/stolknovenie/11september/115/>

35. Русский журнал, 25.10.2001, Варианты ответа, Казаков А.

<http://old.russ.ru/politics/20011025-aka.html>

Дополнительные источники:

36. Городские вести (информация о волгоградской муниципальной газете).

<http://gorvesti.volgadmin.ru/start.asp?mp=2>

37. Ислам Ру. Каким быть музеем ислама в Казани?, Маркус С.Д.

http://www.islam.ru/culture/kazan_muzey/

38. Ислам Ру//Пресс клуб//СМИ о мусульманах.

<http://www.islam.ru/pressclub/Smi/>

39. Московский Дом фотографии (материалы). www.mdf.ru

40. Независимая газета (материалы газеты). <http://www.ng.ru>

41. NEWSru.com//Культура, 09.11.2005, Мишель Уэльбек получил литературную премию «Интералье».

<http://www.newsru.com/cinema/09nov2005/misna.html>

42. NEWSru.com//Религия и общество, 16.05.2006, Британские мусульмане сидят без работы.

http://www.newsru.com/religy/16may2006/britmus_print.html

43. Правда.info, 04.04.2006, Вологодскую журналистку судят за перепечатку датских карикатур.

<http://www.pravda.info/news/5530.html>

44. REGNUM ИА, 12.12.2005, Нижегородские мусульмане обвинили Федора Бондарчука в святотатстве, посмотрев фильм «9 рота».

<http://www.regnum.ru/allnews/558439.html>

45. RELIGARE.RU, 31.08.2005, Бенедикт XVI встретился со скандальной журналисткой. <http://www.religare.ru/print20952.htm>

46. РИА Новости, 06.02.2006, Последствия «карикатурного» скандала. Обобщение.

<http://www.rian.ru/review/20060206/43374107.html>

47. Российская газета (материалы газеты). <http://www.rg.ru>

48. Служба тематических толковых словарей.

<http://www.glossary.ru>

49. Утро.ru 11 сентября в России: каким мы его запомнили.

<http://11september.utro.ru/remember.shtml>

Англо-язычные периодические издания:

50. New York Times (материалы газеты). <http://www.nytimes.com>

51. New York Times, 09.02.2006, Business is has reached up to Hitler, Brooks D. <http://www.nytimes.com>

52. New York Times, 12.02.2006, Cartoon Dispute Prompts Identity Crisis for Liberal Denmark, Bilefsky D.

<http://select.nytimes.com/gst/abstract.html?>

53. The Times (материалы газеты). <http://www.thetimes.co.uk>

54. The Times, 20.02.2006, Iranian minister calls for end to cartoon violence. <http://www.timesonline.co.uk/article/0,,2089-2047114.html>

**ДЕМОКРАТИЯ И ИСЛАМИЗМ В АРАБСКИХ СТРАНАХ
(АЛЖИР, ТУНИС, ЕГИПЕТ)**

Процесс демократизации в арабском мире является важным элементом мировой политики. От результатов этого процесса во многом зависит дальнейшее развитие социально-политической ситуации на Ближнем Востоке и в мире в целом. Способен ли мусульманский мир и, в частности, арабские страны к демократизации? Может ли демократия развиваться, в том числе на основе мусульманской культуры и в мусульманском обществе, где исламские морально-этические нормы, традиции и обычаи являются образом жизни большинства населения? В какой степени принципы демократии коррелируются с исламом, который в той или иной форме действует практически в каждой арабской стране? Не претендуя на всеобъемлющие ответы, мы попытаемся ответить на эти вопросы, проанализировав социально-политическую ситуацию, сложившуюся в начале XXI в. в Алжире, Тунисе и Египте, т.е. в тех арабских странах, где наиболее ощутимы результаты демократизации государственно-политической системы и в то же время существенным образом проявило себя исламистское движение.

Общеизвестно хрестоматийное определение демократии как формы государственного устройства, при котором осуществляется власть народа (*demos*-народ и *kratos*-власть – греч.). Классической античной демократией считается государственно-политическое устройство древнегреческих полисов. В то же время античные авторы (Платон, Аристотель, Геродот) рассматривали демократическую форму правления как государственную систему, при которой только свободные граждане полиса имеют равные права. В то же время известно, что в полисах проживало большое количество рабов, число которых иногда превышало число свободных граждан, но, которые, тем не менее, не пользовались такими правами. В XVIII в. идеи демократии и свободы, выдвинутые великими мыслителями-гума-

нистами эпохи Просвещения, легли в основу американской «Декларации независимости» от 4 июля 1776 г. и французской «Декларации прав человека и гражданина» от 26 августа 1789 г., в которых провозглашались как «неотчуждаемые права человека – право на жизнь и свободу»¹ и «равенство в правах всех людей»². Принципы демократии как государственно-политического устройства общества разрабатывались многими философами и общественно-политическими и государственными деятелями. Одной из наиболее известных и распространенных в современных западных социально-политических исследованиях является концепция французского политолога и общественно-политического деятеля А.Токвиля (1805–1859 гг.), согласно которой демократия это не только определенная форма организации общества, но и соответствующий процесс, происходящий в нем. Философской основой демократии и в то же время одним из вопросов, дискуссии по которому продолжают до сих пор, является понятие соотношения свободы и равенства граждан как социально-политических ценностей. Их реальное воплощение происходит в соответствующих демократических институтах государства, прямых, когда граждане лично участвуют в осуществлении государственной власти (выборы, референдум), и представительных, когда участие граждан в управлении государством реализуется через избранные ими органы и избранных представителей – депутатов. Гарантией прав граждан является разделение функций власти – законодательной, исполнительной и судебной; децентрализация в социально-экономической и культурной сферах. В то же время защиту прав граждан берут на себя демократические ассоциации – гражданские и политические, которые становятся посредниками между центральной властью и различными слоями общества, представляя интересы последних. Видные социологи XX в., такие как Д.Шумпетер и У.Ростоу дополнили и уточнили концепцию А.Токвиля, подчеркнув, что все эти черты развитой демократии наполняются реальным содержанием только в условиях сложившегося гражданского общества, то есть при активном и осознанном участии граждан в общественно-политической жизни. Это достаточно важное уточнение, так как подлинная демократия возможна только при достижении обществом определенного уровня цивилизационного развития. Только в этом случае функционирует развитое гражданское общество и имеется своеобразная «критическая мас-

са» граждан, обладающих определенным уровнем интеллектуально-духовного развития – гражданским самосознанием, образовательным уровнем, соответствующим менталитетом и политической культурой, а также достаточной экономической обеспеченностью (средний класс). Если таких условий не имеется в обществе, то при формальном наличии всех государственно-демократических институтов (всеобщие выборы, многопартийная система, разделение властей и т.д.), за такой «фасадной» демократией вполне может существовать режим, ничего общего не имеющий с подлинной демократией.

Еще один важный фактор – роль религии в формировании определенной формы социально-экономической системы, в частности, западно-европейской, отметил известный философ и социолог XX в. М.Вебер (1864–1920). Он выделял роль христианской, а именно протестантской, религии в становлении западноевропейского капитализма и соответствующей ему «хозяйственной этики», то есть «коренящиеся в психологических и прагматических религиозных связях практические импульсы к действию»³. Данный фактор, наряду с другими, способствовал формированию определенного менталитета, стиля взаимоотношений между людьми и, соответственно, развитию современного западного гражданского общества и присущего ему демократического государственно-политического устройства.

Что касается феномена исламизма, то имеется ряд его определений. Однако, прежде всего, на наш взгляд, следует разделить понятия исламский фундаментализм и исламизм. Исламский фундаментализм можно рассматривать, как явление религиозное, означающее обращение к истокам ислама и строгое соблюдение правил и норм, изложенных в Коране и Сунне, в повседневной жизни и общественной практики. Наряду с термином «исламский фундаментализм», более точно и адекватно объясняет это явление такое определение, справедливо предлагаемое известным отечественным арабистом профессором В.В.Наумкиным, как *салафизм* (от араб. *салаф* – праведный предок)⁴. Как известно, главной идеей приверженцев салафизма является постулат о том, что на протяжении веков в ислам вносились новшества (*бид'а* – араб.), которые зачастую искажали изначальное мусульманское учение. Для того, чтобы возродить первоначальный, «правильный» ислам необходимо, согласно салафизму, обратиться к эпохе Пророка Мухаммада и четырех «праведных халифов» – Абу Бакра, Умара, Усмана и Али.

Исламизм, или политический ислам, то есть использование ислама в политических целях, в отличие от салафизма, представляет собой в большей степени политическое явление, и по определению видного отечественного исследователя Р.Г. Ланды, «есть определенная стадия социополитического развития мира ислама, последовавшая вслед за панисламизмом XIX в. и национализмом первой половины XX в.»⁵. Исламизм выражает идеологию исламистского движения, лозунгом которого является: «Ислам – есть решение». Его приверженцы ратуют за создание «исламского государства», построенного на основе «вечных и справедливых» законах Корана, в котором восторжествует «исламская социальная справедливость». Необходимо отметить, что идея справедливого миропорядка, отраженная в Коране (4:135)*, до определенной степени присуща мусульманской традиции и, в том числе, зафиксирована во Всеобщей исламской декларации прав человека, принятой ОИК в 1981 г., в которой, в частности, заявляется, что «любой человек не только имеет право, но и обязан протестовать против несправедливости»⁶. Исламизм в то же время является направлением в арабской общественной мысли, отражающим стремление определенной части общества в арабских странах сохранить свои исторические традиции, религию, культуру, то есть национальную самоидентификацию в условиях вызовов современного мира, прежде всего процесса глобализации. В то же время салафизм и исламизм можно рассматривать как явления взаимосвязанные и коррелирующие. Исламистское движение имеет умеренное и радикальное направления. Умеренный исламизм существует практически во всех арабских странах либо в форме политических партий, либо в виде общественно-просветительских или благотворительных организаций, выступающих за сохранение «исламских ценностей». Радикальный исламизм или, по определению профессора Р.Г.Ланды, «исламо-экстремизм»⁷ представлен фундамента-

---

* Сура 4 (Жены – *ан-ниса*): О вы, которые уверовали! Будьте стойки в справедливости, свидетелями перед Аллахом, хотя бы и против самих себя, или родителей, или близких; будь то богатый или бедный – *я айуха аллязина аману куну каввामин би-ль-кыст шухада 'лиллах ва ляу аля анфусикум ау аль-уалидейн ва ль-акрабин ин якун ханийн ау факиран* (араб.).

листскими группировками, провозглашающими вооруженный джихад как единственный путь построения исламского государства. Их лидеры оправдывают свои террористические акции, в частности, против тех арабских режимов, которые, по их заявлениям, являются «тираническими и неверными», также ссылаясь на суры Корана, в которых правители, «которые не судят по тому, что ниспослал Аллах, те – законопреступники (*ва мен лям яхкум бима анзаля ллах фа уляика хум аз-залимун – араб.*)» (Сура «Трапеза – аль-маида»; 5:49). Причем радикальные исламисты причисляют к «неверным» также умеренных исламистов, которые не разделяют их концепций.

Исламизм, как интегральная часть общественно-политической жизни, естественно, влияет на демократические процессы, происходящие в исследуемых в этой работе арабских странах. Это влияние имеет свои особенности в силу конкретных социально-политических условий и исторических традиций каждой страны и, тем не менее, в нем прослеживаются некоторые общие закономерности.

Алжир, отказавшись в конце 80-х годов XX в. от политики социалистической ориентации, приступил к широкой демократизации социально-политической и экономической жизни. В этой связи необходимо подчеркнуть, что период конца 80-х – начала 90-х годов характеризовался таким уровнем политической свободы в Алжире, который не имел аналогов в арабском мире. Правительство распустило чрезвычайные суды государственной безопасности, разбиравшие дела политического характера, и отменило систему, так называемых синих карточек⁸ – анкет, заполнявшихся гражданами, баллотировавшимися на выборные должности, и затем визировавшихся службой безопасности. В 1989 г. была принята новая конституция и законодательные акты, в соответствии с которыми был создан двухпалатный парламент, вводилась многопартийность, система свободных альтернативных выборов на всех уровнях, сформировалась свободная пресса. В апреле 1990 г. был принят новый закон о СМИ, в результате чего к концу 1991 г. в Алжире появилось 169 новых газет и журналов. Алжирские журналисты, объединенные с 1967 г. в подконтрольное властям Национальное издательское и рекламное агентство (ANEP), создали свою независимую организацию «Движение алжирских журналистов» (МЖА). Кроме того, в соответствии с новым законом, те журналисты, которые хотели создать свое собственное

издание, имели право в течение трех лет получать довольно значительное пособие. Таким образом были созданы наиболее популярные в настоящее время независимые газеты «Аль-Ватан» (Родина), «Le soir d'Algerie» (Алжирский вечер), «Аль-Хабар» (Новости).

Лево-демократическая, берберская и исламистская оппозиции, находившиеся ранее на полулегальном положении, получили право участвовать в общественно-политической жизни и иметь доступ к национальным СМИ. Пребывавшие в эмиграции оппозиционные лидеры, в том числе бывший президент Алжира Ахмед Бен Белла, смогли возвратиться в Алжир и продолжить политическую деятельность. Тем не менее, наряду с поистине грандиозными демократическими преобразованиями, социально-экономическая ситуация в Алжире в этот период ухудшалась. Продолжался рост цен, в том числе на продукты и предметы первой необходимости, прогрессировала инфляция и девальвация алжирского динара. Острыми проблемами оставались жилищный кризис и безработица, которая в 1989 г. охватила более 20% трудоспособного населения (среди молодежи до 25 лет этот процент был еще выше). Жизненный уровень значительной части населения снижался, что провоцировало усиление социальной напряженности в обществе.

В то же время в условиях нарастания системного кризиса и на волне демократизации в алжирском обществе возникло и получило широкое распространение массовое исламистское движение в лице возглавлявшегося видными исламистскими лидерами Аббаси Мадани и Али Бенхаджем «Исламского фронта спасения» (ИФС). Легитимный приход к власти исламистов, за представителей которых на муниципальных и парламентских выборах в 1990–1991 гг. проголосовало почти 50% избирателей⁹, предотвратило вмешательство армии. Это, в свою очередь, привело к радикализации исламистского движения, экстремистские силы которого развязали многолетнее вооруженное противостояние с властями (1992–1999 гг.) и поставили страну на грань гражданской войны. Однако алжирское руководство сумело, с одной стороны, подавить радикальных исламистов и, с другой, – инициировать процесс восстановления гражданского согласия. Президент Абд аль-Азиз Бутефлика, переизбранный в 2004 г. на второй срок (на президентский пост вместе с ним претендовали еще пять кандидатов), выдвинул в 2004 г. программу, определившую основные направления

экономического, социального и политического развития Алжира до 2009 г. и направленную, в том числе, на укрепление демократических преобразований. Программа, ставящая перед собой достаточно амбициозные цели, среди которых разрешение жилищного кризиса* и существенное сокращение безработицы, представляет собой важный шаг в дальнейшем развитии алжирского общества. Предусматривается, в частности, завершение новой редакции гражданского, уголовного и семейного кодексов и претворение в жизнь «Национального плана по соблюдению прав человека», принятого парламентом в 2003 г. Наряду с этим планируется существенным образом повысить роль местных органов власти и совершенствовать процесс демократизации общественно-политической жизни, в связи с чем вносятся изменения и дополнения в законы о местном самоуправлении, политических партиях и СМИ. При разработке программы был учтен трагический опыт противостояния с радикальным исламом в 90-х годах, и в настоящее время уделяется большое внимание политике по отношению к той части населения, которая считает необходимым сохранение мусульманских исторических традиций и «исламских ценностей». В программе, в частности, провозглашалось, что «алжирский народ, внесший огромный вклад в развитие и распространение ислама, и впредь будет прилагать все усилия для сохранения и дальнейшего процветания великой арабско-мусульманской цивилизации»¹¹.

Наряду с этим планируется дальнейшее развитие системы мусульманского образования и совершенствование подготовки имамов с целью повышения роли духовенства в достижении полного гражданского согласия и недопущения превращения мечети в инструмент пропаганды радикального фундаментализма (как это произошло в конце 80-х годов). Дальнейшим шагом в восстановлении гражданского согласия стало одобрение на общенациональном референдуме «Хартии за мир и национальное примирение»¹², которая предусматривает конкретные шаги по интеграции в общество тех алжирцев, которые участвовали в исламистском движении, но «чьи руки не запятнаны кровью».

---

* В настоящее время в Алжире нехватает примерно 1,3 млн. единиц жилья согласно программе, к 2009 г. должен быть возведен почти 1 млн. жилищ¹⁰.

В начале XXI в. внутриполитическая ситуация в Алжире значительно стабилизировалась по сравнению с 90-и годами XX в., когда целые районы находились под контролем радикальных исламистов. Большинство алжирцев и политического истеблишмента страны поддерживают правительственный курс. Наиболее влиятельными фракциями в парламенте – Национальной народной ассамблее (ННА), – входящими в правительственную коалицию, являются представители партий «Фронт национального освобождения» (ФНО) и «Национально-демократическое объединение» (НДО), которые обладают подавляющим большинством мест в ННА – соответственно 199 и 48 из общего числа депутатов 388. Необходимо отметить, что алжирские умеренные исламисты, которые, согласно их заявлениям, разделяют демократические принципы, достаточно полно представлены в ННА – тремя политическими партиями. Две из них – «Движение общества за мир» (*Харакат аль-муджта-маа ли-с-силм*), имеющая 38 депутатских мест и руководимая Бугеррой Солтани, и «Возрождение» (*Нахда*), обладающая одним местом, во главе которой стоит Ляхбиб Адами, – входят в правительственную коалицию и поддерживают президентский курс. Необходимо отметить также, что сам руководитель «Движения общества за мир» (ДОМ) Бугерра Солтани и два члена его партии являются министрами в нынешнем алжирском правительстве, и эффективность их работы (согласно рейтингу, определяемому президентом) оценивается довольно высоко¹³. Третья партия – «Движение за национальную реформу» (*Харакат аль-ислах аль-ватаний*), завоевавшая 43 места в парламенте и возглавляемая Абдаллой Джабаллой, состоит в оппозиции правительственному курсу. В программе ДНР не фигурирует пункт о создании исламского государства (использование религии в политических целях запрещено алжирской конституцией). Тем не менее, ДНР выступает против правительственной программы широкомасштабной приватизации, ратует за сохранение «мусульманских морально-этических норм», требует проведения социально-ориентированной экономической политики и усиления борьбы с коррупцией и преступностью. ДНР является наиболее многочисленной и достаточно влиятельной исламистской партией. Наряду с 43 местами в парламенте, ДНР имеет большинство депутатских мест более чем в ста *балядийях* (областных выборных органах власти) из общего числа в 1539. А.Джабалла

(род. в 1956 г.) в настоящее время считается одним из наиболее известных лидеров легальной исламистской оппозиции. Он примкнул к алжирскому исламистскому движению еще в 70-е годы XX в., но всегда был идеологом умеренного исламизма, заявляя, что исламские каноны не противостоят демократическим принципам. А.Джабалла участвовал в двух президентских кампаниях – в 1999 г. и в 2004 г. – и на последней занял третье (среди 6 претендентов на президентский пост) место после нынешнего президента Бутефлики и бывшего премьер-министра Али Бенфлиса, получив 4,8% голосов избирателей.

Особое место в современном Алжире занимают исламистские организации, официально не обладающие статусом политической партии, но, тем не менее, играющие довольно значительную роль в общественно-политической жизни страны. Это, прежде всего, такие организации, как «Верность» (*Вафа*) и бывший ИФС. «Вафа», несмотря на то, что власти отказались зарегистрировать ее как политическую партию, тем не менее, активно участвовала в муниципальных и парламентских выборах 2002 г., выставляя своих кандидатов в качестве независимых. Руководитель «Вафа» Ахмед Талеб Ибрагими, известный государственный и общественный деятель, дважды занимавший пост министра, поборник политики «арабизации», участвовал в президентской кампании 1999 г. и, по неофициальным подсчетам, занял второе место после президента Бутефлики. А.Ибрагими пытался принять участие в президентских выборах 2004 г., но не сумел пройти все предусмотренные законом юридические формальности. В то же время, А.Ибрагими не пошел на какой-либо союз с А.Джабаллой, хотя их идеологические и политические позиции во многом схожи. Руководство бывшего ИФС пытается добиться отмены судебного решения о его роспуске (принятого в 1992 г.) и вновь выйти на политическую авансцену. Надо признать, что большинство руководителей бывшего ИФС, в том числе бывший командующий «Исламской армией спасения» (ИАС), военного крыла ИФС, Мадани Мезраг, а также те из бывших лидеров ИФС, которые находятся за пределами Алжира, отказались от радикальных взглядов и перешли на позиции умеренного исламизма. Однако алжирские власти подтвердили запрет на участие в политической жизни для бывших руководителей ИФС, в частности, в отношении Али Бенхаджа, бывшего заместителя председателя ИФС, который после двенадцатилетнего заключения вновь захотел

заняться политической деятельностью (он был арестован в июле 2005 г., но, тем не менее, освобожден в марте 2006 г.). В Алжире действует также радикальное течение исламизма, которое представлено в основном двумя вооруженными группировками – «Салафитской группой для проповеди и борьбы» (*Джамаа салафийа ли-д-даава ва ль- кыталь*) и «Вооруженные исламские группы» (*Джамаат исламийа мусалляха*), насчитывающие в своих рядах, по разным оценкам, от 650 до 1 тыс. боевиков¹⁴. Причем «Вооруженные исламские группы» (ВИГ) в настоящее время распались на несколько враждующих между собой группировок, а их бывший лидер отказался от вооруженной борьбы. В то же время «Салафитская группа для проповеди и борьбы» (СГПБ), возглавляемая «национальным эмиром» (полевым командиром) Абд аль-Ваххабом Друкделем и базирующаяся в основном в горном районе Большой Кабилии (300 км к востоку от г. Алжира), продолжает террористические акции. Наиболее известной из них стало нападение в апреле 2006 г. на автоколонну на юго-востоке Алжира (700 км к югу от г. Алжира), перевозившую алжирских таможенников, в результате которой погибли 13 человек.

Тем не менее, можно констатировать, что алжирскому руководству удалось подавить радикальный исламизм, который уже не представляет собой (как это было в середине 90-х годов) угрозы для существующего режима и способен совершать лишь отдельные террористические акты в отдаленных районах страны. Наряду с этим, умеренный исламизм интегрируется в государственно-политическую систему, в которой идет процесс демократизации.

В **Тунисе** проходили почти идентичные алжирским социально-политические процессы. Тем не менее длительное вооруженное противостояние радикального исламизма с властями как это произошло в Алжире, здесь не имело места. Однако Тунис во второй половине 80-х годов XX в., как и Алжир, переживал социально-экономический и политический кризис. Чтобы понять причины кризиса и последовавшего за ним подъема исламизма, необходимо провести некоторый ретроспективный анализ и отметить, что тунисское общество после завоевания независимости испытало радикальную секуляризацию, какой не знала ни одна другая арабская страна. По инициативе первого президента Туниса Хабибы Бургибы (1903–2000 гг.) был принят «Кодекс гражданского состояния», который оценивается

тунискими историками, как «революционный закон, круто изменивший традиционный уклад, положивший начало женской эмансипации, и являвшийся социально-правовой реформой с долговременными и необратимыми последствиями»¹⁵. Коренным образом была реформирована система брачно-семейных отношений – запрещалось многоженство, учреждалась гражданская регистрация брака, вводилось равенство обеих сторон при разводе. В рамках реформ были отменены шариатские суды и установлена единая система судопроизводства. Наряду с такими впечатляющими успехами в социальном развитии общества, Тунис демонстрировал довольно стабильный рост экономики – 7,1% среднегодового прироста ВВП в 80-е годы. Однако основная часть получаемой в условиях экономического подъема прибыли перераспределялась внутри привилегированной прослойки крупного и среднего бизнеса, имевшей связи с правящей политической группировкой, в то время как уровень жизни большинства населения оставался достаточно низким. В 80-е годы в Тунисе нарастало социальное напряжение, чему способствовало также то, что престарелый восьмидесятилетний президент Хабиб Бургиба (провозглашенный в 1975 г. пожизненным президентом) уже не контролировал ситуацию в стране, чем пользовались для личного обогащения члены его семьи и приближенные к ним кланы. Сложную социально-экономическую ситуацию использовало быстро набиравшее силу исламистское движение, выдвигавшее лозунг создания исламского государства. Необходимо подчеркнуть, что становлению исламизма в Тунисе (как и в Алжире) в какой-то степени способствовала противоречивая политика властей. С одной стороны, широкая секуляризация, не подкрепленная повышением уровня жизни основных социальных групп, вызвала сопротивление части населения, склонявшегося к поддержке исламистов. С другой стороны, власти, стремясь ослабить левое движение, особенно усилившееся в студенческой среде, пытались противопоставить ему исламистов. С этой целью было разрешено создание «Ассоциации в защиту Корана» и строительство мечети на территории столичного университета, которая стала одним из опорных пунктов исламистов. Уместно отметить, что на территории университета неоднократно происходили стычки между студентами-сторонниками исламистов и членами лево-демократических организаций, что также повторяло ситуацию в Алжире.

С конца 80–90-х годов левое движение в Тунисе (как и во всем арабском мире) испытывало кризис, и образовавшийся идеологический вакуум быстро заполняла исламистская доктрина, ставшая в арабо-мусульманском мире в значительной степени идеологией социального протеста и заменившая в известном смысле левую идеологию. В этой связи показательно звучит определение понятия «исламист», данное одним из участников исламистского движения, заявившего, что «исламист – это тот, которого не удовлетворяет состояние современного мусульманского общества и который хочет, чтобы оно стало лучше»¹⁶.

В 80-х годах в Тунисе сформировалась организация «Исламская группа», трансформировавшаяся затем в исламистскую политическую партию «Движение исламской направленности», впоследствии переименованную в «Возрождение» (*ан-Нахда*). Ее председателем стал известный (также и за пределами Туниса) идеолог исламизма Рашид Ганнуши, закончивший философский факультет Туниского университета и получивший звание профессора философии. В числе руководителей партии были видные исламисты Абд аль-Фаттах Муру, Хасан Годбани, юристы по образованию, а также Салах Каркар, выпускник экономического факультета Туниского университета. Исламисты издавали две газеты и журнал, а также имели свое издательство «Знамя» (*ар-Рая*), что во многом способствовало распространению фундаменталистской идеологии в Тунисе.

Наряду с внутренними факторами, на подъем исламизма в Тунисе влияли такие внешние факторы, как гражданская война в Афганистане, где среди муджахедов, воевавших с афганским просоветским режимом, было немало тунисских граждан, которые впоследствии, вернувшись на родину, примкнули к исламистскому движению. Немалую помощь тунисским исламистам оказывал алжирский ИФС, с которым руководители тунисской «ан-Нахды» поддерживали постоянные связи и, в свою очередь, посылали тунисских исламистов для участия в антиправительственных манифестациях, организуемых ИФС в Алжире.

В 1986–87 гг. в Тунисе исламисты проводили многочисленные демонстрации под лозунгами создания исламского государства, а также, согласно опубликованным впоследствии тунисскими властями материалам, создали вооруженные группы, совершившие ряд террористических актов и готовившиеся к захвату власти. В такой напряженной социально-политической

обстановке 7 ноября 1987 г. премьер-министр и глава правящей «Социалистической дустуровской партии» (СДП) Зин аль-Абидин Бен Али с помощью своих сторонников отстранил Х.Бургибу от власти, мотивируя свои действия ст. 56 туниской конституции*, и объявил о временном возложении на себя обязанностей президента.

Президенту Бен Али во многом удалось, с одной стороны, подавить исламо-экстремистов, представленных радикальным крылом партии «ан-Нахда» а, с другой, существенно продвнуться как в плане экономического развития, так и по пути демократизации (хотя некоторые исследователи дают по этому поводу неоднозначные оценки). В то же время туниское руководство сумело интегрировать часть умеренных исламистов в государственно-политическую систему, в частности, предложив наиболее известным деятелям исламистской оппозиции войти в состав Высшего исламского совета и Социально-экономического совета (совещательный орган при правительстве). Наряду с этим по инициативе президента был выработан «Национальный пакт», в котором были подтверждены основные реформаторские законы, принятые в период правления Х.Бургибы, в том числе «Кодекс гражданского состояния», и одновременно подчеркивалась принадлежность Туниса к арабо-исламской цивилизации.

«Национальный пакт», который подписали руководители наиболее значимых общественных и политических организаций страны, в том числе лидер умеренных исламистов Нур эддин Бхири, во многом способствовал достижению национального консенсуса. В то же время в конце 90-х годов многие туниские исламисты, осужденные заочно и проживавшие в Англии, были амнистированы и получили возможность вернуться в Тунис с условием не заниматься политической деятельностью. В числе вернувшихся был Хашеми аль-Хамди, известный исламистский идеолог, главный редактор издающейся в Лондоне газеты «Независимая» (*аль-Мустакылля*).

---

* Ст 56 Конституции Туниса предполагает, что, «в случае временной неспособности Президента осуществлять свои полномочия возможно делегирование им своих полномочий премьер-министру» – см. М.А.Сапронова. Государственный строй и конституции арабских республик. М., 2003. С. 323.

Важно подчеркнуть, что тунисское руководство значительное внимание уделяло социально-экономическим вопросам. В результате реализации плана подъема экономики среднегодовой прирост ВВП в Тунисе составляет свыше 5% (в 2003 г. – 5,6%), инфляция, бывшая в период с 1980 г. по 1988 г. в среднем 7,7% в год, к 2003 г. сократилась до 2,7%¹⁷. Наряду с этим, процент населения, живущего за чертой бедности (доход которых составляет менее 2 долл. в день) сократился с 7% в 1987 г. до 4% в 2004 г. Этот же показатель на тот же год в Алжире составлял 15,1%, в Марокко – 14,3%, в Египте – 43,9%. Процент молодежи в возрасте от 19 до 24 лет, обучающейся в вузах, вырос с 6% в 1987 г. до 31% в 2004 г. В процентном отношении к населению по числу студентов Тунис занимает одно из первых мест в арабских странах. Достигнут также существенный прогресс в борьбе с неграмотностью. Так, число неграмотных среди взрослых старше 15 лет в 2003 г. в Тунисе составило 17% (мужчины) и 37% (женщины). Среди стран-соседей Тунис в этом отношении уступает только Ливии – 8% (мужчины) и 29% (женщины). В Алжире этот показатель составляет соответственно 22% и 40%, в Египте – 33% и 56%, в Марокко – 37% и 62%¹⁸. В этой связи необходимо подчеркнуть, что повышение образовательного уровня населения является важным элементом становления подлинной демократии, причем не только в мусульманской, но и в любой другой стране.

Значительным политическим событием в Тунисе стали проходившие в 2004 г. президентские и парламентские выборы. Им предшествовали проведенные в 2002 г. и одобренные на национальном референдуме изменения в тунисской конституции, согласно которым была сформирована нижняя палата тунисского парламента и упразднены ограничения на переизбрание действовавшего президента на следующий мандат. Вместе с тем, с 2004 г. в Тунисе были отменены ограничения для пользователей Интернета, большую свободу для своих публикаций получила пресса оппозиционных партий. Лидеры легально действующих политических партий отныне могут официально проводить собрания и митинги своих сторонников и имеют большой доступ к СМИ. В настоящее время в Тунисе действуют девять политических партий, в том числе шесть из них представлены в парламенте и имеют право участвовать в президентских, парламентских и муниципальных выборах. Тем не менее, говорить о реальном плюрализме в Тунисе еще

преждевременно, так как доминирующую роль в общественно-политической жизни играет правящая партия Конституционно-демократическое объединение (КДО) – правопреемница «Социалистической дустуровской партии».

Политическая платформа КДО близка программам социал-демократических партий Западной Европы, с которыми она поддерживает активные связи, являясь также членом Социнтерна и Африканского социалистического демократического интернационала (АСДИ), штаб-квартира которого находится в Тунисе. Председателем КДО является президент Туниса Зин аль-Абеддин Бен Али, который, как и ожидалось, с триумфом (94,49% поданных за него голосов) победил на президентских выборах трех своих оппонентов и получил четвертый президентский мандат (2004–2009 г.).

В результате парламентских выборов, в которых участвовали семь партий, 152 депутатских места (из общего числа в 189) получила правящая партия КДО. Необходимо отметить, что по новому закону о политических партиях (принятому в 1988 г. и заменившему соответствующий закон 1959 г.), политическим партиям запрещено использовать религию в политических целях, получать любую форму помощи от зарубежных организаций и физических лиц. Важной особенностью нового закона является закрепленная в нем обязанность министра внутренних дел обращаться в судебную инстанцию в случае принятия решения о роспуске политической партии, в то время как предыдущий закон такой процедуры не предусматривал.

Тунисские умеренные исламисты не имеют своей политической партии и, соответственно, не представлены в парламенте. В то же время видные исламистские лидеры умеренного направления, как уже отмечалось, участвуют в работе Высшего исламского совета и Социально-экономического совета. Однако необходимо отметить, что исламистское движение «ан-Нахда», отказавшееся от радикальных концепций, продолжает существовать, хотя оно во многом потеряло свое влияние среди тунисцев. Наряду с «ан-Нахдой» в стране действуют еще несколько немногочисленных исламистских организаций, находящихся на полулегальном положении. Наиболее известной из них является «Партия исламского освобождения», руководство которой находится за пределами Туниса. Можно констатировать, что ислаимзм в значительной степени потерял свое влияние в тунисском обществе, подтверждением чего может, в том

числе, служить амнистия и досрочное освобождение в 2005 г. из заключения 73 исламистов, осужденных за участие в антиправительственных манифестациях.

Египет имеет достаточно давние, по сравнению с другими арабскими (и не только) странами, демократические традиции. Так, например, история египетского избирательного права начинается с 1866 г. с учреждения, по инициативе хедива (правителя) Египта Исмаила, Палаты депутатов, обладавшей правами законосовещательного органа и избиравшейся шейхами провинций и представителями городских слоев населения. Уже в начале XX в. в Египте действовали такие политические партии, как «Родина» (*Хизб аль-Ватан*) во главе с борником идей панисламизма Мустафой Кямилем, «Партия конституционной реформы», «Партия нации», «Рабочая» и «Благословенная» социалистические партии¹⁹, в 1919 г. была сформирована политическая партия «Вафд», до сих пор являющаяся одной из наиболее влиятельных политических партий.

В Египте существует своя интеллигенция, которая считается одной из самых многочисленных и образованных в арабском мире (в Египте в настоящее время насчитывается 12 университетов, 4 из них – в Каире). В то же время именно в Египте в 1928 г. известным мусульманским деятелем Хасаном аль-Банной была создана ассоциация «Братья-мусульмане», с которой начинается история современного исламизма, а концепции ее идеолога Сейида Кутба используются многими современными исламистскими группировками.

Своеобразным отражением сложности и неоднозначности социально-политической ситуации в Египте стали президентские и парламентские выборы, проходившие здесь соответственно в сентябре и ноябре-декабре 2005 г. Выборы выявили две тенденции в современной общественно-политической жизни страны. Первая – намерение властей пойти по пути демократизации или, по крайней мере, сформировать демократический имидж Египта в глазах мирового сообщества, и вторая – усиление влияния в египетском обществе исламистского движения. В результате президентских выборов действующий президент Хусни Мубарак (род. в 1928 г.) был переизбран на пятый президентский срок, завоевав 88,5%²⁰ голосов избирателей и оставив далеко позади 9 своих соперников за президентский пост. Необходимо отметить, что нынешние президентские выборы были первыми в истории Египта альтерна-

тивными выборами. Основные соперники Хусни Мубарака, лидер самой молодой (создана в октябре 2004 г.) политической партии «Завтра» (*Аль-Гад*) Айман Нур (род. в 1960 г.) и руководитель упоминавшейся выше старейшей партии «Аль-Вафд» Ноаман Гамаа (род. в 1930 г.) получили соответственно 7,6% и 2,95% голосов избирателей. Несмотря на то, что практически все кандидаты-оппоненты Мубарака по своему политическому влиянию значительно уступали действующему президенту и не являлись для него реальными соперниками, эту президентскую кампанию можно оценить, как шаг в направлении демократизации страны.

В начале 2005 г. по инициативе президента Мубарака путем изменения ст. 76 египетской конституции, ранее предполагавшей выдвижение кандидатуры президента двумя третями депутатов парламента и последующим его утверждением в должности на общенациональном референдуме, была введена система прямых президентских выборов. Такая система предоставляет возможность всем легально действующим политическим силам участвовать в президентской кампании и, соответственно, определять внутреннюю и внешнюю политику страны. Вместе с тем, это только теоретическая возможность, так как реально такой возможностью обладает правящая, Национально-демократическая партия (НДП), председателем которой является Хусни Мубарак, которая в результате парламентских выборов получила 336 депутатских мест из общего числа в 444.

Прошедшие парламентские выборы характеризовались, в свою очередь, тремя важными для общественно-политической жизни Египта моментами. Первый – это успех «Братьев-мусульман», получивших 88 мест (в прошлом составе они имели 17)*, второй – поражение светских оппозиционных либерально-демократических партий, пытавшихся организовать единый блок (наиболее влиятельными в нем были партии «Аль-Гад» (Завтра) и «Кифайя» (Хватит!), но сумевших получить всего лишь 14 депутатских мест, и третий – наметивша-

---

* Политическая деятельность ассоциации «Братья-мусульмане» запрещена египетскими властями с 1954 г., тем не менее, «Братья» принимают участие в парламентских выборах, выставляя своих кандидатов в качестве независимых.

яся внутривластьная борьба в правящей НДП, которая, получив большинство депутатских мест – 336, имеет только 147 из них, одобренных руководством НДП во главе с Гамалем Мубараком (сыном президента). Остальные 179, являясь членами НДП, тем не менее, баллотировались в качестве независимых депутатов. Такая ситуация отражает борьбу между новым поколением политической элиты во главе с Гамалем Мубараком, являющимся председателем политического совета НДП, и старой гвардией, руководимой спикером парламента Фатхи Сруром.

Важно подчеркнуть, что нынешние президентская и парламентская кампании проходили в условиях социально-экономического кризиса, переживаемого страной и обусловленного рядом причин, включая замедление экономического роста (3% в 2004 г.) наряду с довольно значительным демографическим ростом (2,1%), сокращением иностранных инвестиций, снижением иностранного туризма, высокой инфляцией и, соответственно, ростом цен (на 40% в 2003 г.), прогрессирующей безработицей, составляющей свыше 11% трудоспособного населения²¹. Примерно 56 млн. египтян (население Египта составляет 73,4 млн. чел.) живут на доход, составляющий менее 2 долл. в день²². Эта категория граждан может существовать только благодаря субсидиям государства на продовольственные товары, осуществляемые для того, чтобы смягчить социальную напряженность.

Экономика Египта постоянно нуждается в иностранной помощи, в частности со стороны США, которая составляет от 2 до 2,5 млрд. долл. в год. В плане гуманитарного развития Египет является аутсайдером среди стран региона и занимает, согласно отчета о гуманитарном развитии от 7 сентября 2005 г., составленного международной организацией «Программа ООН по развитию» 119-е место из общего числа 177 стран, Тунис, соответственно стоит на 89-м месте, а Алжир – на 103-м.

Такая ситуация способствует усилению влияния исламистов, особенно среди неимущих слоев египетского общества. В то же время, продолжающееся доминирование США на мировой арене, характеризующееся поддержкой Израиля в палестино-израильском конфликте и силовым давлением на мусульманские страны, не подчиняющиеся американской политике, воспринимается частью мусульман как война против ислама, что приводит в ряды исламистов, наряду с египтянами из беднейших слоев, также представителей интеллигенции и

имущих классов. Тем не менее, египетским властям удалось подавить основные радикальные исламистские группировки «Исламские группы» (*Джамаат исламийа*) и «Исламский джихад» (*Джихад исламий*). В 1997 г. семь руководителей «Исламских групп» во главе с их лидером Омаром Абд ар-Рахманом объявили бессрочное перемирие с властями и призвали своих сторонников как в Египте, так и за его пределами прекратить террористическую деятельность. В 1998 г. к ним присоединилось и большинство руководителей «Исламского джихада». Вместе с тем, наиболее экстремистски настроенные члены руководства этих группировок – Айман аз-Завахири, Мустафа Камаль (Абу Хамза) и Рифаи Таха – продолжали проповедовать идею вооруженного джихада и примкнули к «Аль-Каиде» (Айман аз-Завахири стал, как известно, ближайшим сподвижником Усамы Бен Ладена).

Отдельные террористические акты, совершаемые радикальными исламистами, продолжают иметь место в Египте. Так, в 2005–2006 гг. были совершены теракты в туристических гостиницах в районе Шарм эш-Шейх, в результате которых погибли около 20 и были ранены около 100 египтян и иностранных граждан.

Что касается умеренных исламистов, представленных, в первую очередь «Братьями-мусульманами», то они после успеха на парламентских выборах становятся главной политической оппозицией правящей НДП. Брэндом «Братьев» продолжает оставаться лозунг «Ислам есть решение». Тем не менее, необходимо отметить, что новая генерация руководства «Братьев» состоит в большинстве своем из представителей технической и гуманитарной интеллигенции и, судя по их официальным заявлениям, «Братья-мусульмане» достаточно эволюционировали в своих политических взглядах. Их программный документ, обнародованный в марте 2004 г. и озаглавленный «Инициатива по поводу основных принципов реформ в Египте», по своей сути не отличается от политических программ других оппозиционных партий и включает такие пункты, как «уважение политических и гражданских свобод, ограничение полномочий президента, гражданский контроль над деятельностью силовых структур и армии»²³.

В отношении концепции создания исламского государства в Египте, глава «Братьев-мусульман» (верховный наставник – *аль-муршид аль-ам*) Махди Акиф в интервью наиболее попу-

лярной египетской газете «Аль-Ахрам» заявил, что «исламское государство не может быть создано в отсутствие свободы волеизъявления народа. Первое, что мы требуем, – это предоставить такую свободу, а затем народ сам изберет форму государственного устройства»²⁴.

Отношение к «Братьям-мусульманам» в египетском обществе неоднозначное. Часть египтян, в первую очередь копты, выражают беспокойство по поводу роста влияния «Братьев» и считают их заявления о приверженности демократическим принципам предвыборной тактикой. Но многие египтяне поддерживают «Братьев» и склонны расценивать их эволюцию как новую стратегию, отвечающую духу времени.

В ходе развернувшихся в Египте политических дискуссий накануне президентских и парламентских выборов часть политических и общественных деятелей, оппозиционных власти, выступали за проведение широкой демократизации, в том числе за полноправное включение «Братьев-мусульман» в политическую жизнь. Что касается позиции египетских властей по отношению к «Братьям-мусульманам», то она менялась в зависимости от внутренней и внешнеполитической ситуации. После успеха «Братьев» на парламентских выборах из египетских тюрем были освобождены более 450 активистов «Братьев», задержанных во время манифестаций и столкновений с полицией, происходивших во время выборной кампании. Это было сделано для подтверждения демократического имиджа Египта перед мировым сообществом и, прежде всего перед США, которые, по заявлению пресс-секретаря американского госдепартамента, намеревались наладить контакты с «Братьями» как «новыми членами египетского парламента».

Однако после израильского вторжения в Ливан летом 2006 г. позиция «Братьев-мусульман» радикализировалась. Они резко осудили как военную акцию Израиля, так и поддерживавших его США, охарактеризовав американского президента Дж.Буша как «врага ислама». Равным образом глава «Братьев» М.Акиф резко осудил позицию арабских руководителей, включая египетского президента, не оказавших во время израильской агрессии практической помощи Ливану. Египетские власти не замедлили ответить на демарш «Братьев» вызовом М.Акифа в прокуратуру для объяснений и массовыми арестами членов руководства «Братьев» и их активистов (по некоторым данным, были арестованы несколько тысяч человек). Тем не менее,

М.Акиф подтвердил, что «Братья-мусульмане» будут действовать «строго в рамках конституции и ни в коем случае не намерены нарушать египетские законы или прибегать к действиям, которые могут дестабилизировать внутреннюю ситуацию в стране»²⁵. Никто из депутатов-представителей «Братьев» не был арестован, хотя они довольно резко критиковали правительство в парламенте. В этой связи можно отметить, что, несмотря на попытки властей ослабить «Братьев-мусульман», они после успеха на парламентских выборах становятся, как отмечалось, главными оппонентами правительства Мубарака и имеют теоретическую возможность, в случае успешного для них исхода муниципальных выборов (они были перенесены с февраля 2006 г на 2008 г.), выставить своего независимого кандидата на президентских выборах 2011 г.

Исламистское движение (за исключением, конечно, его экстремистского крыла), существующее в той или иной форме практически в каждой арабской стране, является закономерным результатом развития мусульманского общества. В определенной степени его можно определить, пользуясь понятийным аппаратом А.Тойнби, своеобразным ответом исламской цивилизации на вызовы современного мира, в частности, глобализации. В то же время массовое исламистское движение, как показывает опыт ряда арабских стран, возникает в период социально-экономического или системного кризисов как форма социального протеста на ухудшение социально-экономической ситуации и снижение уровня жизни. В определенных условиях такая ситуация может привести к радикализации исламистского движения и выходу на авансцену исламо-экстремистов.

Тем не менее, исламизм как направление общественной мысли, существующее в арабо-мусульманском мире, на наш взгляд, не является препятствием на пути демократизации и, тем более, не является антагонистичным по отношению к ценностным ориентирам западного общества. Умеренный исламизм, являясь элементом национальной самоидентификации, может адекватно интегрироваться в демократическую государственно-политическую систему. Но поспешный и неподготовленный во всех отношениях переход к широкой демократизации может иметь непредсказуемые, а иногда и трагические результаты, о чем также свидетельствует недавний исторический опыт арабских стран, в частности, Алжира. Кроме того, вряд ли существует универсальная для всех обществ модель демократии.

Вообще, как справедливо указывает видный французский исследователь Ф.Бюрга, «базовые основополагающие цивилизационные ценности человечества являются общим наследием всех культур, религий и цивилизаций»²⁶. Исходя из вышесказанного, логично сделать вывод о том, что, если современная западная демократия сформировалась на исторической основе христианства, то демократия в арабском мире должна структурироваться на основе мусульманской культуры. Причем эта демократия, как и мусульманское общество в целом, будет иметь свои черты и особенности, присущие культурно-историческим традициям исламской цивилизации. Тем более, что в арабском мире, факторы, влияющие на демократические процессы, включая исторический фон, менталитет, национальную психологию, а также образовательный ценз, благосостояние населения, политическую культуру, демократические традиции, достаточно сильно отличаются от таковых в странах Запада. Таким образом, демократия, если рассматривать это явление не только как государственно-политическое устройство, а в более широком смысле, как способ функционирования общественного организма, всегда будет соответствовать специфике исторического развития, традициям, национальной психологии и менталитету, а также уровню развития гражданского общества, и не может являться единой для всех этносов.

¹ Цит. по: Согрин В. Политическая история США. М., 2001. С. 36.

² Цит. по: История Франции. М., 1973. С. 13.

³ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий//Вебер М. Избранное. Образ общества. Пер. с нем. М., 1994. С. 43.

⁴ Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов//Восток (Oriens). М., 2006. № 1. С. 7.

⁵ Ланда Р.Г. Международный форум востоковедов и африканистов в СПб//Восток (Oriens). М., 2006. № 4. С. 157.

⁶ Цит. по: Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 1991. С. 196.

⁷ Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005.

⁸ Долгов Б.В. Исламистский вызов и алжирское общество. М., 2004. С. 32.

⁹ Willis M. The Islamist Challenge in Algeria. A Political History. N.Y., 1997. P.394.

¹⁰ Аль-Барнамадж ат-такмилий ли-даам ан-нумув. Фатрат 2005–2009. Аль-Джазаир 2005. С. 10 (Дополнительная программа поддержки развития. Период 2005–2009. Алжир. 2005. С. 10 – араб. яз.).

¹¹ Le Projet de programme du gouvernement // El Moudjahid. 14.05.2004.

¹² La Charte de la paix et de la reconciliation nationale // www.algerianembassy.ru 29.09.2005.

¹³ Jeune Afrique. 2006.No. 2362. P.85.

¹⁴ Jeune Afrique/L'Intelligent. 2003. No. 2222–2223. P. 54.

¹⁵ Цит. по: Видясова М.Ф. Джихад без войны. М., 2005. Кн. 2, т. 1. С. 405.

¹⁶ Цит. по: Burgat F. L'Islamisme a l'heure d'Al-Qaida. P., 2005. P. 13.

¹⁷ Статистические данные Всемирного банка и Международного валютного фонда//Jeune Afrique/L'Intelligent. 2004. No. 2284. P. 57.

¹⁸ Jeune Afrique/L'Intelligent. 2004. No. 2285. P. 39.

¹⁹ Ланда Р.Г. История арабских стран. М., 2005. С. 153.

²⁰ Аль-Ахрам аль-яум. Аль-Кахира. 10.09.2005 (Аль-Ахрам сегодня. Каир – араб. яз).

²¹ Jeune Afrique/L'Intelligent. 2004. No. 2245. P. 39.

²² Jeune Afrique/L'Intelligent. 2005. No. 2332. P. 78.

²³ www.weekly.ahram.org.eg/print/2006/815eg2. htm 15.10.2006.

²⁴ www.weekly.ahram.org.eg/print/2006/813eg5.htm 13.10.2006.

²⁵ Ibid.

²⁶ Burgat F. «Al-Qaida or the Transnationalisation of an «Islamic» resistance to the Globalisation of the Maintenance of «American Order» // Arabia Vitalis. М., 2005. P. 65.

Алек Д. Эпштейн

**ОТ ААРОНА БАРАКА – К ДОРИТ БЕЙНИШ:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДРАМА ВОКРУГ СМЕНЫ
РУКОВОДСТВА ВЕРХОВНОГО СУДА ИЗРАИЛЯ**

В то время, когда все внимание израильской общественности было приковано к вопросу о том, кто и как будет расследовать деятельность правительства и военного руководства в период второй Ливанской кампании, и даже полицейские допросы президента страны, подозреваемого в сексуальных и иных правонарушениях, привлекали сравнительно немного внимания, о высшей судебной инстанции все как будто забыли вообще. Однако в истории судебной власти Израиля была открыта новая глава: 7 сентября 2006 г. с поста главы Верховного суда страны ушел в отставку по возрасту Аарон Барак. Одиннадцатилетнее правление Аарона Барака, которого эксперты называли «дирижером оркестра ветвей власти», подошло к концу.

Учитывая, что Верховный суд в Израиле де-факто выполняет и роль суда конституционного, очевидно, что его глава является одной из самых влиятельных фигур в стране. Решения правительства и даже законы, принимаемые Кнессетом, могут быть обжалованы в Верховном суде, в то время как вердикты последнего не могут быть пересмотрены нигде, кроме как в повторном судебном же заседании с участием большего числа судей. При таком положении дел позиция и взгляды председателя Верховного суда имеют огромное влияние на функционирование государственного механизма в целом.

Кроме того, большое значение имеет тот факт, что в высших органах исполнительной власти Израиля в последние годы руководители меняются поистине с калейдоскопической быстротой. С августа 1995 г., когда, собственно, Аарон Барак и возглавил Верховный суд, в Израиле сменилось шесть премьер-министров, одиннадцать министров иностранных дел, восемь министров обороны, десять министров финансов. Глава же

Верховного суда оставался на своем посту, символизируя хотя бы некоторую степень внутривластической стабильности и преемственности.

Сложно подвести итог одиннадцати годам продуктивной работы одного из самых блестящих юристов (и одного из самых ярких интеллектуалов вообще) из всех, когда-либо живших и работавших в Израиле. Как верно заметил влиятельный адвокат Рам Каспи, «Барак – юридический гений, его постановления изучают на всех юрфаках мира»¹. Вместе с тем, кажется, что Аарон Барак не сумел соответствовать тем ожиданиям, которые с ним связывались, загнав процесс конституционного законотворчества в патовую ситуацию, выхода из которой не видно. Израиль является одной из немногих демократических стран в мире, не имеющих конституции, и во многом именно вина Аарона Барака в том, что сегодня шансы на принятие конституции сегодня значительно более призрачные, чем это было в начале 90-х годов.

Когда в 1992 г. депутаты Кнессета принимали Основной закон о свободе и достоинстве человека и Основной закон о свободе деятельности, ни о какой «конституционной революции» они не помышляли. Эти законы принимались по тому же принципу, что и прежде: шаг за шагом, глава за главой постепенно принимались законы, которые в будущем должны составить конституцию страны². Именно такой путь был выбран в 1950 г., и именно в рамках этого подхода были приняты и два вышеназванных правовых акта. Эти два закона добавились к уже девяти принятым, начиная с 1958 г., основным законам, свод которых должен – согласно решению, принятому в 1950 г. и известному как «компромисс Харари» – составить в будущем конституцию страны. Когда Аарон Барак постановил, что новые основные законы, якобы, устанавливают «супралегалитские» (приоритетные) права, стоящие во главе конституционной пирамиды и направляющие логику политического режима, что дает легитимацию судебной системе осуществлять юридическую проверку законодательства, то есть пересматривать и объявлять недействительными любые законодательные акты, отрицающие (или нарушающие) указанные права либо противоречащие им, многие депутаты Кнессета (прежде всего, от религиозных партий) почувствовали себя обманутыми. Особое негодование многих парламентариев вызвало решение судьи А.Барака о том, что положения новых основных законов, яко-

бы, дают Верховному суду конституционные полномочия отменять законы Кнессета и объявлять их недействительными (хотя в самих законах ни сказано ни слова об этом). Так, например, Руби Ривлин, бывший в 2003–2006 гг. председателем Кнессета, говорил: «В 1992 г. я был членом комиссии Кнессета по вопросам конституции, права и судопроизводства, которая сформулировала и провела Основной закон о достоинстве и свободе человека. Так что я знаю, что за идея стояла за этим законом. Идея заключалась в том, чтобы укрепить права людей как людей и права меньшинств как меньшинств. Ни под каким видом не предполагалась передача законодательной власти Кнессета иному органу. Никто даже и не говорил об изменении баланса власти между Кнессетом и судом»³. Руби Ривлин заявил тогда, что «по мере того, как время шло и суд двигался вперед, весьма намеренно путем ползучей аннексии захватывая все большую власть, я понял, что не только произошла конституционная революция, но произошел переворот». По его словам, этот «переворот» «происходит вопреки духу демократии». «На основании фальшивых претензий на конституционную революцию здесь была создана новая реальность. Было создано новое правительство, которое стоит над всеми: выше Кнессета и выше правительства и выше закона тоже. Суд поставил себя над законом. Он потерял трепет перед законом. ... Это превращение суда во власть, не подверженную никакому надзору»⁴. (Отметим, что еще за четыре года до этого интервью Руби Ривлина автор настоящей статьи писал в «Ближний Восток и современность»: «Перенося центр тяжести государственной власти из Кнессета и правительства в Верховный суд, судья Барак фактически способствует изменению системы координат, в которой происходит социально-политическая жизнь общества. Поскольку решения парламента и правительства почти автоматически подлежат конституционному контролю со стороны Верховного суда, воля народа, выраженная путем всеобщего равного голосования, после конституционной революции имеет фактически лишь право совещательного голоса»⁵). В результате, многие депутаты заявили, что больше не поддержат принятия никаких основных законов, ибо в свете практики расширительного толкования их последствия невозможно просчитать заранее. Как выразился один из религиозных депутатов, «даже если в Кнессет будет внесен проект Основного закона, дословно повторяющий текст десяти запове-

дей, я проголосую против». В итоге, процесс конституционного законодательства застопорился: если в 60-е годы поршлого века Кнессетом были приняты три основных закона, в 70-е годы – два, в 80-е годы – еще три, причем, начиная с 1958 г., промежуток между принятием основных законов никогда не превышал семи лет⁶, то в настоящее время с момента принятия последнего из действующих основных законов прошло уже четырнадцать лет, и непохоже, чтобы в обозримой перспективе процесс конституционного законотворчества имел бы реальные шансы на возрождение. Аарон Барак не раз провозглашал, что, если Кнессет «в обозримой перспективе» не зафиксирует законодательно основные права человека и гражданина, не имеющие признанного конституционного статуса, то это сделает Верховный суд. Однако так далеко все же не пошел и он, оставив это обещание (или, если угодно, угрозу) нереализованным. Загнав законодателя в угол, Аарон Барак добился результата, обратного тому, за который он боролся: вместо «конституционной революции», о пришествии которой он провозгласил в 1995 г.⁷, он покинул свой пост в сентябре 2006 г., оставив Израиль в «конституционном тупике».

Профессор права Рут Габизон, бывшая в 70-х годах доброй коллегой Аарона Барака и ставшая с течением времени его самым серьезным и последовательным критиком⁸, раз за разом напоминала: для принятия конституции необходимо максимально широкое общественное согласие⁹, основной закон страны невозможно навязать социуму, пусть даже и в форме судебных вердиктов. Верховный суд не должен ввязываться в политические и теоретические споры, – отмечала Рут Габизон, – требуя проявлять максимальную осторожность, не вмешиваясь в принимаемые Кнессетом законодательные акты без чрезвычайно существенного повода для этого¹⁰. А.Барак категорически отверг такой подход, начав и личную войну против профессора Р.Габизон: вопреки намерению бывшего министра юстиции Ципи Ливни требовать ее избрания в состав Верховного суда, А.Барак удалось добиться того, что кандидатура Р.Габизон так и не была поставлена на голосование в комиссии по выборам судей.

Как справедливо отметил Дов Конторер, «декларируемый председателем Верховного суда Аароном Бараком «юридический активизм» оказался возможен как норма поведения судебных инстанций в Израиле именно потому, что намерение

законодателя было решено считать несущественным. На этом основывалась де-факто вся «конституционная революция» девяностых годов, превратившая два Основных закона – о достоинстве и свободе человека и о свободе предпринимательства – в средство ниспровержения действовавшего в стране правового порядка»¹¹. Сложная система сдержек и противовесов, сложившаяся в стране, оказалась нарушена, и совершенно непонятно, как именно восстанавливать баланс во взаимоотношениях между ветвями власти. Глава Верховного суда фактически наделил себя ограниченными только им самим же полномочиями, согласившись рассматривать иски против любых органов государственной власти практически по максимально широкому кругу вопросов. Этот «судебный активизм», базирующийся на профессиональном кредо Аарона Барака, согласно которому суд может принимать решения практически по любому вопросу, еще можно было, пусть и с оговорками, принять, когда во главе Верховного суда стоял столь выдающийся человек, профессионализм и человеческая порядочность которого ни у кого не вызывали сомнений. Однако, как справедливо заметил в уже цитированном интервью адвокат Рам Каспи, назвавший Аарона Барака «гением», «гений – это штучный товар». В день отставки А. Барака место главы Верховного суда заняла Дорит Бейниш, и близко не имеющая того авторитета, который имеет профессор А. Барак – переживший Холокост уроженец Каунаса, прибывший в Израиль в 1947 г., бывший в прошлом деканом юридического факультета Иерусалимского университета и юридическим советником правительства, автор ряда книг, переведенных на многие языки, лауреат Государственной премии Израиля, член Национальной Академии наук, получивший 14 мая 1999 г. высшую премию Всемирного судейского союза¹². Послужной список Дорит Бейниш куда как скромнее: окончив в 1968 г. Иерусалимский университет, она начала работать в Государственной прокуратуре. После двадцати одного года на разных должностях в этом учреждении она в 1989 г. была назначена генеральным прокурором, а в 1995 г. со второй попытки была избрана в Верховный суд (в 1993 г. комиссия по выбору судей отклонила ее кандидатуру пятью голосами против четырех). Д. Бейниш никогда не работала частнопрактикующим адвокатом, у нее нет докторской степени и уж тем более профессорского звания, она не написала ни одной книги и ее имя никогда не фигурировало в

списке кандидатов в Академию наук. Достоин ли человек, почти всю жизнь проработавший на одном месте (в Государственной прокуратуре) и не завоевавший личный авторитет как крупный ученый-правовед или как государственный деятель, возглавить высшую судебную инстанцию страны, учитывая, что решения Верховного суда, являющегося, как отмечалось, одновременно и судом конституционным, в Израиле нигде не могут быть обжалованы? Может ли израильское общество доверить судебной системе, во главе которой оказалась столь непримечательная личность, как Д. Бейниш, функции надзора и контроля над решениями парламента и правительства?

Против утверждения Дорит Бейниш председателем Верховного суда резко выступил, в частности, бывший министр науки и образования и член комиссии по выбору судей, крупнейший в стране специалист по конституционному праву, профессор и бывший декан юрфака Тель-Авивского университета, лауреат Государственной премии Израиля Аммон Рубинштейн. Отметив, что Д. Бейниш абсолютно не подходит на роль главы высшей судебной инстанции страны, он предложил – ни много, ни мало – вернуть на пост главы Верховного суда «на временную чрезвычайную каденцию сроком два года» 81-летнего Меира Шамгара, ушедшего в отставку еще в 1995 г.¹³ Против утверждения Д. Бейниш главой Верховного суда выступал и министр юстиции Израиля Хаим Рамон, объявивший о том, что планирует пересмотреть практику, существующую в стране с момента создания Верховного суда в 1948 г., согласно которой главой Верховного суда автоматически становится тот из судей, кто имеет наибольший опыт работы в суде данной инстанции к моменту ухода на пенсию (по достижению им семидесяти лет) действующего председателя суда. Именно по этому критерию Дорит Бейниш рассчитывала на свое практически автоматическое утверждение главой Верховного суда. Х. Рамон же выступал против, и обращенное к нему письмо А. Рубинштейна было важным подспорьем в его борьбе против кандидатуры Д. Бейниш.

56-летний Хаим Рамон – популистский политик, взлетевший на гребень удачи в 1994 г., когда, выйдя из Партии Труда, он заявил о борьбе против функционеров этой партии, на протяжении семидесяти лет безраздельно правивших в Федерации профсоюзов (Гистадрута). Сформировав названный в честь себя самого список «Рам – Хаим хадашим» [Рам – пер-

вые буквы фамилии Рамона, Хаим – его имя; словосочетание *Хаим хадашим* означает в переводе с иврита «новая жизнь»), он триумфально выиграл профсоюзные выборы. Главным достижением Х. Рамона на посту главы Федерации профсоюзов стал фактический развал этой организации. Большинство израильтян, впрочем, никаких возражений по этому поводу не имели. В Федерации профсоюзов Хаиму Рамону довольно быстро наскучило, и убийство в ноябре 1995 г. Ицхака Рабина стало для него отличным поводом «вернуться в отчий дом в момент величайшего кризиса, угрожавшего израильской демократии». Х. Рамон вернулся в ряды Партии Труда, покинул профсоюзы и был назначен Шимоном Пересом министром внутренних дел (в Израиле это министерство не относится к силовому блоку, занимаясь вопросами муниципальной политики). После поражения Ш. Переса на выборах 1996 г. Х. Рамон, как и все деятели Партии Труда, остался вне правительства, однако в 1999 г. в команде Эхуда Барака вернулся на руководящие посты; 11 октября 2000 г. Х. Рамон вновь возглавил МВД Израиля.

Приход к власти Ариэля Шарона вновь выбил Х. Рамона из седла, но 10 января 2005 г. он все же был введен в состав правительства; правда, лишь на должность министра без портфеля. После создания А. Шароном партии «Кадима» Х. Рамон сразу же присоединился к ней, получив в итоге седьмое место в ее предвыборном списке. После выборов, которые прошли в отсутствие тяжело заболевшего А. Шарона, новый премьер-министр Э. Ольмерт назначил Х. Рамона – адвоката по профессии – министром юстиции. О близости отношений Э. Ольмерта и Х. Рамона свидетельствует, например, тот факт, что они вместе (в компании с еще двумя членами кабинета – министром финансов А. Гиршензоном и министром внутренних дел Р. Бар-Оном) – смотрели по телевизору матчи чемпионата мира по футболу.

Должность министра юстиции – одна из самых проблематичных, и не только в Израиле. С одной стороны, существуют Верховный и Конституционный суды (в Израиле, как отмечалось, это одна и та же коллегия судей, выступающая в двух разных ипостасях), независимость которых – основа основ современной демократии как таковой. С другой стороны, существует Генеральная прокуратура, также имеющая собственное руководство. Министр юстиции Израиля – председатель комиссии по

выбору судей, но в самой комиссии он единственный, кто представляет это министерство; большинство членов комиссии либо судьи, либо представители Коллегии адвокатов, причем ни те, ни другие ему, естественно, не подчиняются. Как следствие, полномочия министра юстиции – весьма ограниченные, эта должность – почетная, но сравнительно маловлиятельная.

Хаим Рамон решил сломать такое положение дел, замахнувшись на реформу в избрании главы высшей судебной инстанции страны. В конце мая он провозгласил, что не намерен следовать сложившимся традициям, согласно которым главой Верховного суда автоматически становится тот из судей, кто имеет наибольший опыт работы в суде данной инстанции. Учитывая, что судьи уходят в отставку в Израиле по достижении 70-летнего возраста и вне зависимости от срока их каденции, имена будущих глав Верховного суда просчитывались и просчитываются с легкостью. Было известно, что в 2006 г. уходит судья А. Барак, которого должна сменить Д. Бейниш. В 2012 г. ее, в свою очередь, должен сменить Ашер Гронис, которого в 2015 г. должна сменить Мирьям Наор. Ее, в свою очередь, должна сменить Эстер Хают, оставаясь на посту главы Верховного суда до 2023 г. Сегодня 53-летняя Эстер Хают – самая молодая из судей Верховного суда, поэтому просчитать имя ее преемника пока невозможно. Юридическая система работала, имея четкое представление о том, кто будет возглавлять ее в ближайшие семнадцать (!) лет; Хаим Рамон замахнулся на революцию в этой сфере.

Революции, однако, не случилось. Против Х. Рамона была инспирирована гнусная история, вынудившая его 20 августа подать в отставку. Детали этой кафкианской истории еще предстоит расследовать. Вкратце дело обстояло следующим образом: военная служащая, заканчивавшая службу в офисе премьер-министра в комплексе зданий министерства обороны в Тель-Авиве, рассказала своим сослуживцам о том, что 12 июля, в день начала израильско-ливанской войны, один из членов правительства, приглашенный для участия в чрезвычайном заседании кабинета, якобы напал на нее из-за шкафа (!) и насильно поцеловал. Как уже упоминалось, срок службы этой девушки заканчивался, она демобилизовалась и 23 июля уехала – как это принято среди израильской молодежи – в «дембельский» тур в Латинскую Америку. Неясно, каким образом детали ее рассказа стали известны в полиции, после чего с

девушкой встретилась (в неформальной обстановке, в кафе) едва ли не самая высокопоставленная женщина в израильской полиции – бригадный генерал Мири Голан, возглавляющая Управление по расследованию коррупции. Лишь после разговора с ней девушка подала жалобу на якобы «развратные действия» со стороны министра юстиции. Более того: информированный корреспондент второго канала израильского телевидения Амнон Абрамович (именно он десять лет назад первым рассказал о том, что Авишай Равив – ближайший друг убийцы премьер-министра И. Рабина Игаля Амира – был платным агентом израильских спецслужб) сообщил также, что Мири Голан обращалась к советнику премьер-министра по военным вопросам бригадному генералу Гади Шамни с просьбой убедить девушку в том, что она должна подать жалобу в полицию на сексуальные домогательства со стороны министра юстиции.

Как справедливо отметил обозреватель Бен-Дроп Ямини в газете «Маарив» 8 сентября, «тогда и решилась судьба Хаима Рамона. Еще до того, как было начато расследование. И даже до того, как была подана жалоба в полицию. В то утро, когда Рамона на протяжении семи часов допрашивали из-за старой истории, занявшей несколько минут, радиостанция «Галей ЦАХАЛ» сообщила, что уже готовится подача обвинительного заключения: то есть, цель была объявлена заранее. А источником утечки информации было то самое Управление полиции по расследованию коррупции»¹⁴.

Только не относящимися к делу соображениями можно объяснить тот факт, что следователями и прокуратурой было решено действовать в авральном режиме и не дожидаться возвращения девушки в Израиль. Показательно, что полиция не запретила ее выезд из страны до прояснения обстоятельств дела, а затем не потребовала от нее вернуться. Более того: двое офицеров полиции были отправлены в далекую Гватемалу, чтобы снять показания отдыхающей там «потерпевшей» и провести дистанционную (!) «очную» ставку между ней и министром в режиме видео-конференции (по принятому в Израиле в этой деликатной сфере положению вещей, без очной ставки между истцом и обвиняемым дело не может быть передано в суд). Вопрос о назначении главы Верховного суда должен был решиться до отставки Аарона Барака (7 сентября), и сторонники Дорит Бейниш действовали в режиме чрезвычайного положения.

Уже 31 июля – не только до окончания и начала суда, но и до окончания следствия и подачи обвинительного заключения – юридический советник правительства (название его должности не должно вводить в заблуждение: фактически, это глава Государственной прокуратуры¹⁵) Менахем Мазуз сообщил министру юстиции об ограничениях на его деятельность в связи с ведущимся против него расследованием. М. Мазуз уведомил министра, что в настоящее время он не может заниматься вопросами, связанными с назначением судей, амнистиями и работой прокуратуры и полиции. С этого момента Х. Рамон лишь номинально оставался министром юстиции.

20 августа М. Мазуз объявил, что предъявляет обвинение Х. Рамону, которому пришлось объявить об уходе из правительства. (Согласно прецедентным решениям Верховного суда Израиля по делам бывших министров от партии ШАС Арье Дери и Рафаэля Пинхасси, лица, против которых Государственной прокуратурой поданы в суд обвинительные заключения, не могут оставаться членами кабинета). Вскоре после этого М. Мазуз опубликовал и само обвинительное заключение. Согласно тексту этого документа, 12 июля Хаим Рамон прибыл вечером в канцелярию главы правительства в комплексе «Кирья» в Тель-Авиве, где служила потерпевшая. Девушка попросила министра сфотографироваться с ней на память. После того, как другой солдат сфотографировал их и вышел из кабинета, Хаим Рамон продолжил обнимать военнослужащую и поцеловал девушку против ее согласия. «Обвиняемый совершил развратные действия без согласия потерпевшей», – говорится в обвинительном заключении. Это сомнительное обвинение – единственное, никаких других в адрес министра юстиции выдвинуто не было, но и этого оказалось достаточно, чтобы вынудить его подать в отставку.

Хаим Рамон, со своей стороны, утверждал, что девушка ходила от министра к министру, независимо от того, была ли она им представлена. Он подчеркнул, что не знал девушки ранее и встретил ее совершенно случайно. По его словам, она зашла в комнату, где министр смотрел телевизор в присутствии других людей. Девушка попросила Х. Рамона сфотографироваться с ней и заключила в объятия. Она, якобы, рассказала министру, что собирается за границу со своими подругами, но была бы рада, если бы Х. Рамон согласился поехать с ней; якобы, тогда бы она поехала только с ним, без подруг. По

словам Х. Рамона, девушка сфотографировалась с ним и стала показывать присутствующим фотографии, сделанные цифровой камерой, а Х. Рамону дала свой телефон. Вскоре все покинули комнату, в которой находился Х. Рамон, а девушка вернулась туда через некоторое время. По словам Х. Рамона, девушка говорила ему комплименты и выглядела очень призывно и соблазнительно. Х. Рамон сказал, что, склонившись к нему, девушка сама поцеловала его в губы.

11 сентября – на первом заседании суда по этому делу – Хаим Рамон вновь представил свою версию событий, утверждая, что истица сама обнимала его, флиртовала с ним и даже предложила ему совместную поездку за границу. По его словам, она сказала ему: «Ты же знаешь, что я не могу устоять перед тобой». Все это уже не имело значения. «Ершистый» министр юстиции был выведен из игры. Путь Дорит Бейниш к высшему посту в израильской судебной иерархии оказался открыт.

23 августа временно исполняющим обязанности министра юстиции был назначен Меир Шитрит (уже руководивший министерством в 2001–2003 гг.), который буквально на завтра объявил о том, что Дорит Бейниш будет 7 сентября утверждена председателем Верховного суда страны. Ее каденция закончится только в 2012 г., по достижении ею 70-летнего возраста. Кроме того, Д. Бейниш вынудила уйти в отставку пользовавшегося большим авторитетом судью Боаза Окуня, работавшего до недавнего времени директором Управления судов. Д. Бейниш обратилась к Х. Рамону с просьбой уволить судью Б. Окуня с этого поста, министр юстиции отказался. Однако, видя, как складываются события, Б. Окунь предпочел уйти сам¹⁶, а затем, как было описано выше, вынудили уйти и «строптивного» Х. Рамона.

Д. Бейниш стала первой женщиной-главой Верховного суда Израиля, однако едва ли ее утверждение в этом качестве способно повысить доверие граждан к судебной власти – скорее, напротив. Согласно данным опроса, проведенного в 1990 г., судам доверяли 83% израильтян¹⁷. В ходе серии опросов, проведенных в 1991–1995 гг., были получены похожие результаты: Верховному суду доверяли 85% израильтян¹⁸. Данные опроса, проведенного в 2004 г., свидетельствовали о некотором снижении доверия к Верховному суду – 79%¹⁹. Данные опроса за февраль 2006 г. свидетельствуют о том, что ситуация продолжает ухудшаться: доля граждан, доверяющих Верховному суду,

снизилась до 68%²⁰. При этом последний опрос – проведенный, и это важно подчеркнуть, еще до крайне неудачной второй Ливанской кампании – зафиксировал общее снижение доверия граждан Израиля к органам государственной власти. Уже после войны в ходе опроса, проведенного в конце августа 2006 г., только 43,2% опрошенных назвали Верховный суд «эффективно работающим органом государственной власти», в то время как 37,2% сочли его неэффективным, а 19,6% не имели ясного мнения по этому вопросу²¹.

Разочарование деятельностью главы правительства, министерства обороны, Генерального штаба армии, вкуче с полицейским расследованием против президента страны М. Кацава (сразу несколько женщин обвинили его в сексуальном насилии; расследуются подозрения в нарушениях процедуры помилования и причастности президента к незаконному подслушиванию телефонных разговоров), наносят огромный урон вере граждан Израиля в демократию. Процедура избрания и приведения к присяге (впервые в истории страны эта церемония состоялась без участия находившегося под следствием президента страны) главы высшей судебной инстанции Израиля, призванная быть одним из зримых свидетельств «торжества демократии», имела, однако, противоположный эффект, еще более снижая веру общества в правовые основы функционирования государственной власти.

Язык иврит, как и любой другой живой язык, чутко улавливающий и отражающий общественные процессы, пополнился новым выражением: «банда властителей закона» («кнuffed шильтон ха'хок»). Если в общедоступной электронной энциклопедии «Википедии» на иврите этот речевой оборот приписан исключительно журналистам газеты «Маарив» и борьбе их владельца Офера Нимроди против Государственной прокуратуры²², то в последние недели термин получил и более широкое хождение. В частности, 9 февраля он появился и в леволиберальной газете «Гаарец»²³, страницы которой традиционно служат рупором тех, кто выступает именно за сохранение независимости и широких полномочий прокуратуры и Верховного суда. Однако беспрецедентное решение суда по делу бывшего министра юстиции Хаима Рамона не оставило равнодушным и тех, кто израильскую правовую систему привык защищать. Х. Рамон был признан виновным в непристойных действиях, выразившихся в том, что (см. выше) поцеловал девушку, кото-

рая вначале попросила его сфотографироваться с ним, затем в ходе беседы предложила ему присоединиться к ней в ходе поездки в Коста-Рику, после чего передала министру номер своего телефона – вероятно, чтобы он не забыл о ней. Министр и девушка сфотографировались трижды: дважды до злополучного поцелуя, и один раз – после. «На третьем снимке потерпевшая выглядит улыбающейся и радостной, – отметили судьи в своем вердикте, – что, по словам подсудимого [экс-министра Х. Рамона], противоречит заявлениям о том, что она была потрясена и шокирована. После третьего снимка потерпевшая написала на листе бумаги номер своего телефона с именем и дала его подсудимому – поведение, не соответствующее утверждению о том, что он совершил по отношению к ней развратное действие»²⁴.

Казалось бы, все ясно. Израильские судьи полагают иначе: «Трудно определить, каково рациональное или нерациональное поведение после травматического переживания. У каждого своя реакция, у каждого своя культура. Сколько было травматических случаев, столько было и разных, порой необычных, реакций. Пострадавшая объяснила, что, как уже говорилось, во время третьего снимка она была словно заморожена, в шоке и со слезами на глазах. Утверждалось, что на снимке слез не видно, и поэтому потерпевшая говорит неправду. Эти утверждения несущественны. Выражение «слезы на глазах» описывает определенное душевное состояние, а не обязательно льющиеся слезы»²⁵. Что называется, занавес. Судьи, однако, пошли еще дальше: «Две фразы: «я не могу перед вами устоять» и «министр, может, поедете со мной в Коста-Рику» вырваны из контекста. По совокупности разговора мы не нашли, что этих оборотов достаточно для намека на попытку заигрывания потерпевшей с подсудимым»²⁶.

Как справедливо отметил в своем радиоинтервью известный адвокат Алекс Шмерлинг, «многие, кто следил за ходом процесса, не ожидали такого решения. Хаим Рамон не просто министр юстиции. Он министр, который себе позволил замахнуться на ряд «священных коров» в израильской правоохранительной системе. В частности, позволил себе говорить о необходимости изменить порядок назначения судей. Он начал высказывать идеи о необходимости протоколировать заседания комиссии о назначении судей [заметим, что в январе 2007 г. решение об этом все же удалось протолкнуть, несмотря на

яростное сопротивление главы Верховного суда, которая почему-то страшно боится протоколов заседаний, в которых участвует]. Он предложил отменить систему назначения председателя Верховного суда по стажу, когда уже сегодня можно предвидеть, кто будет председателем на долгие годы вперед. Он предложил внести кардинальные изменения во все, что касается судебной власти в Израиле. Она на сегодняшний день продолжает оставаться закрытой элитарной зоной, которая управляется сама собой и практически не подчиняется никому. Она, в том числе, закрыта и для прессы. В этих условиях понятно, что Хаим Рамон был «помечен» как «плохой парень». Вот в данных обстоятельствах и всплывает это дело. При этом полиция и, в частности, начальник отдела расследований полиции Мири Голан совершает немыслимые усилия, чтобы добиться и убедить потерпевшую подать жалобу в полицию... Полиция совершила немыслимые суперусилия, чтобы довести это дело до обвинительного заключения. Вплоть до того, что посылала следователей в Южную Америку специально для того, чтобы взять показания у потерпевшей. И все это вокруг пусть и не очень хорошего поступка, даже если принимать сегодня на веру версию потерпевшей о таком страшном преступлении, как «французский поцелуй» со стороны Хаима Рамона». «Я не говорю о ситуации, при которой кто-то сговаривался специально, согласовывал действия для того, чтобы утопить Хаима Рамона, – заметил адвокат А. Шмерлинг. – Вместе с тем, в ту секунду, когда появились даже минимальные основания для того, чтобы привлечь его к суду, были использованы все возможности, какие есть, начиная от следствия и кончая, как мы видим, судом, для того, чтобы обрушиться на министра юстиции всей колесницей израильского правосудия»²⁷.

Слова Алекса Шмерлинга отражают, пожалуй, мнение большинства израильтян. «Приговор бывшему министру непонятный и избыточный вопросительными знаками»²⁸... У Рамона были основания полагать, что она [жалобщица] хочет близости с ним. С какой стати она стала бы болтать просто так? Во-первых, листок с номером телефона, который она записала для Рамона, во-вторых, размытая фотокарточка, на которой она обнимает его за талию, в-третьих, разговоры о совместной поездке за границу. Но самое главное – это реноме Рамона, который известен в коридорах Кнессета как человек, за которым ухаживают, а не который ухаживает», – отмечал в газете

«Маарив» один из самых влиятельных публицистов и телеведущих Дан Маргалит, дополняя: «Поведение полиции в ходе расследования и ложь о тайных прослушиваниях [как выяснилось впоследствии, полиция прослушивала телефонные разговоры бывшего министра] – отдельный скандал»²⁹. Согласно данным опроса, проведенного по заказу «Едиот ахронот», наиболее тиражной газеты страны, после оглашения приговора по делу Рамона лишь 34% опрошенных отметили, что в этом деле восторжествовала справедливость. 72% выразили мнение, что это дело вообще не должно было рассматриваться в суде (только 18% считают иначе). На вопрос о том, считают ли они полицию «чистой от коррупции», лишь 25% респондентов ответили положительно; 59% опрошенных сочли полицию коррумпированной. 32% опрошенных сочли коррумпированной и Государственную прокуратуру³⁰. Среди русскоязычных граждан страны отношение к полиции и судебной системе еще хуже – среди участников электронного опроса, проведенного сайтом «Newsru.co.il» и каналом RTVI, лишь 17% и 12% респондентов соответственно выразили им доверие³¹. При всей методологической проблематичности подобного рода опросов, общая тенденция, нашедшая свое выражение в полученных результатах, сомнению не подлежит. «В подобном негативном отношении к органам власти репатрианты не одиноки, – отмечает в газете «Гаарец» обозреватель Лили Галили. – Недоверие к полиции и государственным органам размыло «разделительную черту» между новыми репатриантами и старожилами»³². Представляется, что даже самые ярые поборники идеологии «плавильного котла» не придут в восторг от модели интеграции, основанной на нигилизме по отношению к органам правопорядка и правосудия.

Как отмечалось выше, существующий в Израиле баланс сил между различными органами власти оказался в последние годы очевидным образом нарушен. После того, как в 1992 г. Кнессет принял Основные законы о свободе и достоинстве человека и о свободе деятельности, судьи Верховного суда объявили, что в стране, якобы, произошла «конституционная революция» и решили, что отныне могут отменять законы, принимаемые Кнессетом, идущие вразрез не только с буквой, но и «духом» новых законов. Иски в Верховный суд подавались заинтересованными общественными деятелями и организациями буквально по любому поводу. В результате именно Верховный суд подмял под себя и парламент, и правительство: любые

сколько-нибудь важные решения законодательных и исполнительных органов власти стали восприниматься как проект, утверждение или отклонение которого зависит исключительно от воли судейской коллегии, которая будет рассматривать иск, который будет непременно подан той или иной заинтересованной стороной. Ситуация дошла до предельного абсурда: именно судьи, не имеющие соответствующего военно-политического образования и опыта и проводящие все свое рабочее время в здании Верховного суда в Иерусалиме, принимали обязывающие решения по таким вопросам, как возможность ликвидации боевиков в ходе контртеррористических операций и точные контуры «разделительной стены безопасности» на Западном берегу (об абсурдности такого положения вещей говорят многие израильские правоведы и политологи, самые известные из которых – профессора Иерусалимского университета Рут Габизон и Шломо Авинери)³³. Юридический советник правительства, на практике являющийся не столько советником, сколько прокурором кабинета министров³⁴, последовательно распорядился о начале полицейских расследований и допросе под присягой президента и премьер-министра страны; министра юстиции он просто отправил в отставку в рамках «дела о поцелуе». К настоящему моменту против президента М. Кацава выдвинуто обвинительное заключение, против премьер-министра Э. Ольмерта ведется расследование (об этом сам он, кстати, узнал из газет, будучи с государственным визитом в Китае), а руководитель личной канцелярии премьер-министра и его доверенное лицо на протяжении трех десятилетий Ш. Закен отправлена в принудительный отпуск на полгода с запретом посещать министерство главы правительства. С регулярными обвинениями в адрес премьер-министра выступает и Государственный контролер (глава Счетной палаты) судья в отставке Миха Линденштраус. Были арестованы назначенный премьер-министром Э. Ольмертом (в бытность его министром финансов) глава налогового управления страны Дж. Маца, а также его предшественник на этом посту Э. Ров. Параллельно с этим члены высшего военного и политического руководства страны находятся под дамокловым мечом ожидаемого в скором времени отчета комиссии во главе с отставным судьей Э. Виноградом, которая рассматривает деятельность органов государственной власти до и во время неудачной Ливанской кампании.

Понятно, что в таких условиях адекватно руководить страной невозможно: руководители органов исполнительной власти и силовых структур фактически являются заложниками узкой касты «властителей закона»: как кукловоды, прокуроры и судьи могут умелыми руками дергать за ниточки, продлевая политическую жизнь или низвергая законно избранных руководителей страны. Среди тех, чья общественная карьера была в последние годы разрушена «бандой властителей закона», можно вспомнить имена бывшего министра обороны Израиля генерала Ицхака Мордехая (обвиненного в сексуальных домогательствах) и сына бывшего премьер-министра, депутата Кнессета прошлого созыва Омри Шарона (обвиненного в нарушении закона о финансировании партий в ходе одной из электоральных кампаний, триумфально выигранных его отцом).

Юридическая система умеет проявлять «гибкость», когда политики действуют в соответствии с мировоззрением леволиберального правового сообщества. В мае 2006 г. в интервью, опубликованном газетой «Гаарец», завершавшему свою карьеру судьи в должности заместителя председателя Верховного суда М. Хешину задали вопрос об апелляции, поданной против прекращения юридическим советником правительства М. Мазузом расследования «по делу о греческом острове». М. Хешин, который оказался тогда в меньшинстве – один против шести – выступил за продолжение выяснения причин закрытия дела против Ариэля и Гилада Шаронов. Вот что ответил М. Хешин журналисту «Гаарец»: «Когда выясняется, что за поиски в Интернете человеку платят 600 тысяч долларов и обещают еще 2 миллиона, нужно быть идиотом, чтобы поверить в версию об оплате труда! Я не предполагал, что буду в меньшинстве. Но весь народ тогда хотел, чтобы Шарона не отдали под суд, и он смог осуществить свой план одностороннего отступления из сектора Газы и Северной Самарии. Если бы его судили, – продолжил судья М. Хешин, – «размежевания» не было бы. Но я, Боже упаси, не утверждаю, что подобными мотивами руководствовались большинство судей БАГАЦа»³⁵. Какими мотивами руководствовались судьи, поверившие в то, во что, по словам их коллеги, поверить могут только «идиоты», М. Хешин не объяснил. Как справедливо отмечал журналист У. Шавит в газете «Макор ришон», «несмотря на оговорку (М. Хешин, видимо, снова слишком поздно хватился, когда наговорил лишнего), смысл сказанного предельно ясен. При-

верженность верховных судей программе «размежевания» сыграла не последнюю роль при вынесении ими решения не отдавать Ариэля Шарона под суд. Таким образом, именно Верховный суд решил судьбу еврейских поселений Газы и Северной Самарии»³⁶ (они, как известно, были разрушены, а их жители – принудительно эвакуированы). Трудно не согласиться с обозревателем Н. Авнери: «Как же так произошло, что столько уважаемых людей поддерживали и изображали чуть ли не «отцом нации» политика, попиравшего демократические нормы и замешанного в коррупции? Ответ на поверхности: дело в том, что его планы соответствовали устремлениям тех, кто отвечает у нас за формирование «общественного мнения»! Как выразился [обозреватель второго канала израильского ТВ] Амнон Абрамович, «пообещав осуществить программу «размежевания», Шарон в одночасье превратился из «гнилого яблока» в «драгоценный этрог». Если бы Шарон не совершил сей акробатический трюк со своими политическими взглядами, сторожевые псы демократии потребовали бы от Мазуза разорвать его на части сразу после выступления тогдашней главы госпрокуратуры Эдны Арбель [рекомендовавшей передать дело Шарона в суд]. Коррупцированный Шарон действовал под угрозой выдвижения обвинительного заключения. Если бы его совесть была чиста, сторонники демонтажа кусали бы локти, дожидаясь победы [тогдашнего лидера Партии Труда] Мицны [обещавшего эвакуировать лишь одно поселение Нецарим в Газе] на следующих выборах. И долго бы им пришлось дожидаться! Сейчас сторожевые псы ждут от Ольмерта продолжения политического наследия его предшественника, другим словами, – демонтажа поселений. Если он повернет направо – ему тут же свернут шею. Формула выглядит так: сторонникам одностороннего отступления нужен правый коррупцированный политик во главе правительства. Чем он более коррупцированный – тем легче поддается давлению»³⁷. Впрочем, чтобы подвергаться давлению со стороны юридической системы, политическим лидерам необязательно иметь детей, получающих необъяснимо высокие гонорары: как показывает израильский опыт, им достаточно просто не научиться целоваться...

Так уж сложилось, что на сегодня левые либералы не в состоянии выиграть в Израиле всеобщие выборы, причем их неминуемое и предсказуемое фиаско практически не зависит от того, кто именно стоит во главе Партии Труда и леворади-

кального блока МЕРЕЦ³⁸. В этих условиях наследники старой элиты действуют через альтернативные механизмы власти, используя судебную систему для того, чтобы навязать свое мировоззрение и ценности обществу и политическому руководству страны. Пытаясь вырваться из западни «банды властителей закона», Э. Ольмерт в начале февраля 2007 г. назначил (а Кнессет большинством голосов утвердил) министром юстиции известного правоведа профессора Даниэля Фридмана, не принадлежащего к ныне правящей в Верховном суде клике. В тот же день в радиоинтервью М. Хешин 7 февраля 2007 г. пригрозил – ни больше ни меньше – «отрубить руку тому, кто посмеет поднять ее на Верховный суд», аргументируя это тем, что и его отец, и он долгие годы были судьями Верховного суда и для него это – «дом родной». Подобная претензия на «приватизацию» высшей судебной инстанции страны и неприкрытые угрозы в адрес новоназначенного министра юстиции (которого глава Верховного суда даже не поздравила с назначением хотя бы минимальным протокольным пресс-релизом) со стороны клики, почувствовавшей угрозу своему статусу, сами по себе являются зримыми индикаторами необходимости срочных реформ в сфере взаимодействия органов власти в Израиле. Хочется надеяться, что эта задача окажется новому министру юстиции по плечу, что его не остановят угрозы и что он останется глух к предложениям сотрудниц о совместных поездках в экзотические латиноамериканские страны.

Следует сказать прямо, что для юридической системы страны профессор Даниэль Фридман – совсем не человек со стороны. Он еще в 1953 г. (в возрасте семнадцати лет) поступил на юридический факультет Иерусалимского университета, впоследствии там же закончил обучение на степени «магистра» и «доктора права», получив также степень «магистра права» Гарвардского университета. На протяжении нескольких десятилетий он преподавал на юридическом факультете Тель-Авивского университета, а в 1974–1978 гг. был его деканом³⁹. В 1991 г. он получил Государственную премию Израиля в области юриспруденции, что свидетельствует о его крайне высоком статусе в профессиональном сообществе. В 1991 г. он был избран членом Национальной академии наук Израиля и является одним из всего четырех юристов, входящих в ее состав (остальные трое: бывшие судьи Верховного суда Аарон Барак и Ицхак Энгельрад и бывшая в 1997–2001 гг. ректором Тель-

Авивского университета Нили Коэн). Он входил и в различные комиссии, самая известная из которых – Комиссия Бейского (эта Комиссия, состоявшая из пяти членов и названная по имени ее главы – судьи Верховного суда Моше Бейского, расследовала в 1985–1986 гг. деятельность крупнейших израильских банков, совместно стимулировавших, как подозревалось, искусственное повышение своих акций на бирже, что привело к серьезным финансовым проблемам в стране, в частности, к биржевому краху 1983 г. и инфляционному скачку). Комиссия Бейского рекомендовала добиться прекращения (путем увольнения или ухода в отставку) деятельности руководителей банков, а также проведения существенных реформ в монетарной политике Израиля и в контроле за банковской деятельностью; эти рекомендации были частично реализованы. Когда был создан Колледж управления и встал вопрос об открытии в нем юридического факультета, его деканом-основателем в 1990 г. был приглашен все тот же профессор Д. Фридман (на этом посту он оставался до 1997 г.). На протяжении нескольких десятилетий Д. Фридман входит в число наиболее влиятельных юристов страны. Он считается крупнейшим специалистом по административному, сравнительному и гражданскому праву, однако, хотя и является одним из наиболее активных сторонников принятия в Израиля конституции, у него практически нет опубликованных работ по конституционному праву.

При этом Д. Фридман является непримиримым критиком нынешней главы Верховного суда Д. Бейниш: он неоднократно высказывался против ее назначения, отмечая, что ее профессиональный уровень значительно ниже, чем у любого из ее предшественников на этом посту. Д. Фридман был горячим сторонником избрания в Верховный суд своей коллеги и соавтора профессора Нили Коэн и профессора права Иерусалимского университета Рут Габизон, кандидатуры которых, поддержанные руководством министерства юстиции, были отклонены именно под давлением Д. Бейниш. Д. Фридман публично высказывал свое мнение, согласно которому профессиональный уровень профессоров Н. Коэн и Р. Габизон значительно выше чем уровень Д. Бейниш. По словам Д. Фридмана, «безуспешные попытки г-жи Бейниш принизить уровень профессора Н. Коэн говорят куда больше о самой Д. Бейниш... Если сравнивать Д. Бейниш с прошлыми главами Верховного суда, по моему, это падение. Но проблема является значительно

более острой: Верховный суд после отставки Аарона Барака находится в глубоком кризисе. Его состав сейчас самый слабый и самый проблематичный за всю историю Государства Израиль»⁴⁰. Как справедливо отметил профессор права Зеэв Сегаль, именно эти слова Д. Фридмана и его резкая позиция против вердикта по делу Рамона (а не его многочисленные научные статьи и книги) проложили ему путь в кресло министра юстиции⁴¹.

Политические взгляды профессора Д. Фридмана можно охарактеризовать как либеральные. Перед выборами 1977 г., закончившиеся первым в истории Израиля электоральным фиаско социал-демократической Партии Труда, он был одним из основателей центристской либеральной партии ДАШ. Эта партия сумела получить 15 (из 120) мест в парламенте страны, став на тот момент третьей (после Ликуда и Партии Труда) силой в Кнессете, а ее лидер И. Ядин получил портфель вице-преьера в правительстве М. Бегина. Впрочем, Д. Фридман, бывший в то время деканом юрфака Тель-Авивского университета, предпочел политической деятельности продолжение академической карьеры. Насколько известно, до 2003 г. имя Даниэля Фридмана не включалось какой-либо партией в список кандидатов в депутаты Кнессета. В 2003 г. он занял почетное последнее (120-е) место в списке кандидатов секуляристской левоцентристской партии «Шинуй»⁴² – принятая в Израиле практика, когда наиболее уважаемые общественные деятели, не собирающиеся работать в парламенте, замыкают список идейно близкой им партии (так, например, в том же 2003 г. список Партии Труда замыкали два бывших президента: Эфраим Кацир и Ицхак Навон, а список Ликуда – экс-премьер-министр Ицхак Шамир). Тот факт, что в Израиле, где министры почти все и почти всегда являются депутатами парламента, на один из важнейших правительственных постов – министра юстиции – был назначен человек, ни разу не избиравшийся в Кнессет, подчеркивает уникальность сложившейся ситуации.

Глава правительства, возмущенный тем, как «банда властителей закона» добилась смещения близкого ему министра Хаима Рамона, был заинтересован назначить министра юстиции, наименее всего с этой «бандой» связанного и при этом имеющего высочайший личный авторитет в профессиональных кругах. В этой связи выбор Эхуда Ольмерта представляется чрезвычайно удачным. Никто не сможет поставить под сомне-

ние профессионализм Даниэля Фридмана, и при этом он не нуждается в том, чтобы «набрать очки» в глазах этой клики для успеха своей дальнейшей политической карьеры: никаких политических амбиций у новоназначенного 71-летнего министра нет, никакой пост, кроме поста министра юстиции, ему никем и никогда предложен не будет. Соответственно, действовать он может без оглядки на позицию руководства Верховного суда и Государственной прокуратуры, хотя, конечно, без взаимодействия с ними он никогда не сможет реализовать свои планы.

В последние десять лет юридическая система страны сумела сместить двух министров юстиции (проф. Яакова Неэмана и Хаима Рамона) и двух министров внутренней безопасности, отвечающих за деятельность полиции (Авигдора Кахалани и Авигдора Либермана, на планируемое назначение которого юридическим советником правительства было наложено вето). Ожидает суда и бывший министр юстиции Цахи Ханегби. И все же, даже на этом фоне, «дело Рамона» нельзя не признать по-своему исключительным: это был огонь «по своему», по представителю той же леволиберальной элиты, к которой принадлежит и большинство судейского корпуса, «вина» которого состояла в том, что он принял сторону «не той» группировки в дразгах внутри самой юридической элиты. Ни известнейший адвокат профессор Яков Неэман, ни экс-министр обороны Ицхак Мордехай, ни президент Моше Кацав, ни премьер-министр Эхуд Ольмерт, сделавшие карьеры в правоцентристском Ликуде, к этой леволиберальной группировке во властной элите не принадлежали и не принадлежат.

Когда 24 января 2007 г. президент Израиля Моше Кацав в ходе выступления, специально посвященного расследованию его дела, заявил о том, что юридический советник правительства, прокуратура и полиция организовали сговор с целью его смещения, главным мотивом в котором является месть старой элиты, которая «считала и считает его чужаком», ведущие израильские газеты выступили с резким осуждением президента⁴³. «Меня облили грязью и ложью, и эту ложь повторяют сегодня в каждом израильском доме. У прессы, которая поливает меня грязью, нет ни единого доказательства моей вины. ... Пресса буквально пьет мою кровь, а полиция ей в этом помогает. Полиция поставила своей целью обвинить меня. То что происходит сегодня, я могу назвать лишь судом Линча, проведенным средствами массовой информации», – возмущался

М. Кацав⁴⁴. Но его крик оставался гласом вопиющего в пустыне, на мой взгляд, во многом потому, что, когда подобный же заговор ломал карьеры Ицхака Мордехая, Якова Неэмана, Авиغدора Кахалани, Авиغدора Либермана и других, сам М. Кацав молчал, не видя вокруг ничего, что требовало бы президентского участия.

«Дело Рамона» – едва ли не первый случай фронтального столкновения СМИ, принявших сторону обвиненного министра юстиции, и судебной верхушки (трое судей единогласно приняли решение осудить бывшего министра)⁴⁵. Обычно леволиберальные СМИ и «банда властителей закона» действуют слаженно, как единый механизм, и этим достигается практически стопроцентный результат. Однако в деле Рамона межличностные дразги оказались сильнее корпоративной солидарности, и внутри самой леволиберальной олигархии так называемого первого Израиля началась почти гражданская война.

Едва успев вступить в должность министра юстиции, профессор Даниэль Фридман заявил о намерении реформировать израильскую судебную систему. Он, в частности, предложил принять Основной закон о законодательной деятельности, который должен четко разграничить полномочия Кнессета и Верховного суда; ввести в суды всех уровней частных адвокатов (на данный момент подавляющее большинство судей приходят из государственной прокуратуры, следственных отделов полиции и академических кругов); «разгрузить» окружные и мировые суды, занимающиеся, в основном, гражданскими исками, для чего планируется шире использовать институт арбитража; создать специальный суд, который будет рассматривать дела, возбужденные против общественных деятелей; снизить с трех до одного число представителей Верховного суда в Комиссии по выбору судей и т.д. Интересно отметить, что эти идеи Д. Фридман изложил в статье под названием «Будущему министру юстиции на заметку», опубликованной в газете «Едиот ахронот» 21 апреля 2006 г., как раз когда в должность вступал Хаим Рамон. Зигзаги политической судьбы привели к тому, что теперь задачи, список которых был сформулирован Д. Фридманом, предстоит попытаться решать ему самому.

В демократической стране едва ли есть место всевластию юридической олигархии, компенсирующей неспособность представляемой ею группы выиграть выборы возможностью навязать руководителям страны удобную ей политическую ли-

нию. Речевой оборот «банда властителей закона» должен стать досадным историческим курьезом. Даниэль Фридман – не революционер со стороны, он плоть от плоти израильского леволиберального юридического истеблишмента, от него невозможно ожидать кардинальных перемен. Вместе с тем, он вполне может приложить усилия к тому, чтобы был восстановлен некоторый более или менее разумный баланс сил между ветвями власти в Израиле. В нынешних условиях это едва ли не максимум, на что можно рассчитывать. Впрочем, и это – совсем немало, и добиться этого, учитывая неминуемое сопротивление судебно-прокурорского сообщества, будет совсем нелегко.

¹ Гиди Вайц, «Деньги и власть» (интервью с адвокатом Рамом Каспи) // «Гаарец» [«Страна»], 21 сентября 2006 г. [на иврите]; перевод на русский язык: «Новости недели» – приложение «Пресс-бюро», 19 октября 2006 г., стр. 8–9.

² Подробнее см.: Бениамин Нойбергер, «Проблема конституции в Израиле» (том 3 курса «Власть и политика в Государстве Израиль»; издание и перевод на русский язык – Тель-Авив: Открытый университет, 1997), стр. 64–69.

³ Ари Шавит, «Я разрываюсь на части» (интервью с председателем Кнессета Руби Ривлиным) // «Гаарец» [«Страна»], 5 июня 2003 г. [на иврите].

⁴ Там же.

⁵ Алек Д. Эпштейн, «Социально-политические последствия укрепления статуса Верховного суда как главенствующей структуры в политической жизни Израиля» // «Ближний Восток и современность», № 8 (1999), стр. 241.

⁶ Полный список основных законов с датами их принятия см. там же, стр. 72–74.

⁷ Обсуждение «конституционной революции» см. в книге видного российского юриста В.П. Воробьева «Конституционно-правовая система Государства Израиль» (Москва: МГИМО – издательство «Национальное обозрение», 2002), стр. 86–113.

⁸ Эта критика в наиболее полной форме выражена в большой статье Рут Габизон, «Общественная активность Верховного суда: критический взгляд» // «Судебный активизм: за и против» (Иерусалим: издательство им. Магнеса, 2000), стр. 69–164 [на иврите].

⁹ См., например: Рут Габизон, «Конституционная революция» (Иерусалим: Израильский институт демократии, 1998), стр. 53–54, 104 и далее [на иврите].

¹⁰ См. там же, стр. 117.

¹¹ Дов Конторер, «Намерение законодателя» // «Вести», 11 марта 2004 г.

¹² См. единственную изданную на сегодня книгу о нем: Наоми Левицки, «Ваша честь. Биография Аарона Барака» (Иерусалим: издательство «Кетер», 2001 [на иврите]).

¹³ См.: Ицхак Кляйн, «Так не назначают судей» // «Макор ришон» [«Первоисточник»], 27 июля 2006 г. [на иврите].

¹⁴ Бен-Дрор Ямини, «Власть закона» // «Маарив», 8 сентября 2006 г. [на иврите].

¹⁵ Подробный анализ изменившегося статуса и круга полномочий человека, занимающего эту должность, представлен в статье Рут Габизон, «Юридический советник правительства: критическое переосмысление новых тенденций» // «Пилим. Израильский журнал по уголовному праву», том 5, №2 (1996), стр. 27–120 [на иврите].

¹⁶ См.: Ицхак Кляйн, «Так не назначают судей».

¹⁷ См.: Y. Peres and E. Yuchtman-Yaar, «Trends in Israeli Democracy. The Public's View» (London, 1992), p. 21.

¹⁸ См.: E. Yuchtman-Yaar and Y. Peres, «Between Consent and Dissent: Democracy and Peace in the Israeli Mind» (Lanham, 2000), p. 39.

¹⁹ См.: A. Arian, S. Barnea and P. Ben-Nun, «The 2004 Israeli Democracy Index» (Jerusalem), 2004, p. 42.

²⁰ См.: А. Ариан и другие, «Индекс израильской демократии – 2006» (Иерусалим: Израильский институт демократии, 2006), стр. 38 [на иврите].

²¹ См.: Э. Яар и Т. Герман, «Индекс мира – август 2006 г.» (Тель-Авивский университет: Центр им. Т. Штейнмец, 2006), ответы респондентов на вопрос 30 [на иврите].

²² См.: «Маарив» // «Википедия – Свободная энциклопедия» [на иврите].

²³ См.: Кармель Бен-Цур, «Страх Б. Окуня» // «Ха'арец» – приложение «Marker Week», 9 февраля 2007 г., стр. 12 [на иврите].

²⁴ См. решение Тель-Авивского мирового суда по уголовному делу 5461/06 Государство Израиль против Х. Рамона, стр. 14, пункт 11а (цитируется по тексту оригинального документа в переводе с иврита).

²⁵ См. там же, пункт 11б.

²⁶ См. там же, стр. 17, пункт 13.

²⁷ Интервью адвоката А. Шмерлинга радиостанции РЭКА, 1 февраля 2007 г.; опубликовано под названием «Хаим Рамон был помечен как «плохой парень»» на израильском Интернет-сайте «Мнения», см.: <http://mnenia.zahav.ru/ArticlePage.aspx?articleID=1727&categoryID=15>

²⁸ См.: Дан Маргалит, «Верховный суд и правительство по разные стороны баррикад» // «Маарив», 9 февраля 2007 г. [на иврите].

²⁹ См.: Дан Маргалит, «Рамона могли и не судить» // «Маарив», 2 февраля 2007 г. [на иврите].

³⁰ См.: Сима Кадмон, «Половинчатая месть» // «Едиот ахронот» – еженедельное приложение, 9 февраля 2007 г., стр. 4 [на иврите].

³¹ В опросе о степени доверия полиции приняли участие 4538 человек, он проходил со 2 по 9 декабря 2006 г.; в опросе о степени доверия судебной системе приняли участие 5071 человек, он проводился с 3 по 10 февраля 2007 г. Анализ отношения русскоязычных израильтян к армии и полиции см.: Лили Галили, «Когда все серо, правят черные силы» // «Гаарец», 9 февраля 2007 г. [на иврите].

³² См.: Лили Галили, «Вспоминая «царицу доказательств»» // «Гаарец», 4 января 2007 г. [на иврите]; статья была переведена на русский язык сайтом «Cursorinfo.co.il» с измененным названием: «"Русские" тотально не верят полиции», см.:

<http://cursorinfo.co.il/news/prensa/2007/01/03/lk-2/>

³³ См.: Рут Габизон, «Общественная активность Верховного суда: критический взгляд»; Шломо Авинери, «Соображения по поводу властных процедур в Израиле» (Хайфа: Институт им. Ш. Незмана, 2006 [на иврите]).

³⁴ См.: Evelyn Gordon, «How the Government's Attorney Became Its General» // «Azure. Ideas for the Jewish Nation», no. 4 (1998), pp. 75–116.

³⁵ См.: Юваль Йоаз, «Я буду стоять на своем» (интервью с М. Хешиним) // «Гаарец» – еженедельное приложение, 26 мая 2006 г. [на иврите].

³⁶ См.: Урия Шавит, «Несмыываемый позор израильской юридической системы» // «Макор ришон» [«Первоисточник»], 30 мая 2006 г. [на иврите].

³⁷ См.: Нери Авнери, «Коррупцированные марионетки у власти» // Интернет-портал «News First Class», 14 июня 2006 г. [на иврите]; статья была переведена на русский язык сайтом «Cursorinfo.co.il», см.: <http://cursorinfo.co.il/news/prensa/2006/06/14/lk-2/>.

³⁸ См., в частности: Алек Эпштейн и Владимир Марченко, «Необратимое поражение или временный кризис? Фиаско израильских левых на выборах 2001 года в сравнительно-исторической перспек-

тиве» // «Ближний Восток и современность», № 13 (2002), стр. 190–208, а также некоторые другие публикации автора последних лет.

³⁹ См. личную страницу Д. Фридмана на сайте Тель-Авивского университета:

<http://www.tau.ac.il/law/members/fridman-index.html#a> [на англ. языке].

⁴⁰ См.: Това Цимуки, «Встретимся в суде» // «Едиот ахронот» – еженедельное приложение, 9 февраля 2007 г., стр. 7–8 [на иврите].

⁴¹ См.: Зеэв Сегаль, «Вашему вниманию, новоназначенный министр юстиции» // «Гаарец», 12 февраля 2007 г. [на иврите].

⁴² См. список кандидатов партии «Шинуй» на выборах в Кнессет 16-го созыва:

<http://www.knesset.gov.il/elections16/heb/lists/list.asp?id=17> [на иврите].

⁴³ См., например: Сима Кадмон, «Позор» // «Едиот ахронот», 24 января 2007 г., стр. 1 и 5 [на иврите].

⁴⁴ «Обвиняет всех», «Президент теряет самоконтроль» // «Едиот ахронот», 25 января 2007 г., стр. 1–3 [на иврите].

⁴⁵ Автор благодарен д-ру Л. Трёмбловлер, обратившей мое внимание на различие в позициях СМИ в «деле Рамона» и в делах всех остальных перечисленных государственных деятелей, обвинения против которых были, как правило, столь же надуманными.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: РЕФОРМЫ И ВЛАСТЬ

Настрой на реформы в Саудовской Аравии крепнет с каждым днем, проникнув в ткань общественной жизни и образовав самостоятельную нишу в политическом дискурсе страны. Этот процесс обрел уже некоторые структурированные черты, несмотря даже на тот факт, что идея реформирования политического и экономического пространства королевства в духе современности является продуктом деятельности небольшого, хотя и наиболее интеллектуально продвинутого сегмента «правлящего класса», а не результатом массового нежелания народа жить по старым правилам.

В этом уникальность ситуации, при которой саудовские «верхи» увидели, что наиболее динамичная часть мира вросла в постиндустриальную, информационную эпоху, оставив далеко позади постколониальное «болото», в котором увязают страны, не освоившие в достаточной мере даже обычные инструменты рыночной регуляции своего развития. Процесс ускоренного роста на Западе уже давно наполнен технотронным содержанием и обеспечивается за счет непрерывности применения достижений технологической революции, неистанного совершенствования управленческих приемов и поддержания соответствующих им общественных отношений, что остается недоступным для аутсайдеров.

В то же время саудовские «низы», в силу своей консервативности и преобладания охранительного типа сознания, не возвысились до того, чтобы критически оценить ситуацию в стране в сравнении с окружающим миром и соотнести собственное положение с результатами наблюдения. Зашоренность в массовом порядке мешает понять простую истину, что самоизоляция, заключение себя в нише, отведенной для преклонения перед «большой традицией», не дает выбора, но готовит один предсказуемый удел – всеобщую деградацию пред-

ставлений о том, что является сутью бытия, целью жизни, задачами развития, судьбами страны и т.д.

Когда возникает принципиальное противоречие между «верхами» и «низами», то часто сам собой напрашивается вопрос о вызревании революционной ситуации как форме обострения противоречий между угнетенными и угнетателями. Однако в королевстве складывается иная картина. Получается, что «верхи» в своем стремлении к реформизму, условно говоря, более революционны, более настойчивы, чем «низы». А эти последние служат не приводным ремнем революции в данном случае, а ее сдерживающим началом в силу характерных для Саудовской Аравии причин. Поэтому, хотя наличия противоречий между двумя полюсами отрицать не приходится, все же взрывная ситуация как результат «педалирования» идеи реформ в стране не складывается. Тот факт, что власть стала инициатором реформирования самое себя, является своего рода гарантией от всякого рода излишеств, часто сопровождающих и даже подменяющих изменения, если они инспирированы охлократией. Другими словами, можно предполагать, что в недрах государства мобилизованы механизмы, способные удержать реформы в русле необходимого, защищающие политическую трансформацию общества от перегрузок, могущих возникнуть при подключении к процессу незапланированных сил.

Элите, как передовому отряду движения за реформы и коррекцию общенационального дискурса, предстоит пробудить основную массу подданных к дозированной политической активности. Видимо, этот процесс будет протекать в пределах, заставляющих население задуматься о необходимости выхода из состояния затянувшегося сомнамбулизма на почве приверженности традиции, и побудить их мнить себя членами не традиционной общины, а трансформирующегося в современное общества и таким образом обрести элемент гражданственности, обеспечить преемственность реформ ради поколений, которые должны будут жить в условиях резко нарастающих перемен, где одна религия будет явно недостаточным орудием сохранения идентичности и своеобразия рядового саудовца.

Подобная точка зрения, видимо, находит растущую поддержку у патриотически настроенных слоев и групп населения, трезво оценивающих императивы нынешнего дня. В самом начале 2003 г. ряд саудовских деятелей, наделенных обще-

ственным и политическим темпераментом, выступил с письмом «Видение настоящего и будущего Родины», в котором подчеркивались назревший характер мер по оздоровлению саудовского общества и приведению его в соответствие с требованиями современного положения вещей. Это письмо имеет ценность как лишнее свидетельство присутствия зрелых сегментов в общественном мнении в стране, как некое послание власти, подтверждающее правильность избранного ею пути и наделяющее ее уверенностью в том, что общество, по крайней мере, та его часть, от имени которой «Видение...» составлялось, поддерживает нынешний политико-экономический курс государства.

Этот курс обретает яркие реформистские черты и становится очевидным феноменом, определяющим последовательность деятельности саудовского истеблишмента. Процесс реформ в стране насчитывает уже много десятилетий. Вся предшествовавшая эпоха существования саудовского государства так или иначе связана с действиями, которые могут характеризоваться как реформистские. Ведь создание единого суверенного образования есть не что иное, как преобразование старых институтов общества и власти, изменение системы управления, трансформация форм взаимодействия и отношений между элитой и ее субъектами и т.п.

Если рассматривать историю реформенного движения в королевстве, то следует выделить несколько выраженных этапов в ее развитии. Они достаточно полно описаны в трудах двух крупных российских востоковедов А.И. Яковлева и Г.Г. Косача, в связи с чем нет необходимости воспроизводить здесь уже сказанное ими. Стоит лишь, видимо, отдельно упомянуть пятнадцатилетний период с начала 60-х годов и десятилетие до середины 90-х годов, в ходе которых проблема реформ была сформулирована истеблишментом как императивная. Тогда то она и обрела конкретные очертания, а на следующем этапе вошла в полосу расширенной реализации в качестве важнейшей предпосылки усиления позиций рынка, вообще капиталистического способа производства и укоренения собственной модели развития, ставшей известной как аравийская.

Начало 2003 г. ознаменовалось вступлением страны в следующий этап, отмеченный идеей национального диалога, провозглашенной в то время наследным принцем Абдаллой бен Абдель Азизом. На этом этапе ускорение процесса реформ было признано велением времени, требующем расшире-

ния реформационного пространства за счет более активного включения в него политического сегмента общества, а равно и сферы социально-экономических отношений.

Саудовское королевство представляет собою единство и борьбу двух противоположностей, которые представлены явным модернизационным трендом, с одной стороны, и консервативным дискурсом, с другой. Если ранее все общественно-политическое пространство практически безраздельно принадлежало традиционалистам, и у них не было конкурентов, то ныне положение дел резким образом изменилось, и процесс «осовременивания» королевства догнал охранительный процесс, поддержание которого всегда было уделом религиозных консерваторов. Сложившееся противоречие, как кажется, имеет шанс на сохранение в течение достаточно длительного времени. Резкая смена вех не в интересах правящей элиты, стремящейся оградить свои позиции и привилегии. В равной степени это не отвечает и запросам окрашенной в религиозные тона оппозиции, которая видит в постоянстве и неизыблемости догматических основ стабильность клерикального государства, на которое возложена миссия представительства и защиты ислама.

В такой непростой обстановке 2005 год для королевства ознаменовался тем, что на саудовский престол взошел Абдалла бен Абдель Азиз – наиболее последовательный сторонник реформ и открытия страны внешнему миру.

Отношение к его курсу в саудовской среде является проблемным камнем в деле определения дальнейших судеб королевства. В новых исторических условиях правящая элита объективно подталкивается к объединению вокруг реформ. Именно они составляют своего рода плацдарм в борьбе с оппозицией, выступающей под исламскими лозунгами. Ведь действия этой последней в своих крайних проявлениях даже в условиях последовательных реформ способны дезавуировать курс правящих сил на преобразования, дискредитировать политику трона, вызвать неблагоприятную для страны реакцию со стороны мировых держав, усматривающих в исламе угрозу своей безопасности.

Король Абдалла, ныне уже в качестве первого лица в государстве, возглавляет курс на преобразования. Он исходит из того, что реформы должны носить последовательный и поступательный характер и своей целью ставить улучшение материальных условий существования народа. Практическая задача нынешней власти состоит в том, чтобы при сохранении эво-

люционных черт дать реформенному процессу более отчетливое наполнение, сделав его максимально динамичным и насыщенным в данных условиях.

В основе такой реформенной тактики лежат причины как внешнего, так и внутреннего порядка. Воздействие международного фактора определяется ростом активности мусульманского компонента на мировой арене, имеющей негативную окраску в глазах общественного мнения большинства стран, за что формально несла ответственность Саудовская Аравия как признанный центр продуцирования ислама и его догматики. Роль внутренних обстоятельств, одновременно связанных и с внешними, выделась в том, что королевство, в силу своей глобальной энергетической роли, давно было втянуто в систему мирохозяйственных связей и имеет исключительное значение для ресурсообеспечения промышленно развитых наций. При этом саудовское государство соответствует им в техническом вооружении ведущих отраслей экономики, но существенным образом отстает от них по таким параметрам, как демократизация общественной жизни, экономическая либерализация, формирование гражданского общества, гарантирование свободы личности и т.п.

Эти аспекты ранее оставались на дальнем плане властной политики и не требовали большого внимания в силу известной вялости общественных процессов в стране и отсутствия или недостаточности местной инициативы для их активизации. Реформистская деятельность тогда в большой мере имела вид неких мало связанных общим замыслом действий, которые, естественно, способствовали продвижению новшеств того или иного свойства в общественно-политическую жизнь королевства, но при всех обстоятельствах были сдержанными, неторопливыми, рассчитанными на весьма растянутый период вживания в местную среду.

Огромное ускорение политических и хозяйственных процессов на рубеже тысячелетий инспирировало пересмотр темпов общественного развития внутри королевства. Мощно развернувшаяся глобализация, немедленно втянувшая в свое лоно и Саудовскую Аравию, и еще более ставшее заметным геополитическое значение королевства в связи с его неубывающей ролью в регулировании нефтедобычи в огромном регионе и способностью влиять на геоэкономические процессы, придали ему дополнительный вес в эпоху становления нового миро-

вого экономического порядка. Неменьшим по значимости моментом стало и то, что связывало королевство с идеологией возрождения ислама в его воинствующей форме, и необходимость на этом фоне показать миру тщетность его попыток объединить в одном русле религиозный потенциал королевства с религиозным экстремизмом.

Весь этот спектр качественно новых обстоятельств заставил правящую элиту адекватно среагировать на новые явления, поскольку прежние подходы и методы взаимодействия с внешней по отношению к этой элите средой переставали соответствовать почти достигшей пика напряженности сложившейся ситуации и масштабам вызова. Видимо, именно по этой причине правящий режим резко переориентировался на отражение проявившихся с большой определенностью угроз, мобилизовав для этого все наличные возможности. Практика последних лет, особенно после восхождения на престол нового короля, свидетельствует о заметной активизации усилий, направленных на придание современного облика монархии, на изменение имиджа истеблишмента, улучшение социального облика королевства.

Естественно, такое общество как саудовское, десятилетиями сохранявшее закрытый, традиционный характер, не может мгновенно трансформироваться в свою противоположность, тем более по американскому образцу. Едва ли его социальный организм и общественные структуры выдержат такую пертурбацию, вряд ли это составляет цель трона. Речь идет о другом. В первую очередь, об обеспечении взаимодействия противоположностей в общественной и религиозной жизни в самом королевстве, во вторую, – о преодолении негативизма воздействия внешней среды на внутреннее унастроение саудовского общества, которое, безусловно, находится в состоянии брожения и поиска путей развития, отвечающих национальному менталитету, исламу и традиции. Все это имеет целью сохранение общественного устройства саудовского государства, поддержания внутренней стабильности престола и национальной идентичности в интересах региональной и глобальной безопасности.

Очевидно, что в этом состоит ключевая задача саудовской элиты. Успех реформ сверху может быть достигнут только при выживании самой монархии, поскольку кардинальные, взрывного характера изменения в системе государственного управ-

ления будут, без сомнения, разрушительны для государства, истеблишмента и всего общества как результат грубого, революционного вмешательства в консервативную ткань местной среды. В этом случае реформы будут похоронены под развалинами государства, ради сохранения которого реформистская идеология и становится ныне знаменем правящей династии.

Саудовская монархия не только реализовала, как оказалось, большой запас прочности, созданный ее весом в исламе и огромными накоплениями капитала в финансовой и вещественной формах. Она смогла еще повести за собой значительную часть общества, явно сумев убедить своих подданных (в нынешней терминологии все чаще называемых гражданами) в том, что она может приспособиться к новым обстоятельствам начавшегося столетия и в силу этого возглавить движение перехода в новую эпоху под своими лозунгами.

Саудовская монархия предстает как созидательная сила в этом случае, тогда как внутренняя оппозиция на этом фоне выступает как деструктивный элемент. Она направляет свое острие даже не только и не столько против системы власти, хотя именно в этом и состоит ее интерес, сколько против самой Саудовской Аравии как государства и важного компонента регионального и международного порядка вещей, в поддержании баланса которого королевству отведена существенная роль.

Нарушение такого баланса в результате, например, попыток антигосударственных элементов свергнуть королевство в состоянии смуты и разрухи в ходе борьбы за свои эгоистичные групповые интересы может иметь самые негативные последствия для Саудовской Аравии, системы международных отношений и обязательств как на региональном, так и на более высоком уровнях. Современные примеры – тот же Ирак – могут свидетельствовать даже о возможности утраты суверенности национальным государством, спровоцированной вмешательством извне под предлогом борьбы с терроризмом, авторитаризмом или иной неугодной политической системой или движением. Действия оппозиции, взывающей к религиозной догме и не отрицающей возможность использования силовых решений, могут спровоцировать применение такого же сценария и против Саудовской Аравии, если бы оппозиция она преуспела в осуществлении своих планов. Развитие событий в этом русле могло бы вырвать королевство как системообразующий эле-

мент из сферы добычи углеводородов, из многих региональных и международных проектов, из сложной системы отношений, связывающих Арабский Восток и мусульманский мир с Западом и другими частями мира. Тем самым оказались бы подорванными основы существования обширных геополитических зон в пределах Ближнего Востока и за его границами.

Подобный сценарий, связанный с разбродом политических сил и утратой стабильности внутри королевства, может иметь самые тяжелые последствия для его будущего. Драматические изменения в его устройстве, являющемся ныне результатом отлаженной временем системы сдержек и противовесов на племенном, клановом и административном уровнях, внутри самой монархии, элит и истеблишмента, в целом могут сопровождаться необратимыми потерями для престижа королевства. Они также могут подорвать доверие к нему как к дееспособному государству и, более того, превратить его в объект соперничества разных сил, последствием чего в качестве крайнего проявления может быть распад государства как такового.

Гораздо предпочтительнее, чтобы национальная безопасность королевства и его способность поддерживать свою жизнедеятельность и, соответственно, выполнять принятые обязательства могла бы быть обеспечена не силовыми методами, но экономическими и политическими мерами, эффективность которых всегда остается более высокой, чем альтернативные им формы воздействия на ситуацию и умонастроения народа. И здесь правящий режим стоит перед нелегкой задачей – выбрать правильные приоритеты в политике реформ, выработать тактику действий, расставить соответствующие акценты, чтобы связанные с их проведением действия власти предстали методологически выверенными и обоснованными с практической точки зрения. Успех реформ в сложной обстановке современной Саудовской Аравии также во многом зависит от специфики расстановки политических сил, направленности векторов экономического развития и параметров социальной жизни. Учет всех этих факторов дал бы возможность скорректировать курс реформ, выбрать магистральные направления преобразовательной деятельности и добиться максимального результата.

Естественно предположить, что в таком сложном и многогранном, но еще скованном консервативными скрепами организме, как саудовское государство, реформатору весьма и весьма трудно учесть все множество привходящих факторов,

взвесить последствия реформистских шагов, каждый из которых может иметь непредсказуемые последствия. Вообще в среде, даже обремененной реформенными ожиданиями, всегда сложно решиться задать алгоритм действия, которые должны привести в движение живой организм государства во всем его многообразии и противоречивости. Тем более это не просто в исконно традиционном обществе, сохраняющем свою идентичность в коконе из веры и обычаев. Здесь склонность к переменам минимальна, а немалая часть социума вообще бескомпромиссно убеждена, что реформы означают недопустимую ревизию основ существования государства, уступку внешнему нажиму и неуверенность власти, вынуждаемой к маневру.

Это заблуждение – серьезный камень преткновения для реформаторской деятельности. Поэтому, провозглашая активный этап реформ, саудовский монарх избрал метод движения к большому через малое. Это малое касалось формы отношений между властью и населением. В частности, было признано неправомерным обращение со словом «покровитель» к высшим должностным лицам, что не соответствует их положению и допустимо только применительно к божеству. В равной мере остракизму подверглось целование рук и преклонение головы перед стоящими выше на социальной лестнице как явление, противоречащее саудовским понятиям о гордости и свободе. Причем всему этому был придан характер публичной акции, которая состоялась в Медине и должна была указать на необратимость новой нормы отношений. Необходимо было послать обществу сигнал о том, что эти требования монарха являются введением в реформы, если не самими реформами, поскольку они сокрушают давнюю традицию, казавшуюся незыблемой. Судя по всему, этот сигнал не был отторгнут, что может рассматриваться как некий залог того, что и действия в более значимых для государства нишах будут иметь положительный резонанс.

Выработка стратегии и масштабов вмешательства в жизнь мусульманской уммы посредством реформ, несомненно, самое сложное в политических и реформистских раскладах саудовского правящего класса в настоящем и на перспективу. Ведь местный социум крайне иерархичен, составлен из разных страт, групп и слоев, племен, кланов и семей. В каждом из этих структурных элементов общины есть свои радикалы, клерикалы, интеллектуалы, имеющие в той или иной степени сформу-

лированные интересы и цели, которые могут конфликтовать с планами реформаторов.

Несомненно, есть и обширный обывательский круг, который пока не выработал для себя четких позиций, углубленный в свой внутренний мир, очерченный шариатом и традицией. Однако инертность части социума не должна вводить в заблуждение, а сама эта часть трактоваться в качестве нейтральной массы, безразличной к начинаниям власти. Религия – тоже политика, предстающая в специфической форме, и сомнительно, чтобы большие группы населения выпали из преобразовательного процесса, когда он обретет расширение и станет объемным и осязаемым настолько, чтобы затронуть интересы всех и каждого. И если окажется, что положение в стране ухудшилось с началом реформ или хотя бы покажется в силу каких-либо совпадений, что она начинает втягиваться в непреуспевающий мир, то мнимая инертность вялого филистера, пожалуй, может быстро перерасти в необузданный динамизм ярого оппозиционера.

Подобная ситуация, как кажется, таит в себе немалую политическую угрозу для правящего режима. Ведь неизвестно, в какую сторону обывательские массы могут качнуться, какие их сегменты останутся, как минимум, нейтральными по отношению к тем или иным действиям власти, а какие проявят активность и в какой пропорции разделятся их политические симпатии или антипатии.

Практически весь саудовский социум столетиями функционирует в крайне специфической среде. Он подчиняется, в том числе, и неформальным зависимостям, управляется по дублирующим официальные теневым каналам влияния и живет, видимо, скорее не столько по законам, сколько по понятиям, сформированным исторической практикой и ориентирующимся на порядок, освященный традицией и регулируемый шариатом. Очевидно, что государство в королевстве, ставшее продуктом племенного общества, строилось в соответствии с общими законами организации подобного рода. Но в нем складывались отношения господства и соподчинения, властвования и принуждения, имевшие совершенно специфический налет, выраженный в сути саудовского государства, которая кроется в его клерикализме и связанной с этим последним его вселенской миссии – олицетворять, представлять и отстаивать ислам в мировом масштабе.

В свете этого вообще, как кажется, для понимания сути реформ в Саудовской Аравии важно соотнести связанные с ними действия с исламом как системой, создающей установки для управления общественными процессами и освящающей все стороны жизни аравийской общины, включая и политические аспекты ее функционирования. С этой точки зрения целесообразно принять во внимание такое понятие, как таадудийя- плюрализм, которое с необходимостью возникает при реформировании жестко иерархизированной структуры государства, оснащенного учреждениями, призванными удерживать население в строгих рамках единообразия жизненного уклада, сложившихся групповых интересов и единой веры, тем более в рамках государства абсолютистского по своему устройству и религиозного по своему характеру.

Очевидно, что в таких обстоятельствах в пореформенный период в обществе должны действовать весьма тонкие механизмы. Ведь требуется сохранить общую канву развития, не утратить в процессе преобразований нечто сугубо важное, что управляет мировоззрением индивида (именно индивида, поскольку ныне в Саудовской Аравии поворот к личности очень востребован даже в условиях преобладания коллективистского восприятия окружающего мира членами арабской общины). При этом архиважно сохранить у народа ощущение принадлежности к исламу как источнику не только религиозного вдохновения, но и созидательного энтузиазма.

Вообще плюрализм в исламе, особенно внутри гомогенной религиозной общины, представляет собою непростую тему, не вполне познанную до сих пор и требующую соответствующего глубине вопроса изучения. Эта тема связана с обновлением в исламе, т.е. является особенно чувствительной ко всякого рода трактовкам, толкованиям, вторжениям и, тем более, пересмотру основ. Между тем, в одном из известнейших хадисов, который является авторитетным суждением пророка Мухаммада, прямо указывается на то, что Господь являет мусульманской общине тех, кто в начале каждого столетия обновляет ее религию.

Естественно, механическое отнесение содержания приведенного хадиса к проблеме преобразования общества через посредство реформ едва ли можно считать продуктивным актом. Однако усмотреть некую связь между обновлением религиозных представлений и терпимым отношением к вопросу о

реформах как комплексе мер, привносящих новшества в экономическую, социальную и культурную ткань общества, все же кажется возможным, поскольку оба эти момента – религиозный и общественный – сопряжены между собой. И в основе этого сопряжения должны лежать толерантность, терпимость, осознание необходимости изменений, неприятие которых диктуется охранительными соображениями. Неприятие реформизма может перерасти в противодействие прогрессу как таковому, что едва ли соответствует интересам общины, монархии, даже религиозной оппозиции, которая потеряет смысл своего существования при исчезновении объекта осуждения.

Процесс сближения точек зрения не может иметь места иначе как на базе консенсуса, который выражается в практике иджмаа, без чего общество, важнейшим фактором существования которого является следование религиозной догме, скорее всего, погрязнет в противоречиях и конфликтах. Чтобы предотвратить подобное развитие событий, мало выражения политической воли или достижения гражданского единения по вопросу. Необходимо еще добиться согласия мусульманских богословов по коренным вопросам, связанным с идеей обновления в исламе. Эти проблемы, так или иначе, поднимаются в работах мусульманских правоведов, в частности, в труде видного теолога и бывшего ректора «Аль-Азхар» Махмуда Шальхута «Аль-ислям: акида ва шариа». Однако до настоящего времени вопрос остается открытым, а перспективы его урегулирования – не вполне ясными. Ведь проблема настолько значима для доктринальных основ ислама, что поспешное вмешательство в них для решения вопросов, связанных только с обоснованием реформ (пусть чрезвычайно важных и наболевших, но остающихся все же частным моментом для догматических аспектов веры) едва ли сразу найдет поддержку в консервативной среде как мера, соразмерная с истинными потребностями ислама.

Между тем, представляется, что интересы саудовской общины сходятся в фокусе, образованном проекцией конкретных задач национального значения на общий фон, созданный мировоззренческими ощущениями общины, возникшими под колоссальным религиозным воздействием. Однако абберация консервативного общественного мнения является одним из серьезных ограничителей попыток выстраивания реформационных преобразований в некую систему, способную последова-

тельно трансформировать местную общину в современное общество, сохраняющее собственную специфику, но в то же время толерантное по отношению к новому и готовое продуктивно функционировать, не противопоставляя себя общей логике цивилизационного развития.

Очевидно, для такого поворота понадобится некий подготовительный этап, своего рода переходный период к тому моменту, когда необходимость в изменениях наберет критическую массу и сделает неизбежным следование реформам, имеющим фронтальный характер и несущим большой конструктивный потенциал. Пока же, иерархизованная структура королевства функционирует по отлаженной схеме, разные звенья которой составляют единое целое и работают в согласии между собой, подчиняясь и традиции, и соображениям целесообразности. Но в критических ситуациях весь этот механизм может оказаться на грани развала или, во всяком случае, серьезного системного сбоя, опасного тем, что он может сопровождаться отторжением рациональных решений, возникновением обстановки хаоса. Поэтому важно знать, какие явления социально-экономического плана и общественно-политической и культурной жизни в королевстве могут оказаться своего рода наиболее «обещающими» как источник возникновения опасных кризисов.

В связи с этим следует хотя бы кратко остановиться на некоторых экономических параметрах королевства и еще раз подчеркнуть его значение как крупнейшего поставщика нефти. Его доля в мировом производстве жидких углеводородов достигает 13%, а в их мировом экспорте – 20%. Поступления от нефти образуют 75% доходов бюджета и 45% – ВВП¹. Саудовская Аравия вышла на 13 место в мире по экспорту товаров и занимает 23-е место в числе крупнейших импортеров, является членом ВТО².

Тем не менее, страна испытывает серьезные хозяйственные трудности, поскольку не обладает широко диверсифицированной экономикой и в силу этого зависит в очень большой степени от ситуации на рынке нефти. Кроме того, страна оказывает массивную внешнюю помощь, реализует социальные программы, расходует значительные средства на нужды обороны, что тяжелой ношей ложится на госбюджет. В результате ее внешний долг достигает 170 млрд. долл. и фактически равен валовому внутреннему продукту, хотя, например, по ев-

ропейским стандартам отношение государственного долга к ВВП не должно превышать 60%.

Зависимость от нефти является первой крупной проблемой, которая угрожает экономической безопасности королевства и является постоянно тревожащим фактором в его хозяйственной жизни.

Другая крупная проблема связана с высокими демографическими показателями, которые превышают возможности государства адаптировать ежегодно выталкиваемые на рынок труда массы людей, имеющих слишком мало перспектив для получения работы. Всего за двадцать лет, с 1981 г. по 2001 г., население увеличилось с 10 до 22 млн. чел. Такой вал ставит государство перед необходимостью предпринимать чрезвычайные меры, хотя чрезвычайность эта весьма условна, поскольку она в малой степени ориентирует население на ограничение рождаемости, поддержание высоких показателей которой является имманентной чертой исламской традиции.

Третья проблема органично связана со второй и представлена серьезной безработицей, достигающей, по официальным данным, 20%, а по неофициальным, – всех 30%³. В то же время государство привлекает в страну 6–7 млн. рабочих из-за границы, включая три миллиона слуг и водителей автомобилей. Они переводят за рубеж до 13 млрд. долл. ежегодно, что наносит известный финансовый ущерб королевству.

Ситуация на рынке труда настолько обострилась в последние годы, что власти были вынуждены существенно ограничить приток иностранцев, численность которых по отношению к аборигенному населению не должна ныне превышать 20%. Возможно, этот показатель будет пересматриваться в сторону дальнейшего понижения, учитывая драматизм положения в рассматриваемой сфере. Но для этого прежде нужно приучить местное население к мысли о том, что любой оплачиваемый труд – благо, общественно полезное дело, а неприятие отдельных видов работ должно быть преодолено как вредный пережиток, угрожающий благополучию нации. Между тем, внедрение новых стандартов мышления и преобразование общественного сознания создает самостоятельное, огромное по значимости и гораздо более сложное, чем сфера производства, направление реформенных действий. Это направление включает чрезвычайно инерционные процессы, придание которым нового содержания сопряжено с

большими издержками и едва ли может быстро привести к положительным результатам.

Из сказанного можно сделать вывод, что саудовское государство в лице указанных проблем сталкивается, как минимум, с тремя системными кризисами, способными оказать заметное влияние на экономическую и социально-политическую обстановку в стране.

Очевидно, что эти и многие другие проблемы, образующие вторую и третью линии государственных интересов в разных областях и сферах функционирования общества, не могут решаться одновременно в силу понятных причин. Но государство должно выбрать приоритетное направление реформ и последовательно продвигаться по пути реализации проектов, обладающих веерным эффектом и имеющих национальное значение.

Известно, что реформационный процесс в Саудовской Аравии накопил уже длительную историю и имеет разветвленную периодизацию, растянутую более, чем на целый век. Это дает основания говорить о преобладании эволюционного подхода к развитию саудовского реформизма. Как отмечалось, его новая точка отсчета помечена началом 2003 г. фактом провозглашения «национального диалога». Этот диалог возник как совершенно новая категория в системе саудовских политических реалий, своего рода веха, обозначившая старт ускорения реформенного процесса. Диалог как инструмент управления и расширения сферы внутринационального общения путем вовлечения в него свежих сил стал велением времени. Правящая элита осознала, что сохранение для нее стус-кво возможно только в том случае, если ее социальная база будет укреплена за счет привлечения к сотрудничеству представителей «образованного класса» независимо от их происхождения и превращения их в постоянных союзников, получивших доступ к принятию решений.

Естественно, это не могло и не должно было означать немедленных перемен в политической системе и кардинального изменения ситуации для местного истеблишмента, который сохранял приоритетные позиции в государственном управлении. Дело в другом, а именно в том, что приобщение образованных людей к практике принятия решений должно продемонстрировать открытость режима для приема в свое лоно лояльных представителей новых общественных страт, готовность действовать в рамках демократизации государственного управления, а равно известить общественное мнение относи-

тельно того, что взаимодействие власти с народом вступило в новую фазу, в связи с чем любые конструктивные сигналы, исходящие от общества, будут встречаться с пониманием и вызывать соответствующую реакцию власти. Такой подход означал серьезный прорыв в сознании правящей элиты. Она отныне выказывает готовность воспринимать окружающую действительность как среду, способную инициировать и формулировать идеи, могущие укрепить союз власть придержащих и народа в модернизации государства как института, поворачивающегося лицом к простым его жителям, озабоченного обеспечением их безопасности, стабильного существования и т.п. По существу, все это означает беспрецедентное сближение власти и общества, причем в открытой форме, через созданные под это структуры, а не посредством традиционных каналов, действовавших в непрозрачной среде и ограничивавших поле общения между элитой и плебсом.

Заслуга нынешнего короля как инициатора реформаторских перемен велика. Он сумел убедить правящий класс в том, что консенсус между ним и народом является неременным условием выживания режима и всего саудовского государства в современных условиях, когда основные векторы мирового развития резко сместились с их привычного направления и изменили представления о прежних, казавшихся непоколебимыми, константах отношений между государствами, союзниками, партнерами и т.д.

В этом новом свете предстали и судьбы королевства, внутренняя неизменяемость которого стала показателем одиозности. Это породило настороженное отношение к нему со стороны развитых наций и стало источником недоверия к его политике в мире, который подвергся исключительно резким переменам за чрезвычайно короткий исторический промежуток времени. Как результат, Саудовская Аравия оказалась на грани остракизма. Преодоление подозрительности со стороны мирового сообщества в этих обстоятельствах приобрело характер центральной идеи в саудовском истеблишменте, а адаптация к новым условиям стала императивной для правящего режима. Причем такая адаптация, которая гарантировала бы сохранение положения традиционного саудовского истеблишмента и одновременно открывала бы перспективы для мутации политической системы в ее более продвинутую форму, сопряженную с появлением демократических институтов,

отвечающих международно признанным стандартам, но соответствующих духу аравийского общества.

Естественно, подобная задача – наиболее сложная часть курса реформ. Она увязана и с экономическими проблемами королевства, и с текущими и перспективными задачами общественно-политического и социального развития страны. Совершенно очевидно, что движение в этом направлении едва ли возможно побуждениями одного только правящего класса. Этап современных реформ нуждается в массовой поддержке населения и, в первую очередь, просвещенной его части, понимающей ближайшие задачи выживания королевства и способной укрепить социальную базу реформ, инспирированных властью.

Саудовская элита рассчитывает в рамках привлечения к реформенному процессу новой саудовской интеллигенции и представителей других приобщенных к современному мышлению и знанию страт общества обеспечить создание своего рода таск форс из числа наиболее образованных элементов, способных сформулировать и воплотить в жизнь единство курса реформ и гарантировать их поступательность, последовательность и в то же время их соответствие саудовскому менталитету как залог успешного достижения конечной цели. Эта цель видится в том, чтобы добиться ускорения реформ, придать им наступательный характер при сохранении смычки между консервативно-охранительной формой саудовского реформизма и демократическим содержанием всего реформационного процесса. Очевидно, что практическое соединение этих двух моментов в рамках понятного и внятного дальнейшего практического воплощения саудовской модели развития и есть главная задача правящего класса королевства. При этом можно предположить, что условием такого развития будут эволюционность и постепенность, т.е. категории, способные,

– во-первых, лучше всего обеспечить выработку широкого политического консенсуса в обществе, убедить разные его слои воспринять реформы как predeterminedность и неизбежность, но с созидательными, а не с фатальными последствиями,

– во-вторых, примирить разные его фракции и страты с необходимостью перестройки основ существования государства в наиболее безболезненной форме для его светского и клерикального начал и,

– в-третьих, добиться солидарности населения в суждениях о том, что именно его гражданское согласие реально служит общественной пользе в деле экономического, политического и культурного процветания Саудовской Аравии.

По существу, в таком виде последовательность действий в области реформирования королевства укладывается в понятие некоего системного преобразования с перспективой перехода от протореформ к собственно реформам, способным преобразить страну и придать ей современные черты, не лишая естественной самобытности.

В целом, насколько может продвинуться по стезе перемен саудовский истеблишмент, покажет будущее. На текущем же этапе можно с той или иной степенью уверенности утверждать, что Саудовская Аравия оказалась способной сделать серьезные и трезвые выводы из ситуации, сложившейся вокруг нее и в регионе в начале нового века. Монархия получила много сигналов о неблагоприятном восприятии ее образа действий в тех нишах, в которых она считала себя хозяйкой положения. Даже косвенные свидетельства этого насторожили ее, а судьба Ирака наглядно показала, что ни нефть, ни особый статус в мусульманском мире, ни близость с наиболее влиятельной и в то же время наименее расположенной считаться с мнениями других, мировой державой не будут гарантией от жестких действий против нее.

Но, в конце концов, не столь важно, в силу каких именно причин королевство пришло к выводу о необходимости ускорения реформ. Возможно, что это были причины, связанные с внутренними угрозами в большей степени, чем с внешними вызовами, хотя ясно, что они – следствие и того, и другого. Важнее то, что инстинкт самосохранения власти оказывается более сильным, чем приверженность консервативным ценностям, сфера для которых в любом случае будет сокращаться под влиянием объективных причин, т.е. реформ. Эти последние, с одной стороны, в обозримой перспективе будут, безусловно, щадящими и охранительными по своей сути, но с другой, будут подвержены с течением времени действию собственной логики, механическое препятствование которой может вызвать к жизни новый сонм трудно решаемых проблем.

¹ Meria journal, vol.7, № 3, september 2003.

² Аль-Хаят, 12.11.05.

³ Meria journal, Vol.7, № 3, September 2003.

**ИСЛАМСКИЙ ПЕРЕДЕЛ.
ВЗГЛЯД ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Видимо, окончательно пришла пора изначально рассматривать и оценивать внешнеполитический курс асеановских стран, по крайней мере «первой волны», через призму их местоположения во всемирной умме. Безусловно, при таком концептуальном допущении незамедлительно возникает резонное возражение относительно его правомерности в силу различной причастности этих стран к исламскому миру, имея ввиду количество проживающих в них мусульман и их долю во всем населении. Это определяет различный, а подчас и противоположный подход к международным событиям. И в самом деле. Неправомерно было бы предполагать, что проявления исламской солидарности по поводу событий, происходящих на международной арене с участием мусульманских стран, могут быть одинаковыми в равной степени в Индонезии, Малайзии, Сингапуре, Таиланде и на Филиппинах. В наибольшей степени такое справедливо ожидать от Индонезии и Малайзии. Первая из них является крупнейшей мусульманской страной с населением, превышающим 240 млн. чел., которое, по крайней мере, на 85% состоит из адептов ислама, причем немалая часть их придерживается радикальных взглядов или близких к ним. Во второй стране – Малайзии – мусульмане составляют более половины населения. Ислам здесь является государственной религией, и эта страна традиционно претендует на особую роль в исламском мире в качестве носителя наиболее взвешенных и умеренных взглядов, дающих, как она считает, право на лидирующие позиции среди мусульманских государств. По существу, именно эти две страны «повинны» в том, что регион ЮВА принято считать одним из основных ареалов исламской периферии. При этом, поддержка ислама определяется соответствующей позицией правящих кругов. Приверженность исламу многомиллионных масс населения заставляет элиту учитывать этот факт как во внутренней, так и во внешней политике.

Другая обстановка сложилась в Сингапуре, Таиланде и на Филиппинах, где преобладают другие религии и доля мусульман относительно невелика. Вытекающие из такой ситуации противоречия и их последствия, особенно, когда они «замешаны» на межрелигиозных отношениях, дали повод мусульманскому миру рассматривать их как страны, где большинство «неверных» проводит политику дискриминации и угнетения мусульманского меньшинства.

Но вряд ли справедливо было бы считать такую ситуацию порождающей конфликты, острые противоречия или вообще какие-либо проблемы в отношениях между членами АСЕАН в столь недавний период «холодной» войны. В те годы другие факторы определяли политический курс их руководства. Как известно, это было время, отмеченное беспрецедентным ростом их экономик. По утверждению самих членов пакта в тот период, «Роль США в региональной безопасности являлась одним из важных факторов успеха АСЕАН. США раскрыли зонтик безопасности, под которым страны-члены АСЕАН могли сосредоточиться на социально-экономическом развитии»¹.

Исходя из этого, главным и определяющим внешнеполитическим фактором развития указанных стран на том этапе было естественное в такой ситуации балансирование на грани «борьбы миров» и сохранение соответствующих отношений с Соединенными Штатами. В их внутренней политике главный акцент идеологической борьбы делался на предотвращении коммунистической угрозы, на борьбе с коммунистическими повстанцами и т.п., что отодвигало в сторону вопросы, связанные с взаимоотношениями между религией, властью и обществом. Сразу же следует отметить, что последнее правящим кругам удавалось далеко не всегда. В Индонезии тоталитарный режим Сухарто был вынужден рассматривать призывы к исламизации страны в качестве преступления со всеми вытекающими последствиями, поскольку они представляли реальную угрозу существующей власти. В Малайзии премьер-министр Махатхир Мохамад провозгласил собственную программу исламизации страны с тем, чтобы поставить сложную межрелигиозную и межэтническую ситуацию под контроль и отобрать инициативу у исламистов. В Таиланде и на Филиппинах, помимо коммунистических повстанцев, действовали и действуют вооруженные формирования радикальных мусульман, преследующих сепаратистские цели. Непросто складываются отношения сингапур-

ских властей практически исключительно китайской национальности с мусульманской диаспорой, состоящей в основном из малайцев. Но в период, предшествующий выходу исламского фактора на международную арену в качестве самодовлеющей силы глобального характера, эти события в странах АСЕАН имели локальный, местный характер. В целом не было оснований объединять их в систему, запрограммированную на достижение единой цели.

Условия «холодной войны» не способствовали тому, чтобы лидеры мусульманских стран региона особо заботились о своем месте в исламском мире. Гораздо важнее для них было налаживание отношений с США. Из этого ряда несколько выбивалась Малайзия, но и она, в принципе, вынуждена была подчиняться общим законам развития региона. Распад СССР и исчезнувшая вместе с ним система биполярности в международных отношениях резко изменили ход исторических событий. Созданный в результате крушения марксистской идеологии идеологический вакуум был очень быстро заполнен приверженцами радикального ислама, подхватившими оставшиеся «бесхозными» идеи всемирной политической борьбы за социальную справедливость. И хотя при этом произошло явно некорректное отождествление с исламскими понятиями всемирного братства и социальной справедливости, вырванными из контекста общих норм поведения верующих, ислам начинает, не испытывая конкуренции, претендовать на роль идеологической доминанты на мировой политической арене. Это, в свою очередь, резко повышает внимание к религии в мусульманских странах Юго-Восточной Азии. Вместе с тем, меняется и ослабевает роль США. В отсутствие коммунистической угрозы и связанной с ней необходимостью обеспечивать безопасность заинтересованность в альянсе с ними у членов АСЕАН хотя и сохраняется, но переходит на более низкий уровень. К тому же в результате так называемой контртеррористической деятельности США в мусульманском мире формируется устойчивое мнение о них как о враге ислама. Это вносит серьезные коррективы в подход лидеров мусульманских стран ЮВА к принципам построения системы международных отношений. Заинтересованность в США, вне всякого сомнения, остается. Но фактор Америки вступает в явное противоречие с исламским фактором. Первый «работает» на элиту, второй – на всю страну. Напрашивается вопрос, который из двух восторжествует или хотя бы временно сможет пре-

обладать. Ответ неоднозначен. Высказывается много мнений. Автор же склонен считать, что перспективы остаются за усилением роли ислама в регионе ЮВА.

Под влиянием внешнеполитических изменений здесь уже произошла резкая активизация ислама, его политизация. В Индонезии она практически совпала с крушением тридцатилетнего периода военно-тоталитарного режима Сухарто, проводившего политику жесткой регламентации религиозной деятельности. Последовавшая вслед за этим демократизация неподготовленного к такому процессу общества вылилась в нарастание исламизации, которой, опять же, не была выдвинута альтернатива со стороны конкурирующих идеологий. Их попросту не было. На фоне вопиющих социальных проблем религия с ее незыблемым положением о всеобщем равенстве перед Богом отвечает стихийному стремлению масс к социальной справедливости. Неслучайно поэтому два последовавших за Сухарто президента – Хабиби и Вахид – были мусульманскими богословами. Религия стала доминантой политической жизни. В период предвыборной кампании, предварявшей первые в стране прямые президентские выборы, оба основных претендента и Мегавати Сукарнопутри, и Сусило Бамбанг Юдхойоно совершили так называемый малый хадж в Мекку, который, хотя и не совпадал по времени с главными мусульманскими торжествами, давал возможность продемонстрировать приверженность исламу. Политические оппоненты использовали религию в нападках на противников. Влиятельная группа представителей крупнейшего объединения мусульман «Нахдатул Улама» обнародовала специальную фетву против избрания женщины в качества лидера страны. Не оставалось никаких сомнений в том, что имелась ввиду Мегавати Сукарнопутри. Противники же Сусило Бамбанга Юдхойоно организовали кампанию, ставящую под сомнение искреннюю приверженность исламу его самого и жены. Предвыборная парламентская кампания также была насыщена политизированным исламом.

Схожие процессы происходят и в Малайзии. Здесь на последних выборах премьер-министром стал богослов в третьем поколении Абдулла Бадави, знающий практически наизусть Коран. Политическая борьба в этой стране между ведущей партией правящей коалиции ОМНО и основной оппозиционной партией ПАС разворачивается вокруг претензий каждой из них на монополию правильного толкования ислама.

При рассмотрении ситуации в Таиланде, на Филиппинах и в Сингапуре к ним нельзя подходить с теми же мерками, что к Индонезии и Малайзии. Воздействие исламского фактора на их внешнеполитический курс носит скорее опосредованный характер. Но было бы ошибкой его недооценивать. Все перечисленные выше страны вовлечены в процесс региональной дипломатии в рамках АСЕАН, насчитывающей уже 40 лет, что подчиняет его участников определенным правилам игры. Даже в тех случаях, когда среди них имеют место противоположный подход и реакция на международные события, это не обходится без оглядки на партнеров по Ассоциации, тем более, если это связано со взаимоотношениями в исламском мире. Так было и с отправкой воинского контингента в Ирак в поддержку американских военных действий. Тогда Индонезия и Малайзия резко осудили американскую агрессию и потребовали незамедлительного вывода войск. Руководители Таиланда и Филиппин напротив, очевидно, исходя из того, что в их странах фактор Америки «перетягивает» исламский фактор, направили своих военнослужащих в Ирак. Но история на этом не закончилась. Вскоре Филиппины были вынуждены в спешном порядке вывести свой контингент из Ирака после захвата заложника из числа своих граждан. Как отмечалось в прессе Юго-Восточной Азии, это решение филиппинского президента обозначило пределы кажущейся незыблемости военно-политического альянса с Соединенными Штатами, а также определило новую веху в борьбе с терроризмом, когда собственные экономические интересы возобладали над интересами безопасности другой страны. Под удар были поставлены не только филиппинские военнослужащие, но и семь миллионов филиппинцев, работающих на Ближнем Востоке. Президент Глория Арройо предстала перед выбором – или обеспечить их безопасность и тем самым сохранить существенный и постоянный приток в страну иностранной валюты, или действовать в ущерб собственным интересам в пользу безопасности Соединенных Штатов. Президент выбрала первое².

Таиландский же контингент также был выведен из Ирака, несмотря на просьбы США оставить хотя бы военных инженеров. Это было сделано не без учета обстановки в южных мусульманских провинциях Таиланда и опасений повышенного внимания со стороны международного исламского терроризма. Что касается Сингапура, то уже одна только его репутация в глазах исламистов как прозападно ориентированного космополитического мега-

полиса, пытающегося навязать свои правила игры окружающим его мусульманским странам, не позволяет ему равнодушно относиться к событиям, происходящим в исламском мире.

Но обратимся снова к Индонезии и Малайзии. Становится все более очевидным, что та доминанта, о которой говорилось выше при рассмотрении роли религии в их политической жизни и которая вывела нынешних лидеров на вершины власти, имеет вполне определенную «обратную связь». Мусульмане здесь считают вправе ожидать от своих избранников реализации интересов ислама на международной арене и шагов по преодолению тех проблем, с которыми он столкнулся в качестве мировой религии. В силу этого, во избежание упреков в пассивности и бездействии, руководители этих стран буквально обречены стремиться к лидерству в исламском мире вне зависимости от своих желаний и предпочтений. В то же время нельзя не отметить, что в новых условиях внешнеполитический аспект борьбы за власть в Индонезии и Малайзии стал значительно более продуктивным. Это побуждает их лидеров не упускать такой шанс. Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и амбициозности их устремлений, толкающих в борьбу за лидерство во всемирной умме. Комплекс отмеченных обстоятельств, как представляется, привел в последнее время к активизации деятельности Индонезии и Малайзии на международной арене. События последнего времени дают основания полагать, что в обстановке все чаще проявляющейся неспособности арабских стран выступать в качестве лидера и объединителя мусульманского мира, в этой роли пытаются утвердиться исламские страны Юго-Восточной Азии. Неудовлетворенные периферийностью своего положения в исламском мире, они стремятся на гребне собственной активности если не опередить, то, по крайней мере, стать равными среди равных в иерархии мусульманских стран в той новой расстановке сил в исламском мире, которая диктуется усилением исламского фактора на международной арене. В этом плане прошедший год оказался для них удачным, поскольку дал множество поводов для демонстрации приверженности интересам религии и верности принципам исламской солидарности, на волне которых, судя по всему, и строится их программа повышения своего престижа в мусульманском мире.

В ряду таких событий особого внимания заслуживают военные действия между Израилем и радикальным шиитским движением «Хизбалла» в Ливане и реакция на них со стороны Ин-

донезии и Малайзии. В Куала-Лумпуре назвали «беззаконием и безответственным применением военной силы против гражданского населения» вторжение Израиля в Ливан. Министр иностранных дел Малайзии Сайед Хамид Албар призвал ООН к срочному вмешательству в ливанские события, чтобы предотвратить эскалацию насилия в ближневосточном регионе. На проходившей в Баку в конце июня 2006 г. 33-й сессии Совета министров иностранных дел ОИК он заявил, что основными целями этой организации являются «создание развитого исламского общества и борьба с экстремизмом». «Мы должны сделать исламскую умму сильной», – заявил Албар и призвал мусульманскую общину объединить усилия для того, чтобы противодействовать попыткам искажения роли ислама и покончить с давлением на него: «Мы должны защитить свою религию». Решение об отправке в Ливан под флагом ООН подразделений «голубых касок» из мусульманских стран было принято на внеочередной сессии ОИК в Малайзии. Три страны ЮВА – Индонезия, Малайзия и Бруней – обязались выделить в общей сложности более 2 тыс. военнослужащих. Албар выразил уверенность, что участие Малайзии в многонациональных силах ООН будет полезным, учитывая ее опыт проведения подобных операций в Боснии, а также то обстоятельство, что в настоящее время Малайзия занимает пост председателя ОИК³. Во время конфликта Албар заявил, что правительства стран-участниц ОИК должны рассмотреть вопрос о поставках оружия движению «Хизбалла» в Ливане, чтобы ему было чем защищаться от израильского вторжения. Он подчеркнул, что «мусульманские страны не позволят Израилю оставаться безнаказанным за те преступления, которые он совершил в этой стране». Министр также призвал не забывать о сложностях, которые испытывает палестинский народ, ставший «жертвой израильской оккупации», заявив, что «Никто не должен вмешиваться в дела народа Палестины»⁴.

Тема Израиля занимает особое место в пропагандистской деятельности Индонезии и Малайзии. Далекое не все мусульмане ЮВА довольны тем, что значительная часть арабских стран признала Израиль. Как Индонезия, так и Малайзия не поддерживают с Израилем дипломатических отношений. У мусульман Юго-Восточной Азии сильна идеологическая база «противостояния сионизму». По этой причине мусульмане ЮВА имеют возможность гордиться собой и рассматривать себя в качестве даже более «правоверных» по сравнению с араб-

скими братьями. По существу, антиизраильские мотивы взяты на вооружение пропаганды в мусульманских странах ЮВА. Так, в частности, было и в выступлении тогда уже практически бывшего премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамеда на саммите ОИК в октябре 2003 г. в Куала-Лумпуре. В те дни он в стремлении заработать дополнительную популярность в мусульманском мире направил свои усилия на то, чтобы обострить ситуацию и сконцентрировать внимание на себе. Выступление уходящего в отставку премьера получило широкий резонанс. В российской прессе его трактовали не иначе, как «протоколы малайзийского мудреца», «смертоносные слова»⁵ или же «антисемитский скандал»⁶.

Речь была сфокусирована на проблеме противостояния мусульманского мира и Запада и разогревала антизападные и особенно антисемитские настроения. По своей значимости выступление Махатхира походило на детонатор взрывного устройства. Неслучайно, его в ряде случаев рассматривали как толчок к последовавшему непосредственно за саммитом антииудейскому теракту в Стамбуле с большим числом жертв. Но пиаровский эффект докладчику был обеспечен. Весьма памятливы и другие выступления Малайзии, а также Индонезии с осуждением Израиля после его вторжения в Ливан в 2006 г., а также инициирование ими мер противостояния ему.

Израиль тогда делал попытку наладить с этими странами диалог через своего посла в Сингапуре. Требуя безоговорочного вывода израильских войск из Ливана, Малайзия в качестве председателя ОИК категорически отказалась от какого-либо диалога с Израилем, в том числе и от лица Индонезии, мотивируя решение прежде всего отсутствием дипломатических отношений. В те дни премьер-министр Малайзии Абдулла Бадави с трибуны ОИК призвал мировое сообщество и, прежде всего, страны Ближнего Востока прекратить дипломатические отношения с Израилем⁷. «Только так мы можем выразить наш коллективный протест против его вторжения в Ливан, жертвами которого становятся большей частью мирные жители», – вторил ему министр иностранных дел этой страны⁸.

Не менее активную позицию по данному вопросу, также в значительной степени рассчитанную на внешний эффект, стремится занять и Индонезия. Правительство и парламент Индонезии выразили озабоченность в связи с «похищением» израильскими военными зампреда правительства Палестинской

национальной администрации⁹. Став с 1 января 2007 г. непостоянным членом Совета Безопасности сроком на два года, Индонезия незамедлительно подготовила документ, озаглавленный «Заявление председателя Совета Безопасности ООН по Ближнему Востоку, включая Палестину». В нем акцент делается на «израильские рейды, жертвами которых становятся мирные жители». И хотя США, Франция и некоторые другие члены Совбеза назвали документ «несбалансированным», в Индонезии этому шагу придается большое значение. Ясно, что помимо конструктивной составляющей, способствующей решению отмеченных международных проблем, в действиях руководства Индонезии и Малайзии явно просматривается стремление к популизму, желание продвинуться по пути превращения из объектов в субъектов международных отношений, избавиться от периферийного статуса во всемирной умме. Нетрудно заметить, что при этом чаще всего разыгрывается «израильская карта» как наиболее подходящая в явно возросшем в мусульманском мире геополитическом соперничестве.

Развивая интенсивность пропагандистской кампании, Индонезия провела в Джакарте в конце января 2007 г. Международный форум парламентариев мусульманских стран. В его работе участвовали представители 28 государств с преимущественно мусульманским населением – Бахрейна, Иордании, Ирака, Кувейта, Ливана, Малайзии, Марокко, Мавритании, Катара, Судана, Пакистана, Палестины, Таджикистана, Турции, Йемена, Сирии и др. По инициативе организатора этого мероприятия – Индонезии – основной темой обсуждения стали проблемы национального единства и безопасности главным образом в отношении событий, происходящих в Палестине. Как заявил президент Индонезии Сусило Бамбанг Юдхойоно, Индонезия надеется на создание уже в ближайшее время независимого и суверенного палестинского государства. «Поэтому мы призываем к скорейшему прекращению межфракционных распрей и столкновений в ПНА, вызывающих глубокую озабоченность во всем исламском мире», – заявил президент. «Мы призываем обе палестинские фракции сесть за стол переговоров по мирному урегулированию разногласий в интересах народов ПНА и формированию единого правительства», – продолжил тему министр иностранных дел Индонезии Хасан Вираюда. С этой целью, цитирует его слова «Джакарта пост», крупнейшая по численности мусульманская страна мира приглашает лиде-

ров двух фракций в Джакарту, где готова выступить посредником на переговорах. Говоря о том, что президент ПНА Махмуд Аббас (ФАТХ) и премьер-министр Исмаил Хания (ХАМАС) провели уже несколько встреч в 2006 г., которые не привели к желаемому результату, глава индонезийской дипломатии отметил свою готовность сначала провести переговоры с представителями ХАМАС, а затем организовать встречу между обеими противоборствующими группировками. Как известно, уже в начале февраля эту инициативу у индонезийского президента перехватил Абдалла, король Саудовской Аравии, где встреча и состоялась.

Президент Индонезии пообещал, что его страна, которая с 2007 г. стала непостоянным членом Совета Безопасности ООН, будет настойчиво проводить в международном сообществе «исламскую повестку дня», добиваться мирного решения ближневосточного конфликта, включая проблему Ливана, и бороться с проявлениями исламофобии¹⁰. Подобные попытки индонезийской дипломатии принять участие в решении наиболее острых проблем Ближнего Востока уже перестают быть откровением. Доказательством тому и визит в Индонезию и Малайзию в марте 2006 г. президента Ирана М. Ахмадинежада. Для него было исключительно важно получить поддержку «дружественных исламских стран» и признание мирного характера иранской программы обогащения урана. Как и предполагалось, ядерная тематика стала лейтмотивом политического диалога с руководством Индонезии и Малайзии. Судя по его итогам, главная задача визита М.Ахмадинежада была успешно решена: президент С.Б.Юдхойоно и премьер-министр Малайзии Абдулла Бадави подтвердили мирную направленность иранской ядерной программы. Тогда в качестве заинтересованной стороны, желая идти навстречу лидерам обеих стран и учитывая их интересы, М. Ахмадинежад включил в состав своей делегации одного из авторитетных представителей высшего шиитского духовенства, генерального секретаря Международной ассоциации по сближению исламских правовых школ аятоллу М.А.Ташкири (ранее занимал пост руководителя Организации исламских и культурных связей – одного из главных элементов пропагандистской машины исламского режима). Это, безусловно, было в русле интересов принимающих стран, акцентирующих внимание на укреплении исламской солидарности на основе наращивания взаимодействия в области куль-

туры, образования, науки и религии. Тем самым делалась ставка на политические соображения, интересы и дальновидность их элит. Вместе с тем, переговоры показали, что амбициозные планы индонезийского руководства далеко неполностью находят отклик у противоположной стороны. Когда Джакарта предложила свое содействие в снижении напряженности в ирано-американских отношениях, явно стремясь при этом обрести статус посредника в урегулировании одной из актуальнейших проблем современности, что явно способствовало бы укреплению ее авторитета в мусульманском мире, президент М.Ахмадинежад прямо дал понять, что серьезно это предложение рассматриваться не будет. Он пояснил, что Тегеран предпочитает «самостоятельно принимать решения по определению судьбы своей страны», поэтому ему не нужны посредники в диалоге с США¹¹.

Отнюдь не обескураженный такой реакцией со стороны Ирана, президент Юдхойоно предложил свое участие в урегулировании иракского кризиса, апеллируя уже к американцам. При этом акцент опять же делается на решении проблемы силами мусульманских стран под эгидой Индонезии. Эти настроения в полной мере проявились во время шестичасового визита в Индонезию американского президента 20 ноября 2006 г. В преддверии визита органы безопасности предупредили президента страны Юдхойоно о готовящихся крупных демонстрациях протеста по этому поводу. Прогнозы себя полностью оправдали. Еще до прибытия американского президента около 500 представителей радикальных исламских организаций устроили демонстрацию протеста у посольства США. Участники митинга, возглавляемые «Фронтом защитников ислама» и другими радикальными исламскими объединениями, выкрикивали антиамериканские лозунги и развешивали транспаранты «Буш – террорист с лицом злодея», «Истинный террорист – США». «Мы призываем правительство и народ Индонезии не допустить приезд Буша».... «Этот человек причинил миру много зла, особенно в Афганистане, Ираке и Палестине» – заявил представитель протестующих.

Для обеспечения порядка были выделены 18 тыс. полицейских. В близлежащем от Джакарты Богоре, где проходили переговоры, были введены повышенные меры безопасности. Президент страны, учитывая текущую ситуацию, ограничился лишь тем, что призвал своих сограждан не протестовать

«чрезмерно» против визита, не забывая о долге гостеприимства. Особых результатов это не принесло. Лидер «Фронта защиты ислама» Хабиб Ризик заявил, что гибель мусульман по всему миру должна быть отомщена. Во время визита около 5 тыс. протестующих организовали «коалицию по уничтожению Буша», выкрикивали его имя, скандируя при этом: «Убить, убить!». Они предупредили президента Юдхойоно и вице-президента Юсуфа Калла, что, приняв Буша, они ставят под сомнение свою победу на очередных выборах в 2009 г. Лидер исламской «Партии процветания и справедливости», набравшей наибольшее число голосов на последних парламентских выборах по джакартскому округу, Тифатул Сембиринг обвинил Буша в гибели 650 тыс. иракцев в результате вторжения войск коалиции, возглавляемых США.

Отмеченные факты представляют собой лишь часть тех волнений и напряженности, которые вызвало прибытие в страну американского президента. На фоне столь бурных событий возникает естественный вопрос о том, что же побудило прибывающую и принимающую стороны оказаться, откровенно говоря, в столь некомфортной ситуации. Руководство Индонезии в лице министра обороны Ювоно Сударсоно пыталось завуалировать цель визита. Министр попытался информировать журналистов, что основной темой переговоров будет кооперация по фундаментальным проблемам сотрудничества – образование, здравоохранение, меры по предотвращению катастроф, борьба с птичьим гриппом. Уже и тогда все это выглядело не очень правдоподобно, но свидетельствовало о том, с какой осторожностью индонезийская сторона подходила к переговорам и о той заинтересованности, которую она к ним проявляет.

Как выяснилось позже, подлинная причина визита Буша в Индонезию кроется в другом. Вопрос состоит в том, что пока, несмотря на все проявления антиамериканизма в Индонезии и ряде других стран Юго-Восточной Азии, на расхождения взглядов относительно того, что происходит на Ближнем Востоке и т.д., Вашингтону и Джакарте удается поддерживать внешне неплохие отношения, основанные на взаимной заинтересованности. США, по всей вероятности, за неимением других кандидатур или, во всяком случае, не располагая значительным выбором, намерены использовать Индонезию в качестве «окна» в исламский мир или, по крайней мере, хотя бы частично решить свои проблемы с ним.

Прошедшие переговоры дают подтверждение такой логике. Индонезия призвала мировое сообщество «задуматься над решением иракской проблемы» и выдвинула свой план поэтапного урегулирования иракского кризиса, в котором упор делается на «неизбежность ухода США из Ирака». Об этом заявил Юджойно на совместной пресс-конференции двух президентов по итогам визита Буша. Трудно представить, что текст заявления, в принципе, сторонами не был согласован. Юджойно выразил убеждение, что у власти в Ираке должно остаться законно избранное правительство, способное самостоятельно управлять страной при условии достижения в ней полного примирения. Он также добавил, что после ухода сил коалиции в Ирак должны быть введены или миротворческие войска ООН, или другой третьей силы, подразумевая Организацию Исламская Конференция. Необходимость в этом, по мнению официальной Джакарты, продиктована опасениями относительно того, что после неминуемого, по словам Юджойно, ухода американских солдат из Ирака, там может образоваться «вакуум власти». Военнослужащие из братских мусульманских стран не воспринимались бы местным населением как «враги Ирака» и могли бы в переходный период поддержать законность и порядок в этой стране. Как заявил вслед за этим министр иностранных дел Индонезии Хасан Вираюда, «Индонезия хотела бы направить свои миротворческие войска в Ирак, подав тем самым пример другим странам исламского мира». Неслучайно, сообщил Вираюда, в телефонном разговоре с ним госсекретарь США Кондолиза Райс поддержала идею привлечения «умеренно мусульманской» Индонезии непосредственно к процессу национального примирения в Ираке». По его словам, он уже обсуждал этот вопрос с госсекретарем США Кондолизой Райс во время 14-го саммита АТЭС в Ханое. Индонезия обозначила свою позицию и по решению американского президента о дополнительной отправке в Ирак 20 тыс. американских военнослужащих. По словам Вираюда, это «не приведет к сдерживанию дальнейшей эскалации вооруженного конфликта». Более того, военное присутствие США и их союзников в Ираке «как раз и создает все эти проблемы». «Поэтому мы выступаем за расширение участия в урегулировании иракского кризиса других членов международного сообщества» – подчеркнул Х. Вираюда¹².

Резко выступив против начала интервенции, теперь Индонезия заинтересована в направлении своего воинского контингента в Ирак, чтобы оказаться в числе инициаторов столь значимого миротворческого события и реализовать амбициозность своих планов относительно обозначения своей роли и места в исламском мире. Это событие в полной мере вписывается в намерения президента Юдхойоно, высказанные им в его первом выступлении по вопросам внешней политики, когда в мае 2005 г. он заявил, что в международной деятельности хочет быть миротворцем, создавать атмосферу взаимного доверия, наводить мосты для решения сложных международных проблем. Вновь проявляются признаки того, что Запад не прочь рассматривать Индонезию в качестве моста для восстановления отношений с исламским миром. Можно сказать, что этим настроениям подыгрывает индонезийский президент, имея, по всей вероятности, далеко идущие планы. Видимо, в этом и кроется сдержанность по форме и содержанию реакции официальной Джакарты на приговор Саддаму Хуссейну, диктуемая желанием беспроблемной политической игры на внутренней и внешней арене. Буш, со своей стороны, на переговорах в Богоре заявил, что «еще не принял решения о том, когда и будут ли вообще в обозримом будущем выводиться американские войска из Ирака, или же, напротив, к ним прибудет пополнение». Как выяснилось позднее, эти формулировки подготовили пространство для политического маневра.

По всей вероятности, есть основания рассматривать двухдневный визит президента Пакистана Первеза Мушаррафа в Индонезию и Малайзию, состоявшийся 30–31 января с.г., в качестве одного из свидетельств изменения соотношения сил в мусульманском мире, к которому обе страны уже приложили немало усилий. Это событие отнюдь не вписывается в разряд обмена визитами лидеров «дружественных мусульманских государств». Это нечто значительно большее. Как представляется, его цель конкретна и прагматична. В ее основе лежит стремление к переделу сфер влияния в период явного ослабления руководящих, координационных, а также объединительных функций по отношению к мусульманскому миру со стороны его традиционного центра – арабской составляющей. Недовольство и опасения со стороны участников встречи связаны также с волной исламского экстремизма и ростом напряженности во взаимоотношениях суннитов и шиитов.

Участников переговоров, за которыми стоят многие миллионы их подданных-ревностных поборников ислама, не могут устраивать факты возрастающего вторжения Запада в исламский мир, усиление роли США на Ближнем Востоке (о чем было прямо сказано на переговорах), усиливающийся процесс размежевания арабских стран на сторонников и противников США и та игра, которую последние ведут в этом процессе. Поводом для встречи явились не вопросы, связанные с развитием двусторонних отношений, а проблемы, непосредственно затрагивающие положение дел в мусульманском мире: ситуация в Палестине, ливанский и иракский кризисы, пути решения иранской ядерной программы, что вполне конкретно выразилось в объявленной Мушаррафом перед поездкой теме переговоров. В Индонезии стороны пришли к взаимному пониманию необходимости укрепления единства мусульманских стран для создания противовеса усилению влияния США в ближневосточном регионе. Выражая озабоченность по поводу напряженности в отношениях между суннитами и шиитами, Юдхойоно и Мушарраф выступили с предложением о проведении международной мусульманской конференции с участием священнослужителей, придерживающихся различных вариантов толкования ислама. Планируемая повестка дня – выработка фетвы, направленной на достижение мира и согласия на Ближнем Востоке. Юдхойоно призвал лидеров двух крупнейших объединений мусульман Индонезии – «Нахдатул Улама» и «Мухаммадия», насчитывающих десятки миллионов сторонников, возложить на себя ответственность за проведение конференции. Очевидно, и проходившую практически в те же дни в Лондоне конференцию индонезийских и британских мусульман на тему «Ислам – религия мира, милосердия и терпимости» можно рассматривать в качестве доказательства того, что Индонезия включилась в широкую пропагандистскую кампанию по улучшению своего имиджа на международной арене, а, в конечном счете, ориентируется на достижение более высокого места в иерархии мусульманских государств.

В ходе переговоров было высказано соображение по поводу создания форума «исламских стран-единомышленников», на который возлагаются надежды на разрешение кризисных ситуаций. Разъяснения формулировки «исламские страны-единомышленники» не последовало. Невольно напрашивается вывод о фракционности намерений участников переговорного

процесса. Тем не менее, эта идея получила поддержку днем позднее в Куала-Лумпуре со стороны малайзийского премьера, председателя ОИК А. Бадави. Как заявил по завершению переговоров Мушарраф, и Индонезия, и Малайзия поддерживают его мирные инициативы по достижению гармонии в исламском мире, которые, по словам президента Пакистана, будут осуществляться на принципах справедливости. Раскрывать их перед журналистами он отказался, ссылаясь на несвоевременность, но уточнил, что будет, равно как и президент Индонезии, обсуждать их с королем Саудовской Аравии Абдаллой¹³. Очевидно, что суть даже не в деталях состоявшихся переговоров по обозначенной проблематике, а в самом факте их проведения. Выработка переговорщиками программы совместных действий по нормализации положения дел на Ближнем Востоке без присутствия расположенных в нем стран, являющихся непосредственными участниками обсуждаемых драматических событий, дает основание рассматривать визит пакистанского президента как акцию по перегруппировке сил в исламском мире, направленную на ослабление влияния этих стран с последующим захватом отвоеванных у них позиций. По существу, указанное событие может оказаться переломным. Основным его результатом станет таким образом перераспределение сил от арабских стран в пользу наиболее активной и многочисленной исламской периферии. К тому же и сами участники переговоров озабочены не только судьбами исламского мира, но и вполне прагматическими интересами, связанными со смещением сфер влияния в нем в свою сторону. Доказательств тому имеется немало. В частности, министр иностранных дел Индонезии Хасан Вираюда сообщил журналистам, что лидеры двух стран, обсуждая варианты решения отмеченных проблем, затронули вопросы увеличения в них роли неарабских стран-членов ОИК. Как он высказался далее, это могло бы вдохнуть новую жизнь в процесс оздоровления обстановки на Ближнем Востоке¹⁴.

В Малайзии лидеры двух стран также обсудили варианты повышения роли участия неарабских стран-членов ОИК в решении ближневосточных вопросов¹⁵. Если и далее рассматривать события, связанные с той ролью, которую определили для себя Индонезия и Малайзия, то эти переговоры с Пакистаном можно оценивать как очередной этап наращивания ими своего влияния в исламском мире вслед за предлагаемыми ими ранее

инициативами по Ближнему Востоку. Следует отметить и стремительность такого развития ситуации. Пока эти две страны, объединенные общей целью, действуют совместными усилиями. Тем не менее, доподлинно известно их соперничество за лидерство в АСЕАН. Каковы будут результаты сложившейся ситуации, предсказывать трудно. Но то, что интрига существует, – факт неоспоримый.

Не оставляют в этом плане сомнения и слова пакистанского президента перед поездкой в Юго-Восточную Азию. Он явно дал понять, что лидерство в мусульманском мире должно принадлежать его стране. Текущая общность интересов, основанная на намерении сломать нынешнюю политическую структуру, существующую в исламском мире, не исключает соперничества на ее возможных развалинах. Оценивая перспективы вполне вероятных баталий за лидерство в мусульманском мире, очевидно, нельзя сбрасывать со счетов и президента Ирана М. Ахмадинежада. Его претензии на этот счет также уже звучали неоднократно.

Борьба за первенство, власть и влияние в мусульманском мире, судя по всему, будет нарастать. Можно предположить, что одним из вариантов разрешения создавшейся ситуации в отсутствие харизматического лидера в исламском мире, способного приостановить разгорающееся соперничество, будет то, что этот мир окажется поделенным на сферы влияния. Основные игроки на этом поле обозначены выше.

¹ Посол Сингапура в РФ Марк Хонг. Речь на международной конференции в МГИМО МИД РФ 24 сентября 1997 года.

² The StraitsTimes, 20.07.2004.

³ ИТАР-ТАСС, Пульс планеты, АТР, 21.07.06.

⁴ ИТАР-ТАСС, Пульс планеты, АТР, 09.08.06.

⁵ Независимая газета, 07.10.03., 19.11.03.

⁶ Известия, 18.10.03.

⁷ BERNAMA, 05.08.06.

⁸ ИТАР-ТАСС, Пульс планеты, АТР, 20.06.06.

⁹ ИТАР-ТАСС, Пульс планеты, АТР, 03.07.06.

¹⁰ ИТАР-ТАСС, Пульс планеты, АТР, 15.01.07.

¹¹ www.iimes.ru, 15.05.06.

¹² ИТАР-ТАСС, Пульс планеты, АТР, 15.01.07.

¹³ Topica Email List Directori, 03.02.07.

¹⁴ Indonesia News. Net, 03.02.07.

¹⁵ Malaysia News. Net, 04.02.07.

**ПОРТ ГВАДАР КАК ФАКТОР РОСТА
РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПАКИСТАНА**

Согласно последним данным UNDP, Пакистан – одна из десяти наиболее динамично развивающихся стран мира. При темпах роста в 7–8% в год, уровень ВВП за последние годы вырос с 70 млрд. до 110 млрд. долл. Страна, которая еще пять лет назад стремилась увеличить экспорт до 9 млрд. долл., к концу финансового 2006 г. достигла уровня в 18 млрд. долл. Последний доклад, подготовленный Плановой комиссией при кабинете министров Пакистана и озаглавленный «Предвидение 2030 года» напротив графы ВВП ставит цифру 700 млрд. долл. на ближайшие двадцать пять лет. Осуществление амбициозных планов диктуется временем, а также потребностями социально-экономического развития как Пакистана, так и региона в целом.

В начале XXI в. Пакистан взял курс на приватизацию и широкое привлечение иностранных инвестиций в различные сектора экономики. В настоящее время федеральное правительство осуществляет несколько крупных проектов в рамках стратегии экономического развития, в частности, в области инфраструктуры – телекоммуникационных технологий, спутниковой связи, сооружения транспортных систем, включая скоростное метро в Карачи, Исламабаде и городе-спутнике Равалпинди, железных дорог и в целом технического перевооружения подвижного состава и т.п. К крупнейшим транснациональным транспортным проектам относятся, например, прокладка газопроводов Иран-Пакистан-Индия, Туркменистан – Афганистан – Пакистан, а также Катар – Пакистан и т.д.

Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, как известно, имеют крупные запасы природных ископаемых. Страны региона с 90-х годов XX в. начинают налаживать торгово-экономические отношения с соседними мусульманскими государствами, прежде всего с Пакистаном. Действующие и строящиеся трубопро-

воды проходят по территории бывших союзных республик. Их энергоносители жизненно необходимы как Пакистану, так и Афганистану и, бесспорно, Китаю, в первую очередь, его западным провинциям. В то же время они заинтересованы иметь выход к теплым водам Аравийского моря и Персидского залива. Таким образом, открывшиеся возможности поставили Пакистан перед необходимостью укрепления своих региональных экономических и политических связей.

В последние годы отмечается тенденция трансформации как центрально-азиатских стран, так и Пакистана к интеграции с мировым экономическим сообществом. Для Исламабада важно укрепление его статуса на международной арене в качестве страны, по территории которой будут проложены стратегически важные экспортно-импортные маршруты. В интервью российскому телевидению на конференции Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) президент Пакистана П. Мушарраф 13 июня 2006 г. подчеркнул: «Пакистан станет «транспортным коридором», где проходят торговые пути из стран Азиатского региона на Ближний Восток, в Европу и обратно¹...».

Осуществлению крупных инфраструктурных объектов способствует географическое положение Пакистана. На юго-востоке он граничит с Индией, на северо-востоке – с Китаем, севере и северо-западе с Афганистаном, западные границы примыкают к Ирану, через который, в свою очередь, идут пути к странам Центральной Азии, а на юге – омывается теплыми водами Аравийского моря.

Одним из приоритетных инвестиционных проектов Пакистана в начале XXI в. является строительство глубоководного морского порта Гвадар. Еще на стадии разработки генерального плана президент П. Мушарраф характеризовал его как «крупнейший государственный проект, направленный на развитие национальной экономики».

В июне 2005 г., выступая на совещании кабинета министров президент определил его основные цели: «Сегодня мы столкнулись с настоятельной необходимостью интеграционного подхода к строительству как порта, так и инфраструктуры прилегающих портовых сооружений... Это даст толчок развитию национальной экономики и поможет стране реализовать ее геоэкономический потенциал как торговой столицы региона. Начало функционирования порта Гвадар откроет новую эру для местных жителей как с точки зрения предоставления

огромного числа рабочих мест, так и привлечения инвестиций внутри страны и из-за рубежа. Реализация многомиллионного проекта окажет помощь в снижении уровня бедности, повышении качества жизни, квалификации, будет способствовать улучшению систем здравоохранения и образования местных жителей». Также президент подчеркнул, что «весь регион, включая страны Центральной Азии, не имеющие выхода к морю, быстро развивающаяся экономика западных провинций Китая и стран Южной Азии получают возможность повысить объем грузопотоков через порт Гвадар на внутренние и на внешние рынки»². Строительство порта Гвадар является крупнейшим проектом с момента обретения независимости в 1947 г.

Гвадар – первый, и на сегодня единственный, порт в Белуджистане. Его географическое положение уникально, он расположен в глубоководном месте на юго-западном побережье Индийского океана в 300 км от Дубая, в непосредственной близости от Ормузского пролива, через который транспортируется до 40% всей потребляемой в мире нефти.

Гвадар расположен на перекрестке трех важнейших регионов мира: богатого углеводородными ресурсами Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии с не менее богатыми запасами нефти, быстро растущими экономиками и рынками и Южной Азии – самого населенного района мира, что делает его привлекательным для стран сопредельных регионов.

В целом Пакистан рассматривает провинцию Белуджистан как объект своих будущих экономических и стратегических амбиций. Это самая большая по территории провинция Пакистана, расположена на востоке страны. Ее площадь составляет 347 тыс. кв. км, или 43,6% территории Пакистана, граничит с Афганистаном и Ираном.

Но есть ряд факторов, которые вырывают ее из контекста традиционного подхода к экономическому и социальному развитию провинций Пакистана, а именно – природные богатства, географическое положение и выход к морю. Сегодня крупнейшим мегаполисом и портом одновременно в Пакистане является Карачи, но его географическое положение относительно уязвимо близостью к границе с Индией.

В начале XXI в. Белуджистан все более привлекает внимание федеральных властей своим геостратегическим положением, несмотря на многолетнюю борьбу местных националистических и национальных политических партий против фе-

дерального правительства, межэтнические столкновения, крайнюю социальную отсталость, в целом низкий уровень экономического развития по сравнению с другими провинциями страны, наркотрафик из Афганистана, удаленность от федерального административного центра, постоянное недовольства основных жителей провинции – белуджей и пуштунов – центральными властями.

Земля Белуджистана богата запасами железной и хромовой руды, сульфата бария, меди, мелистого золота (сплав меди с золотом), цинка, а также природным газом. Первая промышленная скважина была пробурена в 1952 г., что положило начало освоению газового месторождения Суи, самому крупному в Пакистане.

К природным богатствам следует отнести и береговую линию Белуджистана, которая протянулась на сотни километров. Именно благодаря ей Пакистан имеет беспрепятственный доступ к морским торговым путям Индийского океана и Персидского залива.

Планы Исламабада в отношении Белуджистана, и в первую очередь, порта Гвадар, включают следующее:

- строительство инфраструктурных объектов для развития торговли с Афганистаном, западными провинциями Китая и со странами Центральной Азии, не имеющими выхода к морю,

- увеличение товарооборота с Ираном,

- развитие торговли и транспортных связей со странами Персидского залива,

- транспортировка трансконтинентальных грузов, а также переброска сырой нефти и нефтепродуктов, включая пропан, бутан и т.д.,

- строительство нефтяных хранилищ, нефтегазоперерабатывающих установок различной мощности,

- строительство складских объектов и промышленных зон.

Помимо региональных задач, рассмотренных выше, при разработке плана развития порта, учитывались и чисто экономические выгоды для Пакистана:

- совершенствование внутренней транспортной инфраструктуры в провинции Белуджистан в связи со строительством нового порта;

- дальнейшее развитие сети железных дорог Пакистана (соединение Гвадара со столицей Белуджистана – Кветтой и далее с действующими внутренними железнодорожными линиями, включая магистраль между Пакистаном и Ираном и т.д.;

- строительство Приморского шоссе между Гвадаром и Карачи;
- развитие судостроения;
- строительство индустриально-промышленных зон, включая сооружение специальных терминалов для морских контейнеров. Рядом с портом планируется построить современный международный аэропорт;
- привлечение рабочей силы из северных и центральных районов страны.

Сегодня численность населения города Гвадар составляет всего 125 тыс. человек. Помимо строительства самого порта и портовых сооружений, план развития предусматривает сооружение нескольких социальных объектов: жилой зоны, современного госпиталя, а также прилегающих к порту автомагистралей, которые соединят Гвадар с остальными районами страны.

Пакистан строит амбициозные планы по развитию Гвадара, стремясь сделать его вторым Дубаем. Однако в этом Пакистану придется преодолеть много трудностей, и одна из них – решение вопроса о доставке питьевой воды в город. Да и в целом проект очень дорогой, так как используются исключительно привозные материалы.

Планы строительства порта разрабатывались с начала 90-х годов, когда федеральное правительство Пакистана, ставя целью развитие принципиально новой транспортной инфраструктуры, включило в VIII-ой пятилетний план экономического развития сооружение порта. Однако планам не суждено было осуществиться из-за отсутствия финансирования.

В чем, собственно, состоят технические задачи развития порта? В первую очередь, в углублении фарватера для прохода торговых судов, а также в расширении судоходного канала, глубина которого по проекту должна составлять 14,5 метра. Новейшая инфраструктура порта также позволит принимать нефтеналивные танкеры водоизмещением свыше 100 тыс. т, что ставит его вне конкуренции по сравнению с соседними портами (пакистанскими и иранскими).

В 60–70-х годах власти Пакистана ставили подобную задачу перед портами Карачи и Казим. Однако рост товарооборота Пакистана заставляет думать, что уже сегодня совокупных перевалочных мощностей обоих портов (25 млн. т и 17 млн. т в год соответственно) в ближайшее время будет недостаточно.

Но для страны, которая поставила цель в ближайшие 25 лет увеличить ВВП до 700 млрд. долл., требуется качественное совершенствование портовой инфраструктуры в целом. Именно поэтому федеральное правительство Пакистана отказалось от идеи делать ставку только на модернизацию портов Карачи и Казима, а также из-за их удаленности от основных морских судоходных путей в Индийском океане и, следовательно, дополнительных временных затрат для захода в эти порты, ограничений по осадке торговых судов и танкеров. Техническое перевооружение этих портов, бесспорно, будет проводиться, но с увеличением грузопотока через Гвадар они будут терять статус основных морских ворот Пакистана.

Гвадар как основной конкурент иранских портов

С введением в эксплуатацию уже первой очереди порта встанет вопрос о перераспределении нефтяных и газовых потоков между портами в регионе. Сегодня транспортировку нефти осуществляют ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар, Иран. Техническое состояние их портов отвечает современным требованиям, за исключением иранских, которые к настоящему времени уже устарели. Иран не обладает достаточной инфраструктурой для перевозки углеводородного сырья из стран Центральной Азии. Порт Бандар Аббас имеет два нефтяных терминала, а порт Чахбар только один небольшой терминал, и несмотря на ввод в эксплуатацию построенных глубоководных причалов для обслуживания судов водоизмещением от 45 тыс. до 100 тыс. т, уже сегодня этих мощностей недостаточно для обработки возрастающих потоков углеводородов из региона³.

Иран рассматривает строительство порта Гвадар в непосредственной близости от своих границ как угрозу своим портам, в первую очередь, порту Чахбар. Иранские власти озабочены перспективами возможного сокращения объемов перевалки грузов через этот порт. Отсутствие общего плана развития порта заставляет власти искать хотя бы незначительные проекты для поддержания его жизнедеятельности. Так, 29 мая 2005 г. в Захедане состоялось расширенное совещание представителей деловых кругов Ирана и Афганистана по вопросам эффективного использования порта Чахбар для транзита грузов в Афганистан. Председатель торговой палаты Кандагара заявил, что в настоящее время 400 афганских предпринимателей готовы вести торговлю через порт Чахбар, но на льготных

условиях. Они просят освободить их от портовых и таможенных сборов. Кроме того, они просят разрешить транзит скота из Индии в Афганистан. Иранская сторона заверила афганских предпринимателей в готовности администраций провинций Систан и Белуджистан обеспечить транзит афганских товаров через Чахбар и всемерно развивать торговлю с Афганистаном, прежде всего, с провинцией Кандагар. Консул Афганистана в Захедане в своем выступлении отметил благоприятные условия для транзита афганских товаров через Чахбар. Он заявил: «Ввод в строй пакистанского порта Гвадар в качестве конкурента порта Чахбар создает последнему серьезную угрозу»⁴. Более того, международная изоляция Ирана резко сокращает использование в целом его портовых мощностей.

Гвадар в региональной стратегии Китая

При разработке генерального плана строительства порта федеральные власти Пакистана официально объявили еще об одном важнейшем направлении – развитии торгово-экономических связей с западными провинциями Китая.

В 1978 г., когда в КНР был провозглашен курс на развитие рыночных отношений, прибрежные районы восточного Китая получили мощный стимул к развитию. Темпы экономического развития западных провинций отставали по ряду причин, в том числе из-за отсутствия выхода к морю. Отставание с годами становилось очевиднее. Этот регион охватывает до 70% территории Китая, а проживает здесь всего лишь треть (30%) жителей страны. Компартия Китая разработала план развития западных территорий, непосредственно граничащих с пакистанской провинцией Белуджистан, инвестировав 88 млрд. долл.

Сегодня Китай открыто говорит, что рассматривает Пакистан в качестве промышленной базы для китайских компаний, вывоза и размещения производственного оборудования для развития малого и крупного бизнеса, установки сборочных линий, в частности, в Белуджистане, осуществления экспортно-импортных операций со странами Ближнего Востока, Африки, Центральной Азии и т.д.

Областями сотрудничества между двумя странами являются химическая промышленность, поставки железнодорожного подвижного состава, строительство объектов инфраструктуры, автомобильных дорог, портов, мостов, жилых домов, консалтинг и т.д.

Двустороннее экономическое сотрудничество Китая и Пакистана началось еще в 60–70-е годы XX в., когда они совместно построили Каракорумское шоссе, протяженностью 1,2 тыс. км.

Со своей стороны, Пакистан заинтересован в экономическом сотрудничестве с Китаем. Хотя обе страны стремятся к развитию торговых связей, уровень двусторонней торговли находится еще на низком уровне, и сегодня составляет всего 2,4 млрд. долл. Обе страны заинтересованы в увеличении товарооборота как между собой, так и в регионе в целом. В этом кроется основная причина – почему Китай так рвется к Индийскому океану и вкладывает миллиардные инвестиции в развитие портовых мощностей Гвадара.

В целом, по планам Пекина, порт Гвадар должен отвечать трем основным целям. Во-первых, интегрировать Пакистан в экономику Китая (вывоз из «Поднебесной» устаревших технологий, использование местного населения как источника дешевой рабочей силы, кратчайший доступ к природным богатствам в прилегающих районах для развития собственной промышленности в целях превращения Пакистана в гигантскую фабрику для Китая).

Во-вторых, через территорию Пакистана получить доступ к рынкам Центральной Азии для импорта энергоресурсов и экспорта китайских товаров. С этой целью разворачивается строительство крупнейших инфраструктурных объектов и дорог через Афганистан и Пакистан.

В-третьих, «успокоить» западные провинции Китая (в 80–90-е годы мусульманское большинство населения выражало недовольство экономической политикой властей), привлекая инвестиции в экономику западной провинции, а также усиливая экономические связи региона с мусульманскими странами Центральной Азии и Пакистана.

Но, помимо перечисленных приоритетов, существует еще одна важная задача для Китая – ему нужен выход к Индийскому океану, чтобы «вызволить» из плена сухопутную провинцию Синьцзянь. Поэтому он крайне заинтересован в крупных транснациональных проектах, будь то строительство скоростного шоссе или железнодорожной магистрали из западных провинций через Белуджистан до побережья океана.

Растущие потребности Китая в электроэнергии и быстрый рост экономики страны «подогревают» энергетическую игру на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Около 60% энергоре-

сурсов Китай покупает у стран Персидского залива. Он вышел на рынок энергоресурсов Казахстана, купив компанию Петро Казахстан за 4,2 млрд. долл. Подобную интервенцию Китай провел в Судане, Нигерии, Венесуэле и других странах. Экономические амбиции Китая, который в ближайшем будущем обещает стать крупнейшей экономикой мира, уже сегодня имеют колоссальное влияние на регион в целом, и на Пакистан, в частности. Именно Китай «подталкивает» Пакистан навстречу рынкам энергетических ресурсов стран Центральной Азии.

Некоторые американские аналитики полагают, что Китай рассматривает Гвадар как транзитный терминал сырой нефти из Ирана, Центральной Азии и Африки для западных провинций Китая.

Пакистан не в состоянии самостоятельно «поднять» столь крупный проект, как строительство порта, ни финансово, ни технически. И именно после того, как Китай предоставил инвестиционный пакет, строительство порта началось.

Но Китай в 2001 г. согласился оказать финансовую и техническую помощь, потребовав от Пакистана предоставить государственные гарантии для использования в своих целях инфраструктуры порта, несмотря на протесты США.

В 90-е годы XX в. Китай первоначально отказался финансировать строительства порта. Причина – Пакистан предложил США монопольный доступ на две важнейшие авиабазы в Джакобабаде (провинция Синд) и в Пашни (провинция Белуджистан) в период ввода американских войск на территорию Афганистана. Китай и Индия были озабочены тем обстоятельством, что Пакистан разрешил США установить станции радиолокационного перехвата в северных территориях Пакистана, граничащих с китайской провинцией Синцзянь и Тибетом. Начиная с 2002 г., **США**, устроив свои базы в Центральноазиатских государствах, странах Южной и Западной Азии, вплотную приблизились к Китаю. Пекин всегда волновало и мощное присутствие американцев в Персидском заливе, которые контролируют в указанном районе до 60% энергоресурсов, транспортируемых в США.

Лишь спустя четыре месяца после ввода американских войск на территорию Афганистана в 2001 г. для свержения режима Талибан, Китай и Пакистан приняли совместно решение о строительстве глубоководного порта на побережье Аравийского моря.

Правительство Пакистана инициировало несколько проектов при финансовой и технической поддержке, в первую очередь, Китая для развития Гвадара как торгового и транзитного порта. Первый и основной проект – строительство глубоководного порта для крупных нефтеналивных танкеров и торговых судов.

Для реализации первого этапа строительства китайская сторона предоставила Пакистану заем на 1,16 млн. долл. Согласно договоренностям, правительство Пакистана выделяло на реализацию проекта 50 млн. долл., а Китай предоставил в общей сложности 198 млн. долл., которые распределялись следующим образом:

– грант 18 млн. долл., дополнительный вспомогательный грант 31 млн. долл., беспроцентный заем 31 млн. долл., льготный кредит правительства 58 млн. долл., частные инвестиции 60 млн. долл.

Реализация этого проекта разделена на несколько этапов.

Строительство первой очереди началось 22 марта 2002 г., и уже с января 2003 г. порт принимает торговые суда с грузом для собственного строительства.

Завершение первого этапа проекта предусматривает строительство трех многофункциональных причалов для стоянки морских судов, включая инфраструктуру для перевалки сырой нефти с нефтеналивных танкеров.

Успех пакистано-китайского сотрудничества в реализации первого этапа строительства порта Гвадар дал толчок развитию торгово-экономических отношений между двумя странами. Пакистан уже предоставил Китаю статус наиболее благоприятствуемой нации и в настоящее время установил зону свободной беспошлинной торговли. Важно то, что инвестиции Китая в экономику Пакистана за последние два с половиной года увеличились на 30%, что составляет в целом 4 млрд. долл. Количество китайских компаний достигает 500, или 12% общего числа иностранных компаний, действующих на территории Пакистана, а число работающих в них китайских специалистов достигает 3 тыс. человек.

Со своей стороны, Китай открыл провинцию Синцзянь для шести мусульманских стран – Афганистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Пакистана и Узбекистана.

Гвадар будет перевалочным пунктом для импорта и экспорта китайских товаров, которые далее планируется перево-

зить по железной дороге или по скоростной автомагистрали (планы разрабатываются) до Каракорумского шоссе в районе северных территорий Пакистана, и далее до автономного района Синцзянь, расположенного на северо-западе Китая.

Основные строительные работы завершены, но развитие инфраструктуры требует дополнительных средств. Соглашение о предоставлении кредита в размере 22,2 млн. долл. для дноуглубительных работ было подписано с Китаем уже после официальной церемонии открытия порта. Дело в том, что акватория побережья постоянно заливается, и для беспрепятственного прохождения в порт требуется специальный отводной канал. Землечерпательные работы осуществляются китайской компанией.

Планируется, что груз, доставляемый судами в порт Гвадар, будет транспортироваться во внутренние районы страны двумя путями: морским – из Гвадара в Карачи небольшими транспортными судами, и сухопутным путем – по приморскому шоссе.

Планируется, что и второй этап также будет финансироваться Китаем. Для соединения западных провинций Китая с Центральной Азией наземным путем Пакистан строит дорогу от г. Чаман в провинции Белуджистан к афганскому городу Кандагар. На северо-западе ведется строительство еще одной дороги, идущей от города Торхам к Северо-Западной пограничной провинции до Джелалабада в Афганистане.

В настоящее время федеральное правительство Пакистана еще не определилось со сроками перехода ко второй стадии строительства порта и с основным инвестором. Товарооборот порта будет складываться из ожидаемого грузопотока из Западного Китая, Афганистана и Центральной Азии, а также потока углеводородного сырья из стран Центральной Азии.

Второй этап строительства порта предусматривает, помимо сооружения новых девяти морских причалов, также установку оборудования для ночной навигации. Стоимость второго этапа проекта составляет около 600 млн. долл.

Вопрос об инвесторе принципиален для Пакистана, который отчетливо понимает, что долговременное присутствие Китая в регионе повлечет определенные трудности для него самого. В подобной ситуации Пакистану следует соблюдать жесткий баланс между «проверенным временем другом» и другими союзниками.

Стратегическое значение порта велико для Пакистана и для Китая. Рядом с портом развернулось строительство пакистанской военно-морской базы. (В настоящее время она расположена вблизи порта Карачи, что делает ее крайне уязвимой из-за близости к границе с Индией). А Китай крайне заинтересован в заходе своих военных кораблей в порт Гвадар. С одной стороны, возможное присутствие китайских военных кораблей в Индийском океане вызовет крайнее неудовольствие как у США, так и у Индии. С другой стороны, Китай также озабочен присутствием США в Персидском заливе, опасаясь, что Вашингтон может повлиять на поставки энергоресурсов в Китай.

Некоторые аналитики полагают, что Китай использует порт Гвадар в качестве гидроакустического поста, контролирующего перемещения военно-морских сил США в этом районе, а также американо-индийское военное сотрудничество в ближайшей перспективе.

Вторым крупным пакистано-китайским проектом является строительство скоростной автомагистрали от Гвадара до Карачи, стоимостью 200 млн. долл. Она полностью финансируется также Китаем. Следующий проект – железнодорожный и трубопроводный – охватывает путь от Гвадара через всю территорию провинции Белуджистан до Китая.

Президент Пакистана не раз высказывался о необходимости скорейшего завершения разработки ТЭО проекта транспортировки нефти через горные районы Пакистана на северо-восток. Проект строительства нефтепровода обсуждается, но его строительство откладывается.

С вводом в эксплуатацию порта Гвадар Китай получил альтернативной вариант транспортировки энергоресурсов на случай нарушения графика их поставки танкерами через Аравийское море или Малаккский пролив.

Помимо географического соседства, Пакистан и западные провинции Китая сближают и этнические связи. Уйгуры, представляющие мусульманское большинство в китайской провинции Синцзянь, мигрируют в соседние страны. Количество уйгуров, населяющих провинцию, постоянно снижается – с 90% в 1949 до 47% в 2004 г. Десятки тысяч уйгуров, начиная с конца 40-х годов XX в., переселились в Пакистан, где они компактно проживают в двух крупнейших городах – Карачи и Лахоре.

С начала XXI в., как полагают многие аналитики, **Китай** проводит политику установления стратегических отношений на

всей протяженности береговой линии от Ближнего и Среднего Востока до Южно-Китайского моря, переходя от тактики обороны к тактике наступления с целью защиты своих энергетических источников, а также повышения обороноспособности страны.

В этой связи следует упомянуть и проект строительства газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Китай, согласно которому Пекин планирует закупать 30 млрд. куб. м природного газа ежегодно в течении 30 лет⁵. Все технические согласования контракта должны были быть завершены к 31 декабря 2006 г., и согласно первоначальным договоренностям в декабре 2009 г. планировалось пустить «голубой поток» по трубам. Но в связи с кончиной в ноябре 2006 г. президента Туркменистана С. Ниязова, одного из основных авторов транснационального проекта, реализация его откладывается на неопределенное время. Пакистану в этом многомиллиардном проекте отводится роль «транзитной страны», которая получает возможность диктовать тарифы на прокачку углеводородного сырья. Благодаря этому проекту Пакистан будет включена в региональный газовый консорциум.

Центральноазиатский фактор в стратегических планах Пакистана

Строительство порта Гвадар открывает принципиально новые торгово-экономические и политические возможности во взаимоотношениях Пакистана со странами Центральной Азии. Прежде всего, с портом связаны такие мега-проекты как строительство международного газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия, а также транспортные проекты (железнодорожный и автомобильный, транспортный коридор «Север-Юг»), маршруты которых будут проложены параллельно от региона Центральной Азии до порта Гвадар.

Пакистан рассматривает порт как стратегический пункт по транспортировке сжиженного газа в системе международного газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан, протяженность которого 1,5 тыс. км. Ведутся переговоры о строительстве газопровода до Индии. Именно поэтому генеральный план строительства нового порта также включает в будущем монтаж установок по перекачке газа. Страны Центральной Азии, не имеющие открытого выхода к морю, получают его благодаря Гвадару, который пакистанские власти планируют объявить особой экспортной зоной (зона с беспошлинным режи-

мом ввоза товаров с целью их переработки и последующего реэкспорта). Со своей стороны, Пакистан получит доступ к рынкам Центральной Азии через Афганистан.

Для укрепления отношений Пакистана со странами Центральной Азии в рамках Организации экономического сотрудничества, президент П. Мушарраф посетил Узбекистан и Киргизию в 2005 г., спустя почти десять лет после визита бывшего президента Пакистана Фарука Легхари в 1996 г.⁶ Основное внимание было уделено расширению двустороннего сотрудничества, подписаны более 100 соглашений с этими странами.

Важным фактором укрепления положения Пакистана в регионе является принятие его 5 июля 2005 г. в Шанхайскую организацию сотрудничества в качестве наблюдателя наряду с Индией, Ираном, Монголией. Организация представляет собой гигантский трансконтинентальный механизм, связывающий западное и восточное крыло Евразии, в котором Пакистан планирует активно играть роль связующего звена (страны Южной Азии, Западной Азии, Южной и Центральной Азии).

Порт Гвадар в американской политике в Южной Азии

США с настороженностью следят за строительством порта. Их устраивает сложившаяся десятилетиями система транспортировки углеводородов из стран Персидского залива, распределение полномочий и возможность оказывать политическое и военное влияние в регионе. И появление принципиально новых транспортных коридоров, а также новых игроков в регионе на сырьевом рынке с развивающейся инфраструктурой по транзиту сырой нефти или перекачке природного газа вызывает у Соединенных Штатов повышенную озабоченность. Также они открыто говорят о нежелании видеть китайские военные корабли вблизи Персидского залива. Вместе с тем, американцы заинтересованы в строительстве газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия, который пройдет через Гвадар. Первоначально предполагалось, что газ пойдет не из Туркменистана, а из Ирана. Еще в марте 2005 г. госсекретарь США К. Райс заявила, что США выступают против закупок Индией природного газа у Ирана из-за натянутых отношений с последней.

США заинтересованы в отстранении Ирана от проектов транспортировки углеводородного сырья в Пакистан и далее в Индию, так как стремятся продвинуть независимый от России

вариант прокачки природного газа из стран-бывших республик Советского Союза, в частности, Туркмении.

Строительство туркменского трубопровода позволит нефтяным и строительным компаниям США участвовать в борьбе за контракты на строительство трубопровода на территории Туркменистана. В случае участия Ирана подобные контракты сегодня исключены.

Строительство газопровода, в свою очередь, свяжет и Пакистан, и Индию единым международным контрактом.

Порт Гвадар в индо-пакистанских отношениях

В период индо-пакистанского вооруженного конфликта 1971 г. блокада индийскими ВМС порта Карачи оказала серьезное влияние на темпы экономического развития страны. В 1999 г. во время Каргильского конфликта Индия пригрозила вновь блокировать его⁷.

В противовес пакистано-китайскому торгово-экономическому сотрудничеству Индия стремится укрепить экономические связи с Афганистаном и Ираном. В настоящее время она крайне заинтересована в кратчайшем пути для транспортировки товаров в Афганистан и Центральную Азию. Одним из совместных индо-иранских проектов является модернизация иранского порта Чабхар, который будет принимать индийские экспортно-импортные грузы, направляемые как в Центральную Азию, так и в Афганистан. Со своей стороны, Индия оказывает помощь в строительстве дороги, соединяющей Чабхар с Афганистаном.

Пакистан крайне заинтересован в проекте, чтобы укрепить свои позиции к юго-западу от своей основной военно-морской базы вблизи порта Карачи. Военный аспект проекта заключается в создании базы ВМС, способной конкурировать с иностранными военно-морскими силами в регионе.

Строительство мощного морского порта с новейшими технологиями в недосыгаемости для индийских ВМС – блестящий шанс для Пакистана продемонстрировать Индии свою военно-морскую мощь. Именно поэтому Исламабад планирует построить третью военно-морскую базу в Гвадаре, откуда легко контролируется западное побережье Индии, а также Восточная Африка и район Персидского залива. Порт будет оснащен современной системой противовоздушной обороны, здесь будет дислоцирован военный гарнизон.

Порт Гвадар и белуджские сепаратисты

Отношение к строительству порта в провинции Белуджистан неоднозначное. С одной стороны, провинциальное правительство поддерживает проект, а с другой, – встречает резкое сопротивление белуджских националистов, которые рассматривают его как очередное давление центральных властей, где доминирует панджабская правящая элита, на провинциальную администрацию, а также как попытку «колонизировать природные ресурсы» провинции.

Осуществление проекта замедляется из-за вооруженного сопротивления националистических группировок белуджей. На территории провинции действуют несколько повстанческих группировок. Наиболее известные – Армия освобождения Белуджистана, Фронт освобождения Белуджистана и Народная освободительная армия. Часто агрессия направлена против иностранцев, работающих в провинции, и в частности, в Гвадаре. В 2004 г. были убиты три китайских специалиста и несколько ранены. Но подобная статистика не останавливает притока рабочей силы из Китая.

Как видно, вокруг Гвадара разгораются жаркие дискуссии. Ведь стратегическая привлекательность порта велика. Она определяется возможностью консолидировать и управлять энергетическими ресурсами, которые пойдут из регионов Центральной Азии и Ближнего и Среднего Востока на мировой рынок углеводородов. Таким образом в начале XXI в. Пакистан вступает в мировой нефтяной клуб, развивая портовую и газо-нефтеперерабатывающую инфраструктуру, получая доступ к регулированию объемов прокачки углеводородов в одном из важнейших регионов мира. Помимо этого, он усилит свои позиции как морской державы в Индийском океане, а к тому же получит плацдарм для развития торгово-экономического сотрудничества.

¹ Dawn, Karachi, June 14, 2006.

² The Nation, 11 June 2005.

³ По сообщению Агентства ИРНА – 30 мая 2005 г.

⁴ Там же.

⁵ *Neytralnyy Turkmenistan, Text of Turkmen-China gas pipeline deal*, April 05, 2006.

⁶ Dawn, February 19, 2005.

⁷ Pervez Musharraf, *In the Line of Fire. A memoir*. Free press New York London Toronto Sydney. A Division of Simon & Schuster, Inc. 1230 Avenue of the Americas New York, NY 10020.

**ИТОГИ ПОСЛЕДНИХ ВЫБОРОВ В ИРАНЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ**

Структура государственной власти в ИРИ характеризуется сочетанием республиканских и религиозных органов, в которые избираются преимущественно представители духовенства. Помимо Верховного лидера – рахбара, стоящего во главе страны, Наблюдательного совета, контролирующего деятельность парламента (меджлиса), Совета по целесообразности, исламские органы власти представляет и Совет экспертов. Согласно Конституции ИРИ, – это структура, которая осуществляет контроль за деятельностью главного лица государства, может сместить его в случае несоответствия требованиям, определенным Конституцией, или неспособности исполнять свои обязанности и избрать новую кандидатуру. Выборы этого органа проходят раз в 8 лет на основе прямого всеобщего голосования. Дважды в год Совет собирается для подтверждения правильности линии рахбара и его соответствия занимаемому посту. Члены Совета работают в различных комиссиях, и, в основном, заняты рассмотрением писем и жалоб, поступающих на имя Совета. На своих заседаниях они обсуждают действия и указания рахбара, однако дебаты не афишируются, и подробные отчеты о заседаниях Совета не публикуются. Сведения о работе этого органа, поступающие в средства массовой информации, очень ограничены. При Совете экспертов создан центр исследований по проблемам исламского правления, который можно считать одним из очагов исламской политической мысли в Иране.

Подготовка и проведение выборов в Совет экспертов считается важнейшим событием внутренней жизни ИРИ, поскольку лишь этот орган имеет возможность легитимно переизбрать главное лицо в государстве. За 27-летний период существования исламского режима Совет экспертов избирался трижды. Но

выборы рахбара проходили лишь единожды в 1989 г. После смерти аятоллы Хомейни Совет на своей чрезвычайной сессии рахбаром избрал А. Хаменеи. На декабрь 2006 г. были назначены выборы 4-го состава Совета. Они вызвали огромный интерес как внутри страны, так и за рубежом, ведь, с одной стороны, они проходили в обстановке обострения международной ситуации вокруг Ирана и в ожидании решения СБ ООН о принятии санкций, что обостряло внутреннюю ситуацию в стране и вызывало у определенных слоев недовольство линией руководства ИРИ во внешнеполитической сфере. С другой стороны, ввиду периодически появляющихся сообщений о тяжелой болезни рахбара (которые резко опровергались иранскими информационными агентствами) предполагалось, что результаты выборов могут непосредственно оказать влияние на будущий политический курс страны.

Предвыборная кампания проходила в условиях обострения политической борьбы, выразившейся в усилении размежевания внутри основных партийных фракций и их соперничестве по поводу представления единого списка кандидатов. За последние три года в стране произошла определенная перегруппировка политических сил. На выборах в исламские советы в декабре 2002 г. победили представители неоконсерваторов, создавшие коалицию «Абадгаран»¹, которые в 2004 г. получили наибольшее число мест в меджлисе и сформировали фракцию большинства, названную «осульгарайан» (фундаменталисты). Некоторые аналитики считают, что с этого момента можно говорить о появлении на арене политической жизни ИРИ третьей силы помимо двух основных течений: консерваторов (мохафезекаран) и реформаторов (эслахталабан). Однако большинство исследователей склонны рассматривать осульгарайан как радикальную группировку в лагере консервативных сил. Об этом свидетельствует и тот факт, что на страницах аналитических изданий в самом Иране эти два термина используются по отношению к одним и тем же политическим партиям и организациям². Очевидно, что такие термины, широко используемые в российской и западной научной литературе и СМИ, еще не совсем устоялись в Иране, поэтому уместно говорить о реформаторах и консерваторах, выделяя при этом отдельные политические спектры внутри каждого из течений.

После победы неоконсерваторов на президентских выборах 2005 г. и смещения представителей реформаторов и кон-

серваторов-традиционалистов со всех постов в государственном аппарате наблюдалась концентрация трех ветвей власти в руках крайне правых сил. Политика президента страны, опирающегося на поддержку исламских радикалов, и их явное стремление захватить в свои руки руководство всеми консервативными силами, вызвала недовольство со стороны традиционных авторитетов этого движения. Некоторые из политических партий и группировок консервативного толка поддержали на выборах М.Ахмадинежада, однако за прошедшие полтора года разочаровались в политике президента и постепенно стали дистанцироваться от его явных сторонников. Консерваторы-традиционалисты (умеренные) основной задачей на этих выборах считали укрепление своих позиций в Совете экспертов с тем, чтобы восстановить определяющее влияние на политическую жизнь страны. Крыло реформаторов также рассматривало декабрьские выборы как возможность вновь заявить о себе как о политическом течении, способном бороться за власть, и оценить свои силы перед будущими парламентскими выборами. Сторонники президента надеялись укрепить полученные полномочия. Иранская пресса называла надвигающиеся выборы первым экзаменом для президентской команды.

Дополнительную остроту предвыборной кампании придавало то обстоятельство, что выборы в Совет экспертов по срокам совпадали с избранием местных исламских советов, и меджлис принял решение об объединении выборов, а также о проведении одновременно и промежуточных выборов в меджлис. Согласно избирательному законодательству ИРИ, в стране почти каждый год проводятся выборы, что связано со значительным расходом сил и средств. Парламент озабочен таким положением дел и поставил на рассмотрение вопрос о совмещении выборов. В ходе активных дебатов также отмечалось, что частые выборы вызывают политическую апатию у населения. А это приводит к сокращению количества голосующих. Вопрос об объединении выборов Совета экспертов и местных исламских советов был решен достаточно быстро. Причем в целях экономии средств меджлис рекомендовал провести следующие выборы в Совет лишь через 10 лет, одновременно с выборами в меджлис. При этом подчеркивалось, что увеличение срока полномочий нового Совета экспертов допущено лишь единожды, в виде исключения. Одновременно в меджлисе рассматривался вопрос и о совмещении выборов в

меджлис следующего, 8-го созыва, с выборами президента. Некоторые депутаты высказывали мнение, что этот проект, в дополнение к сокращению расходов бюджета, должен сблизить взгляды парламентариев и избранного президента, что благоприятно скажется на политической жизни в стране.

Дискуссия по этой проблеме в меджлисе и в прессе продолжалась и после прошедших 15 декабря выборов, которым в целом была дана положительная оценка. В ходе дебатов подчеркивалось, что депутаты меджлиса не имеют права вносить изменения в конституцию страны, определяющую сроки полномочий президента и парламента. Несмотря на резкие протесты правоведов и спикера меджлиса, депутаты большинством голосов приняли решение об объединении этих выборов, предложив либо сократить срок полномочий президента, либо продлить деятельность 7-го меджлиса. Однако Наблюдательный совет, как и предполагалось заранее, не отвергая в целом идею объединения, выступил резко против изменения сроков полномочия основных государственных структур и рекомендовал в будущем объединять выборы президента с выборами в местные советы, меджлис и Совет экспертов. Однако депутаты еще сохраняют надежду на то, что Ассамблея по целесообразности, которая должна быть арбитром в случае несогласованности между парламентом и Наблюдательным советом, поддержит их решение³. Такая активность депутатов может быть объяснена возрастающим в меджлисе недовольством политической президентом, хотя вероятность сокращения срока его полномочий очень мала.

В ходе предвыборной кампании в Совет экспертов в 2006 г. выдвигались даже кандидатуры женщин и недуховных лиц. Хотя в законе о выборах в Совет экспертов прямо и не указывается, что членом совета должно быть лицо духовного звания, от кандидата требуется хорошее знание мусульманского права, понимание политических и социальных проблем общества, а также «всеобщее признание». Членами трех предыдущих составов Совета были только духовные лица. Согласно выборному законодательству, кандидаты, выдвигаемые в Совет экспертов, должны получить одобрение Наблюдательного совета. И на этот раз вотум доверия от совета получили лишь представители духовенства. Наблюдательный совет попытался оказать определенное влияние и на расклад политических сил внутри будущего Совета экспертов. За последние два года во

время парламентской и президентской избирательных кампаний этот совет уже проявил себя, заблокировав возможность участия в выборах для ряда известных представителей реформаторского крыла. На этот раз даже ряд кандидатов наиболее представительной реформаторской организации Маджма-е руханийун-е мобарез (Ассамблея борющегося духовенства), таких как Маджид Ансари, Хади Хаменеи и Сейед Мохаммад Хосейн Арсанджани, не были допущены к выборам.

Половина членов Наблюдательного совета назначается рахбаром, и на деле получается, что опосредованным образом он сам участвует в одобрении лиц, выдвигаемых в Совет экспертов, который должен подтверждать правильность линии рахбара. Накануне выборов кандидатами в Совет экспертов были выдвинуты некоторые члены Наблюдательного совета, например его секретарь аятолла Джанати. В связи с этим встает вопрос: «Кто и каким образом подтверждает их благонадежность?» Ведь, как представляется, подтверждение благонадежности Наблюдательным советом кандидатур, выдвигаемых в Совет экспертов, не лишено определенной двусмысленности, поскольку получается, что его члены удостоверяют свое собственное соответствие предъявляемым требованиям. Накануне выборов об этом много говорилось в реформаторском лагере. Особой резкостью отличались заявления М. Карруби, протестующего против ужесточения подходов Наблюдательного совета к оценке прошлого кандидатов и стремления этого органа вмешаться также и в выборы местных исламских советов.

По мере приближения выборов стало ясно, что внутри основных политических течений происходят внутренние размежевания, и ни одно из них не может выдвинуть единого списка кандидатов.

Реформаторское крыло после президентских выборов пыталось провести перегруппировку сил и достичь единства мнений. Однако ему не удалось избежать внутренних разногласий, о чем свидетельствует появление летом 2005 г. и в дальнейшем укрепление партии «Этемад-е мели» (Народное доверие) под руководством бывшего спикера меджлиса М. Карруби, вышедшего из «Ассамблеи борющегося духовенства», а также образование нового предвыборного объединения реформаторов «Джомбеш-е мардоми-йе эслахат» (Народное движение за реформы) накануне выборов. В отличие от предыдущих выбо-

ров, когда реформаторское крыло возглавляла «Маджма-е руханийун-е мобаррез», на этот раз лидирующие позиции заняли партии умеренной ориентации, выдвинувшие своих кандидатов.

Необходимо отметить, что реформаторское крыло свои основные надежды на возвращение на политическую арену связывало именно с местными выборами, поскольку, во-первых, кандидаты не должны проходить утверждение Наблюдательного совета, а во-вторых, местные советы действуют достаточно независимо от центрального правительства, сами выдвигают кандидатуру мэра, решают все муниципальные проблемы. Короткая история деятельности исламских советов свидетельствует о том, что они оказывают значительное влияние на внутривластную жизнь страны. Реформаторы победили в 1999 г. на первых выборах и полностью контролировали три года их деятельность. Однако из-за недостаточного внимания к пропагандистской кампании во время вторых выборов в советы, проходивших в период разочарования населения страны деятельностью правительства Хатами (следствием чего стала менее, чем 20%-я явка избирателей на выборы в Тегеране), неконсерваторам удалось взять советы под свой контроль и начать с этого момента восхождение в структуры государственной власти. Осознавая, что от результатов этих выборов будет зависеть и выбор будущего курса страны, реформаторы решили взять реванш. Благодаря вмешательству М. Хатами, в самый канун выборов удалось достичь согласия внутри лагеря и сформировать единый коалиционный список кандидатов, который поддержали представители различных спектров этого политического течения, что может рассматриваться как уникальное явление в истории реформаторов.

Со своей стороны, проправительственные силы сделали попытку поставить под контроль избирательную кампанию в местные советы, поскольку они имели большинство в комиссиях, созданных на местах для одобрения предложенных кандидатур. В ряде городов страны представители реформаторов были вычеркнуты из списков кандидатов как неблагонадежные лица. Однако среди кандидатов в тегеранский совет прошли одобрение известные всей стране лица – вице-президент М. Эбтекар, директор Организации планирования и бюджета М.А. Неджаби и другие государственные деятели правительства Хатами. В меджлис был внесен законопроект об изменении возрастного ценза при выборах в местные советы с 15 до 18 лет,

хотя он еще не был применен на декабрьских выборах⁴. Один из ближайших советников президента – М. Самаре Хашеми – был назначен на должность заместителя министра внутренних дел, отвечающего за политические вопросы. В этом новом качестве Самаре осуществлял контроль за проведением выборов.

Если реформаторам в последние дни перед выборами удалось достичь согласия по выдвигаемым кандидатурам и представить отдельный список, то их оппоненты оказались в более раздробленном состоянии, которое аналитики объясняют ее заинтересованностью во внутрипартийных делах и борьбой за лидерство, чем стремлением к защите общенациональных интересов, что и привело к отсутствию взаимопонимания.

В период предвыборной кампании, по мнению ряда аналитиков, лагерь консерваторов оказался расколотым на несколько течений. «Сторонники правительства и президента», «Ученики Месбаха Йазди» представляли самые крайние, радикальные группировки. Отдельно выступали умеренные консерваторы, или традиционалисты, а также прагматики. Расхождения политических взглядов в этом крыле обычно маскировались, афишировались же согласие и духовное единство. Однако на этот раз политическое течение, назвавшее себя «Нохбеган-е хоузе ва данешгах» (больше известное как «Ученики Месбаха Йазди» на выборах в Совет экспертов или «Сторонники Ахмадинежада» на выборах в исламские советы) открыто заявило о своих разногласиях с традиционалистами⁵ и предприняло активные усилия для того, чтобы не допустить своих основных конкурентов – Хашеми Рафсанджани и Хасана Роухани до участия в выборах. Эта группа, представляющая крайних исламских радикалов, духовным лидером которых считается основной конкурент Хашеми Рафсанджани Месбах Йазди, не только выступила с резкой критикой политической линии умеренных консерваторов, но и открыто заявила о своей несогласии с системой выборов в ИРИ, хотя и приняла в них активное участие. По их мнению, духовный лидер страны должен получать законную власть не от имени народа, а от Бога. Такое утверждение не находит поддержки у других представителей консервативного лагеря⁶.

Центристские силы консерваторов на выборах в Совет экспертов были представлены Джамее-ей руханият-е мобаррез (Обществом борющегося духовенства) и Джамее-ей модарресин-е хоузе-йе элмией-йе кум (Обществом преподавателей Кумского учебного центра). Эти организации на выборах Сове-

та экспертов представили общий список кандидатов, и в результате получили большинство представителей в этом органе. С отдельным списком кандидатов выступила и партия Каргозаран, представляющая консерваторов-прагматиков, но по своим взглядам довольно близкая к реформаторам. Своим лидером они считают Хашеми Рафсанджани.

На выборах в местные советы консерваторам также не удалось выдвинуть единый список кандидатов. Даже проправительственные силы раскололись на два течения: одно представляло сторонников Ахмадинежада, другое – мэра Тегерана – Галибафа, известного более как профессионал в области управления, чем как политический функционер.

Умеренные консерваторы, десять лет назад упустившие из своих рук основные рычаги государственной власти, но сохраняющие сильные позиции в экономике страны, также рассматривали свое представительство в исламских советах как возможность для укрепления политического влияния и возвращения во властные структуры. Поскольку на пути формирования единого списка своих кандидатов они столкнулись с неразрешимыми проблемами, было принято решение представить коалиционный список консерваторов, в который вошли по пять кандидатов от представителей Ахмадинежада, Галибафа и Джабхе-йе пейраване хат-е эмам ва рахбари – коалиции ряда консервативных партий, костяк которого составила партия «Моталефе» (Партия исламской коалиции).

В выборах в местные советы принимали участие и независимые кандидаты, которые добились определенной поддержки голосующих (18% в столицах останов), что может рассматриваться как новое явление в политической жизни ИРИ. Поддержку электората получили известные в стране спортсмены, деятели культуры, что свидетельствует о разочарованности населения политикой основных партийных фракций и их постоянной враждой друг с другом. Некоторые обозреватели рассматривают это как проявление заинтересованности граждан в формировании третьего полюса силы в стране⁷.

Несмотря на значительные нарекания в адрес руководителей выборной кампании, можно говорить о достаточно успешном проведении выборов, так как на избирательные участки пришли 60% голосующего населения (по Тегерану данные не превышали 47%), что значительно выше числа участников предыдущих выборов.

В результате подведения итогов, которое затянулось почти на неделю, в Совет экспертов были избраны представители четырех основных политических спектров: консерваторы-традиционалисты, консерваторы-прагматики, исламские радикалы и умеренные реформаторы. Большинство мест в Совете экспертов – 64 – заняли представители Общества борющегося духовенства и Общества преподавателей кумского учебного центра, составляющие стержень консерваторов-традиционалистов, имеющие тесные связи с факихами и марджа ат-таклидами Ирана. Ряд кандидатов этого течения был поддержан и другими политическими группировками – «Учениками Месбаха Йазди» и соседствующей с ними с другого фланга партией «Каргозаран». В целом все эти организации поддерживают систему валаят-е факих и допускают лишь возможность незначительных изменений в системе властных структур⁸.

Фракцию реформаторов в этом органе будут представлять кандидаты от партии «Этемад-е мели». По многим вопросам их будут поддерживать сторонники «Каргозаран». Их представители традиционно имеют тесные связи с университетами страны, а некоторые и сами являются представителями вала-йе факих (рахбара) в университетах, но в своем большинстве критикуют систему валаят-е факих. В ходе предвыборной кампании эта фракция настаивала на введении постоянных отчетов рахбара Совету экспертов⁹. Их позиции по ряду вопросов могут совпадать с позициями умеренных консерваторов.

Необходимо подчеркнуть, что представители всех вышеперечисленных течений поддерживают Хашеми Рафсанджани и большей частью критикуют взгляды Месбаха Йазди.

Наиболее радикальные позиции в Совете экспертов будут занимать сторонники Месбаха Йазди¹⁰, который, хотя и является членом «Общества преподавателей кумского учебного центра», в последнее время выступает резко против его линии, направленной на поддержку Рафсанджани. Его группировка находится в меньшинстве, хотя и существует возможность ее объединения в Совете с представителями тех консерваторов, которые не будут разделять позиции Рафсанджани. Вместе с тем, вполне вероятно сближение реформаторов, прагматиков и традиционалистов, поддерживающих основного оппонента исламских радикалов.

Выборы в исламские советы также продемонстрировали ослабление позиций проправительственных сил, отражающих

крайне радикальные взгляды, и возвращение на политическую арену консерваторов, получивших в городских советах центральных городов останов 54% голосов, а также реформаторов (28%). Независимые депутаты заняли 17% мест в советах. В советах шахрестанов процент голосов, отданных за реформаторов, достигал 50. В Тегеранском совете из 15 мест семь получили сторонники консерваторов, четыре – реформаторов и лишь два – пропрезидентские силы, остальные – независимые¹⁰. (Большинство голосов в Тегеране набрал кандидат реформаторов М. Чамран¹¹.) В целом, такой же расклад наблюдается и в большинстве местных советов. Таким образом, в отличие от советов первого и второго созывов, в ближайшие четыре года хозяйственную и общественную жизнь столицы и останов будут определять представители двух основных политических сил страны. Новые исламские советы, которые приступят к осуществлению своих полномочий в 1386 г. по иранскому летоисчислению, будут включать и независимых депутатов.

Большинство политических комментаторов в Иране подчеркивают, что многие избиратели голосовали не за представителей тех или иных политических сил, а за известные лица. Именно привлечением партийных авторитетов, большого числа кандидатов, уже работавших в правительстве и парламенте, можно объяснить победу реформаторов и прагматиков в советах.

Давая общую оценку выборам, прежде всего надо отметить, что иранцы поддержали умеренные силы и выступили против крайне радикальных взглядов, как левых, так и правых, популистских лозунгов и обещаний правительства, за традиции, взвешенность, компетентность, прагматизм. Народ продемонстрировал желание использовать возможности и созидательный потенциал всех политических сил. Общественное мнение страны все больше и больше осознает неразумность сосредоточения всех механизмов власти и управления в руках только одной политической группировки.

Промежуточные выборы в меджлис, проводившиеся в Тегеране, Ахвазе и Баме, конечно, не могли сыграть какую-то определяющую роль в раскладе политических сил внутри меджлиса. Однако они подтвердили уже выявленную тенденцию: на вакантные места прошли представители умеренных консерваторов и реформаторов, исламские же радикалы не получили никакой поддержки. Такие настроения в обществе уже после выборов получили отклик внутри фракции осульгарайан в меджлисе.

Растущее недовольство представителей парламентского большинства линией правительства как внутри страны, так и на международной арене, и поддержкой этой линии со стороны руководства фракцией, и особенно ее председателем и вице-спикером М. Р. Бахонаром, привело к расколу внутри фракции. В конце января 2007 г. часть депутатов открыто заявила о формировании новой группы «осульгарайан-е халлаг» (фундаменталисты-созидатели). Представляют новую фракцию Х. Санхани, М. Хошчохране, О. Афруги, С. Абуталеб¹². Представители политических партий и группировок, входящие в консервативный лагерь, дали диаметрально противоположные оценки таким действиям. Так, представители партии «Каргозаран» в создании новой фракции усмотрели возможность спасти лицо меджлиса и предотвратить превращение консервативной фракции в приспешника правительства в тяжелый для страны период экономической нестабильности и введения международных санкций. Также отмечалось, что такие действия не приведут к полному расколу на правом фланге¹³. Представители коалиции «Абадгаран», подчеркнув факт существования различных точек зрения и критических оценок внутри фракции большинства, выступили против таких действий, расценили их как угрозу единству и сплоченности всех консервативных сил¹⁴.

Большую озабоченность у представителей традиционно консервативных партий вызвала предвыборная политика проправительственных группировок, стремившихся выдвинуть центристов с политической арены, что привело практически к расколу на этом фланге и обернулось их же поражением. Повидимому, стоит ожидать и дальнейшего отхода умеренных консерваторов от крайне радикальных сил и размежевания внутри проправительственного лагеря, представленного «Абадгаран», о чем уже свидетельствуют появление движения в поддержку Галибафа и его растущая критика курса правительства. Определяя стратегию на будущее, основные партии консерваторов, такие как «Моталефе», призывают к пересмотру базовых позиций «фундаментализма» и к выработке новой линии на основе политической умеренности и компетентности и выражают готовность к взаимодействию и с прагматиками, и со сторонниками Галибафа.

Со своей стороны, сторонники президента, объясняющие свое поражение на выборах неустойчивостью консерваторов и их склонностью к компромиссам, не собираются сдавать позиции. Несомненно, в преддверии следующих выборов они пред-

примут ряд шагов по сплочению и укреплению своих рядов и, возможно, выведут на политическую арену провинциальные силы – руководителей останов, настроенных довольно радикально и безоговорочно верных правительству.

В то время как в лагере консерваторов продолжается размежевание, которое, по-видимому, усилится в ближайшее время, реформаторы, оценивая свои успехи на выборах, все больше осознают необходимость укрепления и расширения коалиции при сохранении независимости и самостоятельности отдельных партий и группировок. Причем бесспорным лидером объединения называется Хатами. Даже несмотря на то, что в ходе предвыборной кампании инициатором совместных действий и опорой реформаторского блока выступила новая партия «Этемад-мелли» во главе с М. Карруби, именно вмешательство бывшего президента способствовало достижению согласия. Сегодня, по мнению представителей реформаторских сил, на место лозунга «Хатами – пройденный этап» приходит лозунг «Консультируемся с Хатами», что, несомненно, связано, прежде всего, с высоким авторитетом этого деятеля на международной арене, а в нынешних политических условиях именно внешние факторы должны будут оказывать определяющее влияние на дальнейшее развитие страны¹⁵.

Реформаторы, рассматривающие свои успехи на прошедших выборах как признание народом их шансов на победу в грядущих кампаниях 2008–2009 г., уже сейчас начинают проводить подготовительную работу и выработать общую стратегию действий. Предполагается основное внимание сосредоточить на деятельности местных советов, которые должны стать для них исходной платформой для продвижения в верхние эшелоны власти и полем для воспитания новых кадров. Важным моментом в новых планах реформаторов считается укрепление взаимодействия с идеологически близкими к ним прагматиками из консервативного лагеря. В последнее время в иранских СМИ их чаще называют фундаменталисты-реформаторы (осульгарайан-е эслахталаб). Взаимодействие этих двух течений, которое, видимо, будет расширяться через местные советы, возможно, внесет изменение в расклад сил на политической арене Ирана.

В конце февраля 2007 г. состоялось открытие первой сессии только что избранного Совета экспертов. Политические и религиозные круги ожидали этого события с большим нетерпе-

нием, поскольку должны были избрать председателя Совета, в котором потенциально можно видеть и будущего религиозного лидера страны. Накануне делались различные предположения, многие называли кандидатуру Рафсанджани. Председатель и два его заместителя избираются на два года, таким образом, за период действия этого органа они могут переизбираться 4 раза. На первом заседании, которое проходит под председательством старейшего и самого молодого по возрасту членов Совета, председателем Совета экспертов был избран аятолла Мешкини, руководивший и прошлым составом Совета. Хотя многие политические комментаторы и высказывают очень большие сомнения по поводу его возможности осуществлять руководство Советом ввиду нездоровья, кандидатура Мешкини была единственной, предложенной на этот пост, и получила 71 голос из 80. Заместителями аятоллы Мешкини были избраны аятолла Хашеми Рафсанджани (65 голосов) и аятолла Йазди (49 голосов). Новый Совет экспертов подтвердил свое полное доверие лидеру страны и его политической линии.

В начале марта был обновлен еще один орган политической системы страны. Указом рахбара был назначен новый состав Ассамблеи по целесообразности принимаемых решений. Он будет выполнять свои обязанности следующие пять лет. Пост председателя сохранил за собой Х. Рафсанджани и тем самым упрочил свое положение в системе властных структур ИРИ.

¹ По мнению многих политических аналитиков, движение Абадгаран представляло собой лишь временное объединение с целью победы на выборах в советы и меджлис и с тех пор сохраняет лишь вывеску и не имеет никакой программы действий. (Оно никогда не было зарегистрировано как политическая партия). Маловероятно, что оно продолжит организационную деятельность после прошедших выборов. См. Гозареш. № 183, бахман, 1385. С. 9.

² М. Гаввам. Регабат-е фешарде-йе эслахталабан ба до тейф осульгаран ва мохафезекаран. [www. BBCpersian.com](http://www.BBCpersian.com). 17.11.2006. В самом Иране термин мохафезекаран чаще употребляется по отношению к консервативным силам на Западе; представителей партий и групп консервативного спектра внутри страны называют осулгарайан. Ш. Асани Ашари. Дуэль бара-йе бе даст герефтан-е годрат. – Гозареш, № 181, азар, 1385. С. 6. А. Арья. Марзбанди-йе джадид дар дженах-е осульгара. Гозареш, № 181, азар, 1385. С. 11–13.

³ См. Хамшахи. 23.01.2007.

⁴ Меджлис также поднял возраст голосующих на выборах президента и парламента с 15 до 18 лет. – Афтаб-е йазд. 3.01.2007.

⁵ Представители неоконсерваторов выступали на предыдущих выборах коалицией «Абадрагаран-е Иран-эслами». За последний год наблюдалась смена названий групп, поддерживающих линию президента: Абадгаран-е джаван, Хамийан-е доулат-е нохом, Йаран-е эмам-е аввал ва доввом, Канун-е нохбеган ва фарахихтеган-е Иран, Джамийат-е хедматгозаран. Однако по своей сути все эти группы представляют наиболее радикальные элементы консервативного лагеря. Ш. Асани Ашари. Дуэль бара-йе бе даст герефтан-е годрат. – Гозареш, № 181, азар, 1385. С. 6.

⁶ А. Арья. Марзбанди-йе джадид дар дженах-е осульгара. Гозареш, № 181, азар, 1385. С.12.

⁷ А. Арья. Фаза-йе кешвар чанд готби мишавад. Гозареш, № 182, дей, 1385. С.8–9.

⁸ Из 64 членов Совета экспертов от этой группировки 10 входят в Центральный совет Общества борющегося духовенства, 30 – представляют Центральный совет Общества учащихся. – Этемад-е мелли. 20.12.2006. Э. Али Пенах. Хошдар-е шарайат-е мохафезекари ва эслахталаби. – Гозареш, № 181, азар, 1385. С.11–12.

⁹ Джарийанха-йе фекри дар хобреган-е чахаром. Этемад-е мелли. 20.12.2006.

¹⁰ Исламские радикалы могут опираться на поддержку 29 кандидатов, большинство которых вошли в Совет благодаря поддержке других фракций.

¹¹ По мнению представителей реформаторов, опубликованные в прессе окончательные данные как по выборам в Совет экспертов, так и в местные советы сильно искажены, поскольку значительно расходятся с предварительной информацией (которая поступила только на третий день). Так, в результате подведения итогов голосования в Тегеране количество голосов, поданных как за представителей реформаторов в советы, так, например, и за Хашеми Рафсанджани, сократилось. – Этемад-е мелли. 20.12.2006.

¹² Афруг: фраксиун-е джадид-е осульгарайан бара-йе джелууги-ри аз ходкоши-йе сийаси буд. – www.baztab. 23.01.2007.

¹³ Ташкил-е фраксийун бе маана-йе эншаб-е хаме-йе осульгарайан нист. – Годс. 24.01.2007.

¹⁴ Рах-е джобран-е эштебахха ташкил-е фраксиун-е джадид нист. – Годс. 24.01.2007.

¹⁵ Ш. Асани Ашари. Таасир-е энтехабат бар рафтар-е сийаси-йе дженахха. – Гозареш, № 183, бахман, 1385. С. 7.

**РОЛЬ ГОСУДАРСТВА
В ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ
В ИОРДАНИИ И МАРОККО**

Особенностью экономического развития арабских государств на современном этапе является процесс либерализации, понимаемый как ограничение вмешательства государства в экономику, отказ от административных мер ее регулирования в пользу рыночных механизмов.

В результате уже неоднократно анализировавшихся в научной литературе причин государственное вмешательство в экономику арабского мира достигло своего максимума к 70-м годам прошлого века. Это было связано с необходимостью ломки устаревших социально-экономических структур, национализацией иностранной собственности и установлением суверенитета над природными ресурсами, форсированием развития собственной промышленности и инфраструктуры. Путем активного государственного регулирования экономики были достигнуты заметные сдвиги в структуре производства ВВП (снижение доли аграрного сектора в пользу промышленного и сферы услуг). Преобладавший в тот период капиталоемкий вариант развития экономики, направленный на преимущественное развитие горнодобывающей промышленности, энергетики, транспорта, требовал объемных инвестиций, что нашло свое отражение в заметном росте нормы валовых капиталовложений (в Иордании – с 19,3% до 33,5% на протяжении 70-х годов, в Марокко – с 17,7% до 27% за то же время). Причем, если в нефтедобывающих государствах существовала возможность увеличивать капиталовложения в экономику за счет внутренних ресурсов, то в ненефтяных странах основным способом финансирования промышленного роста было привлечение иностранных займов. Государство осуществляло функции централизованного привлечения финансовых средств и определения приоритетов их использования.

В результате, в большинстве арабских стран, в том числе в Иордании и Марокко, был создан достаточно мощный госсектор, а государство стало играть важную роль в перераспределении ВВП. В 1980 г. через государственный бюджет перераспределялось в Иордании более половины, а в Марокко – более трети ВВП.

В первой половине 80-х годов наметился определенный предел экстенсивного роста государственного вмешательства в экономику. К тому же, с конца 70-х и на протяжении 80-х годов, наблюдалось постепенное ухудшение экономической и финансовой ситуации в рассматриваемых странах, выразившееся в росте дефицитов госбюджетов, торговых и платежных балансов, снижении темпов экономического роста и увеличении внешней задолженности. Отношение величины внешнего долга к ВВП во второй половине 80-х годов в Марокко приблизилось к 120%, а в Иордании к началу 90-х годов превысило 220%. Таким образом, перед правительствами остро встал вопрос повышения эффективности экономики, поиска новых моделей развития и интеграции в мировую торговлю. Не последнюю роль в процессе этого выбора сыграло сотрудничество с Международным валютным фондом в процессе урегулирования внешней задолженности. Одним из условий облегчения долгового бремени было выполнение программ структурной перестройки экономики, предложенных МВФ и Мировым банком. А сутью данных программ была всесторонняя экономическая либерализация, понимаемая как ограничение государственного вмешательства в экономику и активизация рыночных механизмов.

Справедливости ради надо отметить, что усиление рыночных начал в 80-е годы наблюдалось не только в арабских государствах, испытывавших финансовые и экономические трудности, как ответ на возникшие проблемы, но и в большинстве других стран (Египте, Тунисе, Мавритании, Саудовской Аравии и др.). Причиной этого была низкая эффективность госсектора, а также медленное становление частного национального капитала. Либерализация экономики стала закономерным этапом развития арабского мира, а специфика отдельных стран определяла лишь конкретные условия и сроки ее развития.

Со второй половины 90-х годов процесс либерализации и реформирования экономики в Иордании и Марокко заметно активизировался. К настоящему времени, по истечении десяти-

тилетия, уже можно судить о его результатах. Интересным представляется вопрос о том, какова сейчас роль государства в экономике этих стран, каким образом изменились экономические функции государства и степень государственного вмешательства в процесс хозяйственного развития.

Важнейшей функцией государства, значение которой не только не снижается, а, скорее, возрастает в процессе либерализации, является создание правовой основы для функционирования рыночных механизмов. Другая, не менее значимая проблема, требующая своего решения с помощью государственного вмешательства и весьма актуальная для рассматриваемых стран, стабилизация и ускорение экономического роста. Государство воздействует на его составляющие через посредство бюджетно-финансовой и валютно-кредитной политики. Несколько особняком стоит все еще весьма острая проблема управления внешним долгом. Особое значение приобретает внешнеэкономическая сфера, а именно необходимость выработки оптимальной модели интеграции в мировое хозяйство. Проблемы социальной сферы, конкретнее – борьбы с безработицей и бедностью в широком понимании, развития образования, здравоохранения, как правило, не сглаживаются, а даже обостряются в странах, активно проводящих экономические реформы, а следовательно также требуют государственного вмешательства для своего решения. В целом, очевидно, что в странах, где рыночные механизмы действуют еще недостаточно активно, только государство может содействовать их становлению и развитию.

Важной составляющей экономической либерализации является создание благоприятных условий для деятельности частного национального капитала и притока иностранных инвестиций. Основная роль в этом процессе ложится на государство. Начиная с середины 90-х годов прошлого века, в Иордании и Марокко вносились изменения в инвестиционные законодательства, направленные на упорядочивание и активизацию частного предпринимательства. В 1995 г. в обеих странах были приняты новые инвестиционные кодексы, по которым, как было объявлено, национальным и иностранным инвесторам предоставлялись равные права. В Иордании, однако, в тот период для заграничных предпринимателей еще существовали некоторые ограничения – они не имели права быть собственниками более 50% капитала компаний в строительстве, наземном и

воздушном транспорте, банковском и страховом деле и др. После вступления Иордании в ВТО в 2000 г. большинство ограничений были сняты. В настоящее время иностранным гражданам запрещено владеть 100% капитала предприятий в торговле и горнодобывающей промышленности, а также в сфере контрактной деятельности в строительстве. В Марокко иностранцы не имеют права приобретать в собственность землю; в некоторых сферах экономики они также обязаны иметь марокканских партнеров для организации компаний. Таким образом, некоторые ограничения на деятельность иностранных инвесторов в обеих странах сохраняются, несмотря на заверения о предоставлении одинаковых возможностей для национальных и иностранных предпринимателей.

В Иордании и Марокко были также приняты меры по упрощению инвестиционного процесса. В Иордании задача содействия частным предпринимателям была возложена на вновь организованную Корпорацию по развитию капиталовложений. В ее функции входит установление связей между национальными и иностранными инвесторами с целью организации совместных предприятий, помощь предпринимателям на всех этапах инвестиционного процесса, оказание консалтинговых услуг и предоставление необходимой информации.

В Марокко был организован Департамент иностранных инвестиций, а также межминистерская комиссия по инвестициям во главе с премьер-министром, основной задачей которой стала ликвидация различных препятствий для потенциальных инвесторов и содействие общему улучшению инвестиционного климата в стране. На местах были созданы региональные инвестиционные центры. В обеих странах развивается система «одного окна» для оформления лицензий.

В результате предпринятых мер, особенно заметных результатов в деле упорядочения и упрощения инвестиционного процесса достигло Марокко. Так, в 2004 г. количество необходимых процедур для организации нового предприятия или компании здесь было равно пяти, средний срок, требующийся для этого, – 11 дней, стоимость – 12,3% подушевого ВВП. В Иордании эти показатели были несколько хуже: число процедур – 11, количество необходимых дней – 36, стоимость – 52% подушевого ВВП. Для сравнения, средние показатели для региона Ближнего Востока и Северной Африки – 10, 39 и 51,2% соответственно¹.

Результатом либерализации инвестиционных законодательств и общего улучшения инвестиционного климата стало увеличение удельного веса накопленного объема прямых инвестиций – в Иордании с 15,3% до 26% за 1990–2002 гг., в Марокко с 3,5% до 26,9% за тот же период. При этом средний ежегодный приток иностранных прямых инвестиций за 1985–95 гг. составлял в Иордании 14 млн. долл., в Марокко – 237 млн. долл., в 1998–2002 гг. этот показатель увеличился до 282 млн. долл. и 1090 млн. долл. соответственно².

Кроме инвестиционных кодексов, во второй половине 90-х годов в обеих странах был принят ряд законов, направленных на развитие частного предпринимательства и усиление действия рыночных механизмов в экономике. В Марокко к ним относятся Закон об акционерных обществах (1996 г.), обеспечивший защиту интересов миноритарных вкладчиков; Кодекс компаний (1997 г.), предоставивший предпринимателям широкие возможности в выборе форм юридического оформления фирм; Коммерческий кодекс (1997 г.), регламентирующий процедуры банкротства, ликвидации и реорганизации компаний; Закон о создании коммерческих судов (1998 г.), рассматривающих спорные вопросы в сфере бизнеса; Закон о конкуренции (1998 г.), обеспечивающий прозрачность предпринимательской деятельности и регулирующий экономические отношения между компаниями.

В Иордании в 1997 г. был принят Закон об организации рынка ценных бумаг и создании Амманской фондовой биржи и Комиссии по ценным бумагам, призванной осуществлять контроль за операциями на фондовом рынке. В 1999–2001 гг. были разработаны и приняты Закон о налогообложении, снизивший, а на некоторые товары отменивший, налог с продаж; Закон о банках, регламентирующий банковскую деятельность в стране; Закон о компаниях, упростивший процедуру регистрации новых компаний и отменивший существовавшие ограничения на некоторые виды экономической деятельности; Закон о взаимном страховании, призванный способствовать активизации частного сектора путем его финансирования через фонды взаимного страхования. Все это свидетельствует об активизации такой функции государства, как создание прозрачной и отвечающей международным стандартам правовой среды для функционирования рыночных механизмов.

Иордания (с 2000 г.) и Марокко (с 1995 г.) являются членами ВТО. Основных принципов функционирования этой органи-

зации три: принцип наибольшего благоприятствования, суть которого состоит в неприменении дискриминации по отношению к товарам и услугам из различных стран-участниц; принцип национального режима, который предполагает, что государствам-участникам не следует применять менее благоприятный режим в импорте иностранных товаров и услуг, чем тот, который применяется в отношении экспорта отечественных товаров и услуг; принцип транспарентности – ключевой в системе ВТО, который означает необходимость предоставления странами-членами всей информации о законах и постановлениях, действующих в различных секторах их экономики.

Таким образом, членство в ВТО предполагает проведение большой работы по либерализации и повышению эффективности законодательного регулирования внешней торговли. В Иордании в 2001 г. были сняты все ограничения на импорт, экспорт и реэкспорт товаров, за исключением категорий, запрещенных к ввозу в страну. Средняя ставка таможенного обложения на импорт была снижена с 35% до 21%, с 2005 г. предусмотрено дальнейшее ее сокращение на четверть, а к 2010 г. – еще на 20%. Кроме того, Иордания должна будет отменить экспортные субсидии на все товары, за исключением фосфатов и калийных солей. Средства, полученные от взимания таможенных пошлин, в 2000–2001 гг. составляли 14,5–16,5% доходов госбюджета, в настоящее время их доля снижается³.

В Марокко средняя ставка таможенных пошлин на импорт несельскохозяйственных товаров в 2001 г. составила 22,5%, при этом по минимальным ставкам облагается ввоз оборудования, запчастей и некоторых видов сырья, по максимальным (50%) – импорт готовых изделий, производство которых налажено в стране. За 1996–2000 гг. удельный вес таможенных сборов и пошлин в ВВП Марокко сократился с 4,2 до 3,6%, к 2010 г. ожидается их дальнейшее снижение на 0,16% ВВП ежегодно. Подобный процесс связан как с членством Марокко в ВТО, так и с реализацией условий Соглашения о формировании зоны свободной торговли в Европейско-Средиземноморском регионе. Иордания также подписала аналогичный договор с Евросоюзом в 2002 г. Обе страны имеют также Договоры о свободной торговле с США, являются участниками т.н. Агадирского соглашения (Соглашения о свободной торговле между Иорданией, Египтом, Тунисом и Марокко). Последнее представляет собой начальный этап формирования к 2010 г. Сре-

диземноморской зоны свободной торговли и пользуется поддержкой Евросоюза.

Отказ государства от протекционистских мер в области внешней торговли и связанное с этим сокращение бюджетных доходов, а также усиление конкуренции для местной промышленности со стороны импортных товаров делают особенно актуальной проблему выбора экспорториентированных отраслей и ускоренного их развития с целью повышения объема экспортной выручки. Ввиду недостаточной пока развитости рыночных механизмов эта роль лежит на государстве, которое должно обеспечить наиболее благоприятные условия для инвестирования в подобные отрасли. К основным экспортным отраслям относятся переработка местного природного сырья (химическая промышленность, производство удобрений), текстильная и швейная, фармацевтическая, производство некоторых продовольственных товаров. В Марокко развивается электронная и электротехническая промышленность, до 80% продукции которой вывозится за границу. Вообще Марокко добились более ощутимых результатов в процессе облагораживания экспорта – доля минерального сырья в нем составляет около 7%, продуктов его переработки – примерно 10%. В Иордании удельный вес минерального сырья в экспорте намного выше – около 23%, а химических товаров, получаемых из него – более 34%.

В обеих странах четко прослеживается положительная тенденция увеличения доли готовых промышленных изделий в стоимости экспорта. Однако это неоднозначно свидетельствует о становлении в этих государствах экспорториентированных производств, поскольку нередко лишь небольшая часть добавленной стоимости вывозимых промышленных товаров создается на их территориях, преобладающая же содержится в ввозимых полуфабрикатах. Так, в Марокко более 70% стоимости экспорта обеспечивается за счет полуфабрикатов, поступающих в страну по режиму временного ввоза для последующей обработки. В Иордании стоимость реэкспорта достигает 20% всего вывоза товаров, причем особенно велик удельный вес реэкспорта в вывозе машин и оборудования (более 68%), табачных изделий. Ввоз различных полуфабрикатов для их последующей обработки и экспорта готовой продукции на мировой рынок особого размаха достиг с момента активного развития в Иордании т.н. свободных промышленных зон (qualified

industrial zones) в начале 2000-х годов. По существующим правилам не менее 11,7% добавленной стоимости товара, вывозимого из СПЗ, должно быть произведено иорданскими компаниями. Установление беспошлинного доступа товаров, производимых в этих зонах, на рынок США и выгодные условия организации в них смешанных предприятий привлекают в Иорданию иностранные компании, в частности, текстильные и швейные, из ряда государств Ближнего Востока и Юго-Восточной и Восточной Азии.

Развитие конкурентоспособных экспорториентированных производств, повышение эффективности экономики, стимулирование деятельности частного капитала являются основными целями активно проводимой в Иордании и Марокко политики приватизации госсектора. Причем именно государство определяет темпы, приоритеты и характер этого процесса. Устраняясь из сферы непосредственного производства, государство оставляет за собой функции разработки и осуществления общей стратегии промышленного развития, поддержания основных экономических пропорций. Одновременно государство продолжает выступать в качестве партнера частного сектора в реализации крупных, требующих объемных капиталовложений проектов в наиболее значимых отраслях экономики.

До середины 90-х годов прошлого века государство контролировало до 60% иорданской экономики. В ведении его находилась вся инфраструктура страны – транспорт, водоснабжение, электроэнергетика, связь, а также преобладающая часть капитала крупнейших компаний в горнодобывающей промышленности и производстве цемента. Помимо этого довольно заметную роль государство сохраняло в обрабатывающей промышленности, финансовой сфере и индустрии туризма. Неэффективно работающие предприятия госсектора представляли собой тяжелое бремя для государственного бюджета – в 1998 г., например, убытки только в водоснабжении и на транспорте составили до 20% ВВП.

Официально провозглашенными целями приватизации госсектора стали повышение эффективности работы предприятий, их конкурентоспособности и производительности труда занятых на них работников, снижение финансовой нагрузки на государственный бюджет путем привлечения частных инвестиций, сокращение объема иностранных займов на нужды экономического развития, а также создание условий

для использования современных технологий и менеджмента в промышленности.

По мнению международных экспертов, Иордания на настоящий момент достигла наиболее заметных успехов в осуществлении программы приватизации в ближневосточном регионе. Уже к 2000 г. из 40 крупных компаний, намеченных для приватизации, 34 были переданы частным владельцам. При этом использовались разнообразные процедуры (акционирование с последующей продажей акций, продажа стратегическим инвесторам, концессионные соглашения, контракты на управление, франшизинговые сделки и пр.), оптимальные для каждого конкретного случая. За достаточно короткий период было проведено разгосударствление сферы инфраструктуры (Корпорация общественного транспорта, Акабская железнодорожная корпорация, Иорданская компания телекоммуникаций, Иорданское управление водоснабжением, частично – электроэнергетических компаний, и др.) – области, требующей объемных капиталовложений и неохотно осваиваемой частным капиталом. Вместе с тем, наличие современной разветвленной инфраструктуры является неотъемлемым условием развития производства в стране и притока иностранных инвестиций. К частным инвесторам перешел крупный туристический комплекс в Маане, ряд финансовых и промышленных компаний, в том числе предприятия по производству цемента. Важнейшим событием стала продажа половины государственных акций в Арабской компании поташа, действующей в стратегически важной для Иордании экспортной отрасли – добыче, переработке и продаже фосфатов.

Для управления остающимися в составе госсектора предприятиями была организована Иорданская инвестиционная корпорация. На нее также возложена функция подготовки предприятий к приватизации, оказание технической помощи в этой процедуре и в начальный период после ее проведения.

В Марокко приватизация развивалась в два этапа. Первый, начавшийся в 1993 г., ознаменовался разгосударствлением 52 крупных компаний и 125 их дочерних фирм. При этом основные показатели деятельности госсектора, а именно доля в производстве ВВП, удельный вес в общем объеме капиталовложений и пр., изменились мало. К концу 1998 г., когда началась вторая волна приватизаций, в Марокко насчитывалось более 570 компаний, находящихся в государственной собственности и работающих в различных отраслях экономики.

Наиболее крупными операциями в этот период стали продажа иностранным инвесторам акций фирм, занятых в области сотовой связи и телекоммуникаций, а также марокканской Компании по производству табачных изделий. Результатом стал беспрецедентный всплеск объема поступивших в страну в 2001 г. иностранных инвестиций – более 2,8 млрд. долл., что составило около 60% всего притока иностранного капитала в государства Северной Африки⁴.

Кроме того, процесс приватизации получил широкое развитие в таких отраслях, как текстильная и сахарная промышленность, добыча цветных металлов, производство и продажа металлоизделий, нефтепереработка, финансово-кредитная сфера, туризм и гостиничное хозяйство. Государство планирует сохранить в своей собственности важнейшие объекты инфраструктуры, однако частные инвесторы получают возможность совместного участия в осуществлении отдельных проектов этой сферы.

В целях централизованного аккумулирования и рационального использования немалых объемов денежных средств, полученных в результате приватизации, в обеих странах были созданы специализированные фонды. В Марокко это фонд Хасана II, выступающий партнером в осуществлении крупных проектов в сфере промышленности и инфраструктуры, туристического хозяйства, а также оказывающий финансовую поддержку предприятиям, работающим в экспортных отраслях. В Иордании половина доходов от приватизации поступает непосредственно в бюджет, остальное делится поровну между Фондом приватизации и Иорданской инвестиционной корпорацией и используется для финансирования крупных проектов в промышленности и социальной сфере.

Таким образом, в процессе приватизации госсектора достигается ряд целей. Прежде всего, теоретически частные предприятия должны функционировать более эффективно, и в результате передачи частным предпринимателям убыточных компаний достигается заметная экономия государственных средств. Происходит активизация деятельности частного национального и усиление притока иностранного капитала в страну, формируется финансовый рынок и развивается биржевая деятельность. Средства, полученные от приватизации государственных компаний, используются для реализации крупных проектов в производственной и инфраструктурной сферах, расходуются на социальные нужды.

В процессе приватизации государство постепенно отходит от предпринимательской деятельности, его функции меняются, однако не становятся менее важными. В лице законодательной и исполнительной власти оно готовит необходимую правовую базу для перехода к новым формам собственности. Важным моментом является предварительная подготовка компаний к приватизации путем организационной реструктуризации и финансовой санации, для чего как правило привлекаются международные эксперты. И, наконец, государство берет на себя решение социальных проблем, часто обостряющихся в результате приватизации, – в частности, в Иордании, например, работникам приватизированных предприятий гарантируется помощь в переподготовке и трудоустройстве, а также материальная компенсация в случае потери работы. Распространенной практикой также является участие работников в акционировании компаний.

Явлением, негативное влияние которого на все развитие экономики трудно преувеличить, стало распространение коррупции среди государственных чиновников, участвующих в подготовке и проведении приватизационных сделок. Единственный и действенный метод борьбы с этим – полная прозрачность в процессе осуществления всех операций.

Таким образом, государство само создает условия и контролирует процесс своего отхода от предпринимательской деятельности. В силу того, что рыночные механизмы только формируются, их действие в течение еще длительного времени должно дополняться административным вмешательством государства в экономику.

Одним из инструментов подобного вмешательства является государственный бюджет. Его доходная часть формируется за счет поступлений от налогов, таможенных пошлин, лицензионных платежей, почтовых сборов. В последние годы заметную роль играют и доходы от приватизации госсектора. Доля бюджетных доходов в ВВП Иордании в 2004 г. достигала 35,2%, в Марокко была ниже – 27,4%. Удельный вес государственных расходов также был достаточно значителен в обеих странах – 38,6% ВВП в Иордании и 30,9% в Марокко⁵. Тот факт, что при посредстве государства перераспределяется треть и более ВВП уже говорит о сохраняющейся заметной роли государства в экономическом развитии.

Надо отметить, что в Иордании и Марокко постоянно наблюдается дефицит госбюджета (соответственно 3,4% и

2,6% ВВП в 2004 г.) и осуществляются различные программы по его снижению. Поскольку значительная доля государственных расходов идет на выплату зарплат занятым в госсекторе (в Марокко, например, эта сумма достигает половины расходной части госбюджета), пенсий, субсидий, попытки сократить расходную часть и тем самым снизить бюджетный дефицит могут привести к ухудшению материального положения большей части населения и росту социальной напряженности. Социальная сфера вообще нуждается в постоянном внимании со стороны государства. По официальным данным, уровень безработицы в 2004 г. в обеих странах достигал 12–12,5%, предполагается, что фактически он намного выше, особенно в сельской местности. Особенно много безработных среди молодежи – в Иордании, например, до 60% безработных входит в возрастную группу до 25 лет.

До 10% населения Иордании и до 20% Марокко находятся ниже национальной черты бедности⁶, причем в последнем этот показатель даже увеличивался с начала 90-х годов. Около 70% бедных в этой стране проживают в сельской местности. Наблюдается тесная связь бедности с безработицей, поэтому основным радикальным методом улучшения условий жизни населения является создание новых рабочих мест, а также различные программы диверсификации и повышения производительности труда в сельском хозяйстве.

Надо отметить, что наиболее очевидных успехов в социальной сфере в последние годы достигла Иордания, Марокко же заметно уступает по многим показателям. Так, например, средняя ожидаемая продолжительность жизни в Иордании составляет 72 года, в Марокко – 68 лет (при средней для региона Ближнего Востока и Северной Африки в 69 лет). Младенческая смертность в Иордании – 25 на тысячу новорожденных, в Марокко – 39 (средний показатель для региона – 37)⁷. По грамотности среди молодежи 15–24 лет Иордания вышла на первое место в регионе – она приближается к 98%, Марокко же занимает одно из последних (около 68%). В целом на социальные нужды в Иордании расходуется 14,7% ВВП, в Марокко – около 12%. В среднем в регионе Ближнего Востока и Северной Африки удельный вес подобных расходов в ВВП составляет немного менее 9%⁸. Конечно, можно спорить о том, насколько эффективно расходуются государственные средства в социальной сфере двух рассматриваемых государств. Факты ука-

зывают на то, что в Иордании результаты более очевидны. Вместе с тем, необходимо еще раз подчеркнуть, что роль государства в борьбе с бедностью и безработицей, развитии здравоохранения и образования велика как никогда, и вряд ли в обозримом будущем сможет быть целиком передана частному сектору.

Попытки сократить бюджетный дефицит нередко приводят к тому, что вместо снижения текущих расходов бюджета наблюдается стагнация объема государственных капиталовложений в экономику. Эту проблему, в числе прочих вышечисленных, призвана решить приватизация госсектора, способствующая увеличению объема частных национальных и иностранных инвестиций. Значительная доля расходной части госбюджета в обеих странах идет на нужды обороны и безопасности, а также на выплату процентов по внешним займам. Необходимо отметить, что государственный долг (преимущественно внешний), хоть и имеет тенденцию к снижению, остается достаточно большим и составляет в Иордании 92% от ВВП, в Марокко – более 70% от ВВП⁹. Одной из важнейших функций государства в обеих странах является управление внешним долгом, что подразумевает платежи по долговым обязательствам, ведение переговорного процесса по урегулированию выплат, перевод финансовой задолженности в прямые инвестиции и пр.

Вообще, кредитно-денежная политика государства, осуществляемая через Центральный банк, является важнейшим фактором поддержки внутриэкономической стабильности. Сюда входит непосредственное валютное регулирование и поддержание фиксированных валютных курсов, осуществление контроля за деятельностью коммерческих банков и определение уровня процентных ставок, выпуск государственных облигаций и пр. Низкий уровень инфляции в обеих странах (около 1,5–2% в Марокко, 2–3% в Иордании) свидетельствует об определенной стабильности макроэкономической ситуации.

Подводя итоги анализа изменений, которые претерпевает экономическая роль государства в процессе либерализации, необходимо отметить, что качественно трансформируясь, она не становится менее значительной. Функции партнеров, которыми выступают частный и государственный капитал, видоизменяются. Государство устраняется из сферы непосредственного производства, стимулируя приток в нее частных инвести-

ций, однако усиливает свою регламентирующую и координирующую деятельность. Особого внимания со стороны государства требует внешнеэкономическая сфера, в том числе управление внешним долгом. Социальная сфера, уровень развития которой все в большей степени становится основным показателем правильности той экономической модели, которая была избрана тем или иным государством, также остается в числе основных приоритетов государства, и частный капитал не может служить в данном случае полноценной альтернативой.

¹ Doing Business. Snapshot of Business Environment. – Jordan. Morocco. <http://rru.worldbank.org/DoingBusiness/>.

² Country Fact Sheet: Jordan, Morocco. UNCTAD World Investment Report 2003. <http://www.unctad.org/>.

³ <http://www.cbj.gov.jo/docs/>.

⁴ <http://www.menareport.com/story>.

⁵ Morocco. Public Information Notice. Sept.15, 2005.; Jordan. Public Information Notice. Febr.10, 2005. <http://www.imf.org/>.

⁶ Rapport National relatif aux objectifs du Millenaire pour le Developpement. <http://www.un.org.ma/>.

⁷ Там же.

⁸ Millenium Development Goals in Arab Coutries. <http://hdr.undp.org/>.

⁹ Jordan at a glance. Morocco at a glance. <http://www.worldbank.org/data>.

ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЙ СЕКТОР ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЕГИПТА

Стационарная связь, Интернет и почта

Отрасль телекоммуникаций и информационных технологий сегодня является одной из наиболее быстро развивающихся и приоритетных в производственной инфраструктуре Египта. В связи с этим важно обратить пристальное внимание на структуру и динамику развития телефонной и мобильной связи, почтовой связи и Интернета.

История инфраструктуры связи в Египте берет свое начало с создания «Национальной компанией телекоммуникаций» («National Company for Telecommunications» – старейшая компания Египта) первой линии телеграфного сообщения между Каиром и Александрией в 1854 г. В 1881 г. была проведена первая линия телефонной связи между двумя этими городами. Позже, в 1918 г. правительство Египта приобрело «Восточную Телефонную Компанию» («Eastern Telephone Company») за 755 тыс. ег. фунтов (132, 5 тыс. долл.) и создало «Управление телефонной и телеграфной связи» («Telephone & Telegraph Authority»). В 1957 г. была основана «Национальная Телекоммуникационная Организация Арабской Республики Египет» («Arab Republic of Egypt National Telecommunication Organization» – ARENTO), которая впервые запустила в эксплуатацию цифровые телекоммуникационные технологии в 1985 г., и в конце 80-х годов создала национальную цифровую сеть. Далее, в ходе экономических реформ 90-х годов и либерализации телекоммуникационного сектора Египта, в соответствии с Законом №19 от 1998 г. на смену ARENTO в 1998 г. пришел государственный телекоммуникационный оператор АО «Телеком Египет» (JSC «Telecom Egypt» – далее ТЕ). В 2004 г. ТЕ стал лидирующим телекоммуникационным оператором на Ближнем Востоке по количеству абонентов (9,2 млн. абонентов), доходы которого превышали 3,8 млрд. ег. фунтов и до сих пор удерживает свои позиции.

Динамика роста абонентской базы ТЕ

Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007 Прогноз
Общее число абонентов (тыс.)	3971	4686	5586	6688	7736	8830	9650	10470	10620	12000
Число вновь подключенных абонентов (тыс.)	646	801	838	928	1115	1120	820	900	-	-
Прирост абонентов (%)	16,3	17,1	15	13,9	14,4	12,7	8,5	8,5	-	-
Число заявок на подключение (тыс.)	13.49	1313	1215	1008	583	206	127	-	-	-

Источник: 1; сс. 15–18; 2; сс.21–22; 3; сс. 14–18; 4; сс.13–17; 5; с. 11; 6; сс. 5–6.

Из приведенных данных видно, что наиболее активный рост абонентской базы ТЕ по числу вновь подключенных абонентов пришелся на период 2002–2003 гг. После начала спада в 2004 г. для стимулирования массового спроса ТЕ в 2005 г. установила следующие социально ориентированные тарифы на подключение к телефонной сети на всей территории Египта: для физических лиц плата составляет 800 ег. фунтов (140, 3 долл.), для юридических – 1500 ег. фунтов (263 долл.). Такие тарифные ставки должны обеспечить доступность услуг телефонной связи в удаленных и деревенских районах за счет их дешевизны. Как результат проводимой ТЕ политики низких тарифов на подключение потребительский рынок ответил ростом спроса на услуги подключения в 2005 г. В будущем ТЕ планирует рост стоимости подключения для увеличения прибыльности компании.

На территории 26 губернаторств Египта расположены 1007 деревень, и причиной планомерного роста абонентов в этих населенных пунктах стала инициатива местных органов самоуправления при поддержке властей губернаторств. В 2002 г. в каждой деревне был установлен хотя бы один телефон, а по итогам 2005 г. этот показатель составил уже 1:12, что, без-

условно, способствует развитию удаленных населенных пунктов и, в целом, региональному развитию Египта. Об этом свидетельствуют следующие данные о динамике роста абонентской базы в деревнях:

Год	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Абонентская емкость в деревнях Египта (тыс.)	775	955	983	1008	1078	1110	1128

Источник: 1; сс. 15–18; 2; сс.21–22; 3; сс. 14–18; 4; сс.13–17; 5; с. 11.

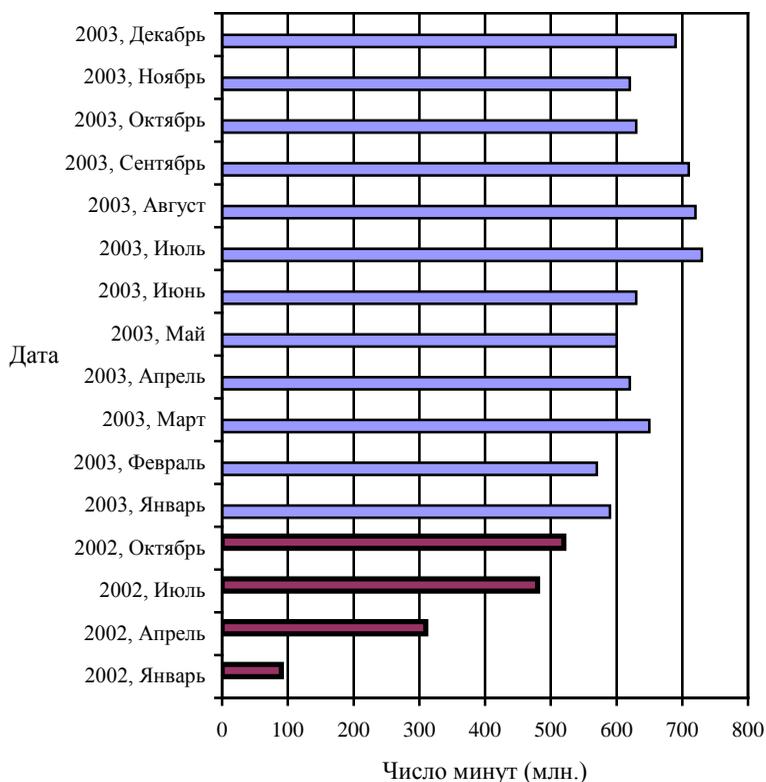
Образованное в октябре 1999 г. министерство связи и информационных технологий начало активно продвигать информационные технологии, содействовать всеобщему распространению не только телефонной связи, но и связи Интернет. В этих целях был разработан целый набор социальных и экономических программ и проектов. В число наиболее важных проектов вошли: «Компьютер в каждый дом», «Клубы информационных технологий» и так называемый Бесплатный Интернет. 14 января 2002 г. в соответствии с указом Х. Мубарака Интернет стал бесплатным* на территории всего государства. Глава государства мотивировал свое решение тем, что Интернет необходим населению Египта для развития, обучения и борьбы с неграмотностью.

Как можно видеть из приведенной ниже диаграммы, пользование Интернетом значительно выросло в период 2002–2003 гг. Но оставалась проблема ограниченных технических возможностей абонентов для доступа к сети Интернет. Социально-экономическая программа «Компьютер в каждый дом» и «Клубы информационных технологий» вместе с «Бесплатным Интернетом» позволили получить ожидаемый результат – быстрый рост числа абонентов сети по все стране.

Динамика пользования бесплатным Интернетом в 2002–2003 гг. наглядно просматривается на базе следующей диаграммы:

---

* При использовании Интернетом по средствам соединения типа Dial-Up абоненты платили только за телефонное соединение.

Рассчитано по: 4; с. 19.

Программа «Компьютер в каждый дом» началась в ноябре 2002 г. и рассчитана на 7 лет. Основные задачи программы и рассматривают:

- распространение 6 млн. компьютеров среди населения;
- совместное с иностранными производителями производство компонентов компьютеров на территории Египта;
- привлечение инвестиций в телекоммуникационный сектор экономики Египта;
- обеспечение возможности развития производства локального программного обеспечения.

В целях распространения компьютерной техники и технического оснащения предполагаемых пользователей сети Интернет, ТЕ и министерство связи вместе с рядом банков и страховых компаний предоставили возможность населению приобретать компьютеры в рассрочку. Стоимость таких компьютеров варьируется от 3 до 4 тыс. ег. фунтов (600–800 долл.), но благодаря дополнительному финансированию программы в последние годы стоимость компьютеров в 2006–2007 гг. должна снизиться до 1,5–1,8 тыс. ег. фунтов (300–360 долл.). По данным на декабрь 2003 г., число проданных компьютеров достигло 55 тыс. штук, а уже к концу 2005 г. – превысило 130 тыс. штук. С 2004 г. в рамках программы началось распространение бюджетных портативных компьютеров для профессионалов, и уже было продано 326 штук за период 2004–2005 гг.

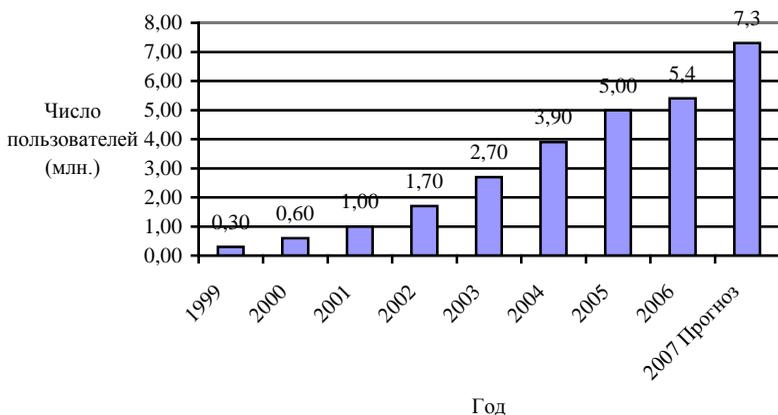
«Клубы информационных технологий» – это организованные общественные места, оборудованные для публичного доступа к сети Интернет (также известны как «Интернет-кафе»). Основной особенностью заведений является способ их организации – сотрудничество государства и частного сектора. Министерство связи Египта, ТЕ и государство обеспечивают доступ к сети, компьютерную технику, а частный сектор – помещения и мебель. Доступ к сети в клубах осуществляется по специальному тарифу, установленному государством, – 1 ег. фунт в час (0,2 долл.) (5; сс. 32–39). В клубах помимо доступа к сети Интернет предоставляется возможность получить базовые знания, необходимые для пользования компьютерной техникой, некоторыми программными продуктами и Интернетом.

Важное влияние на активный рост числа пользователей сети Интернет оказал рост числа компаний-провайдеров и растущая доступность компьютерной техники. Стоит отметить тот факт, что Интернет стал играть важную роль в жизни египтян, появилось большое количество интернет-сервисов по продаже товаров и услуг. Государство организовало специализированный портал, где потребители могут следить за последними новостями и узнать всю необходимую информацию о министерствах и других государственных структурах.

Приведенная ниже диаграмма иллюстрирует динамику роста числа пользователей сети Интернет:

---

* Компании, предоставляющие доступ к сети Интернет.

Рассчитано по: 1; сс. 15–18; 2; сс. 41; 3; сс. 20; 4; сс. 19; 5; сс. 19–21.

В приведенных данных находит отражение рост числа «клубов информационных технологий» и соответственный значительный рост скорости подключения к сети Интернет. Это связано с внедрением широкополосного способа подключения, так называемого ADSL, а также плодотворным сотрудничеством частного сектора с ТЕ и государством. Число абонентов широкополосного подключения к сети Интернет выросло с 32 тыс. до 97 тыс. в период с января 2004 г. по январь 2006 г.

В 2006 г. в Египте продолжилось активное развитие речевой связи через Интернет. Частные коммуникационные компании успешно продолжили внедрение технологии «Voice-over Internet protocol (VoIP)» и «WiMax» – более дешевую альтернативу обычной и мобильной телефонной связи. Компания «Телеком Иджипт» закупила у концерна «Эриксон» соответствующее оборудование и через субпровайдеров «ТЕДата» («TEData»), «МенаНет» («MenaNet») и др. уже предлагает свои услуги в этом сегменте рынка.

При поддержке «Майкрософт» около 100 египетских компаний, в том числе «Sahr», «Raya Holding» и «IT Works», стали основными производителями программного обеспечения на арабском языке, заняв прочные позиции на региональном рынке. По прогнозам местных специалистов, к 2010 г. Египет смо-

жет зарабатывать на экспорте компьютерных программ около 1 млрд. долл. ежегодно.

Год	1999	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007 Прогноз
Число клубов	30	-	427	618	1055	1293	1427	-
Скорость(Gbps)	0,02	0,09	0,85	1,3	1,6	4,36	5,82	7,3

Источник: 1; сс. 15–18; 2; сс. 41; 3; сс. 20; 4; сс. 19; 5; сс. 19–21.

Кроме того, в сфере телекоммуникаций Египта активно работают сети таксофонов компании «Менатель» (MenaTal) и «Найл Телеком» («Nile Telecom»), обеспечивающие массовый доступ к внутренней и международной телефонным сетям. Их динамика видна из следующих цифр:

Год	1999	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007 Прогноз
Число таксофонов (тыс.)	13,3	26,4	48,0	49,0	52,7	55,0	55,5	62,0

Источник: 1; сс. 15–18; 2; сс. 41; 3; сс. 20; 4; сс. 19; 5; сс. 19–21.

Почта Египта является неотъемлемой частью инфраструктуры связи и имеет длинную историю. 2 января 1865 г. правительство Египта выкупило компанию «Поста Европа» и основало государственную почтовую службу «Египетское Почтовое Управление». В течении нескольких лет почтовая служба находилась в ведении разных министерств, пока в соответствии с Законом № 7 от 1919 г. не была переведена в состав нового министерства коммуникаций*.

В 1957 г. на смену Египетскому Почтовому Управлению пришла Египетская Почтовая Организация, которая позже была переименована в Генеральную Почтовую Организацию (1966 г.). И, наконец, в соответствии с законом № 19 от 1982 г. Генеральная Почтовая Организация была переименована в Национальную Почтовую Организацию (далее НПО).

В настоящее время НПО обладает широкой сетью современных сортировочных комплексов и почтовых отделений, оснащен-

---

* В министерство коммуникаций также входили железные дороги, телеграфная и телефонная связь, автомобильные дороги и управление авиацией.

ных по последнему слову техники. НПО также активно расширяет свой автомобильный парк*. Для улучшения качества обслуживания населения, НПО был предпринят ряд мер, направленных на удлинение рабочего времени почтовых отделений, ускорение пересылки как внутренней, так и внешней корреспонденции, а также на организацию экспресс службы отправки писем и бандеролей. Общее число почтовых отделений НПО в 2003 г. составляло около 3,4 тыс., а в 2005 г. уже более 3, 6 тыс. отделений.

Мобильная связь

В Египте работают два оператора мобильной связи «Мобинайл» (Mobinil) и «Водофон Иджипт» («Vodafone Egypt»). Операторы, работающие в диапазоне частот GSM 900, появились в 1998 г. на Египетском рынке подвижной связи.

Таблица 1

Характер динамики развития компании «Мобинайл»

	Активные абоненты (млн.)	Недавние абоненты* (млн.)	Доход (млрд. ег. феунтов)	ЕБИТDA Margin** (%)	Чистая прибыль (млрд. ег. вунтов)
1998	-	-	-	-	-
1999	0,545	-	1,500	32,0%	0,128
2000	1,210	-	2,110	27,0%	0,289
2001	2,034	0,816	2,320	45,9%	0,340
2002	2,282	0,424	2,576	52,7%	0,422
2003	2,991	0,709	3,436	53,6%	0,915
2004	4,016	1,025	4,521	49,3%	0,873
2005	6,696	2,680	5,364	51,4%	1,444
2006	9,267	2,571	6,362	50,5%	1,526

Источник: 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14.

* Абоненты пользующиеся услугами связи менее 3-х месяцев.

** Маржа прибыли до вычета процентов, налогов и амортизации.

В мае 1998 г. компания «Мобинайл», акционерами которой стали «Оранж» (71,25%) и «Ораском Телеком Холдинг» (28,75%),

---

** По данным НПО, в 2002/3 гг. были закуплены 42 автомобиля для сопровождения почты и 10 тяжелых бронированных грузовиков для перевозки денег; в 2003/4 гг. были закуплены 60 автомобилей и 40 грузовиков соответственно.

* Также известна как мобильная или сотовая.

получила первую лицензию на предоставление услуг подвижной связи и стала первым оператором GSM в Египте. Численность сотрудников компании превышает 2 тыс. человек.

Как видно из таблицы 1, абонентская база оператора постоянно и динамично растет, но вместе с тем и растут издержки и расходы компании.

Таблица 2

Динамика отношения коэффициентов развития сети и расходов компании «Мобинайл»

	99-00	00-01	01-02	02-03	03-04	04-05	05-06
Коэффициент прироста абонентской базы	2,22	1,68	1,22	1,31	1,34	1,67	1,384
Коэффициент прироста чистой прибыли	2,26	1,176	1,241	2,17	(-0,95)	1,654	1,057
EBITDA Margin (%)	27	45,9	52,7	53,6	49,3	51,4	50,5

Подсчитано: По данным таблицы № 1.

Проследив динамику отношения коэффициентов прироста абонентской базы с ростом чистой прибыли относительно роста издержек и расходов компании в таблице 6 можно сделать вывод о цикличности финансовых показателей и волнообразной структуре развития. Таким образом, когда начался спад спроса на услуги, то оператор пошел на снижение тарифов и дополнительное инвестирование в развитие инфраструктуры своей сети в 2004–2005 гг.

Технические возможности «Мобинайл» позволяют предоставлять услуги связи почти на 99% населенной территории Египта. С момента инициации компания заключила соглашения о роуминге с 290 операторами связи в 120 государствах мира и сетью спутниковой связи «Ас-Сурайа». Отдельно стоит отметить наличие гибкой тарифной сетки, большого количества тарифных планов и предоставление услуг скоростной пакетной передачи данных GPRS* и EDGE**. Помимо вышеперечисленных достижений компании, стоит отметить со-

* General Packet Radio Service (GPRS) – протокол пакетной радиосвязи общего назначения, обеспечивающий скорость передачи данных от 114 до 117 кбит/с.

** Enhanced Data rates for GSM [Global] Evolution (EDGE) – Перспективная технология мобильной радиосвязи, обеспечивающая передачу данных в сетях GSM и TDMA/136 со скоростью до 384 кбит/с.

временное технологическое оснащение и обеспечение работоспособности сети в метрополитене г. Каира.

Второй оператор «Водафон Иджипт» начал свою работу также в 1998 г., после того как выиграл конкурс и получил лицензию на предоставление услуг подвижной связи сроком на 15 лет с возможностью последующего обновления (конкурсная ставка составила 1,755 млрд. ег. фунтов). Коллектив сотрудников компании превышает 2,2 тыс. человек.

«Водафон» инвестировал в развитие своей сети около 4,5 млрд. ег. фунтов, что позволило привлечь более 7 млн. абонентов и получить доход в размере 5,9 млрд. ег. фунтов.

Оператор предоставляет свои услуги на 98% населенной территории страны. Тарифная сетка и тарифные планы являются вполне конкурентными, но, в отличие от «Мобинайл», данный оператор пока не предоставляет услуги EDGE (только GPRS). В число роуминговых партнеров компании входят 370 операторов в 130 странах мира.

В 2004 г. значительно укрепился авторитет государственной структуры «Национальное управление по регулированию в сфере телекоммуникаций» («National Telecommunications Regulatory Authority»), которая урегулировала вопрос о третьем операторе мобильной связи. Министерство коммуникаций в 2002 г. провело торги на лицензию для третьего оператора мобильной связи. Предложив за лицензию 1 млрд. долл., торги выиграла компания «Телеком Иджипт». Компания должна была инвестировать в создание третьего оператора 260 млн. долл., но не смогла найти иностранного инвестора, так как ТЭО показало, что услуги третьего оператора мобильной связи на египетском рынке – излишни. Как выход из создавшейся ситуации, компания «Водафон Иджипт» продала компании «Телеком Иджипт» 25,5% своих акций с 50% скидкой от рыночной цены в обмен на отказ от попыток создать третьего оператора мобильной связи. Через «Национальное управление по регулированию в сфере телекоммуникаций» компания «Телеком Иджипт» вернула лицензию, а государство – 1 млрд. долл. Сложившуюся ситуацию можно рассматривать и под другим углом: «Водафон Иджипт» по средством «отката» попыталась предотвратить открытие третьего оператора, который стал бы серьезным конкурентом на рынке услуг передвижной связи.

Но, тем не менее, в 2006 г. министерство связи провело конкурс-тендер на получение лицензии третьего оператора услуг передвижной связи. За лицензию боролись 11 крупных компаний, таких как «Qatar Telecom» («Qtel»), «Saudi Telecom Company» («STC»), «Egypt Telecom», «Telecom Italia», «Turkcell of Turkey», «South Africa's MTN», российская компания «Мобильные Теле Системы» («МТС») и др.* Но выиграл тендер оператор из ОАЭ «Итисалят» («Etisalat»). Победитель предложил ставку, почти в 8 раз превышающую стартовую, – 16,7 млрд. ег фунтов (2,88 млрд. долл.), что позволило ему стать первым оператором мобильной связи третьего поколения в Египте. По условиям соглашения, 66% капитала египетского оператора будет принадлежать материнской компании и 34% – египетским партнерам. Начало предоставления услуг нового оператора «Итисалят» намечено на февраль 2007 г.**

Как видно из приведенных выше данных, инфраструктура телекоммуникационной отрасли Египта развивается быстрыми темпами во всех секторах: телефонная связь, Интернет, почта и сотовые сети. Об этом свидетельствует рост абонентской базы телефонной связи, численность которой в 2006 г. превысила 10, 6 млн. абонентов по всей стране, включая более чем 1,1 млн. абонентов в деревнях, что говорит о развитии инфраструктуры повсеместно, а не только в мегаполисах. Беспрецедентное решение сделать Интернет бесплатным в 2002 г. дало мощный толчок развитию этого вида связи и способствовало стремительному росту рынка Интернет услуг. Таким образом, число пользователей сети Интернет выросло с 1,7 млн. человек в 2002 г. до 5, 4 млн. человек в 2006 г.

Особенностью столь стремительного развития отрасли в последние годы явилось создание гибкого механизма сотрудничества различных субъектов рынка и выстраивания эффективной вертикали регулирующих органов. Надо отметить важный фактор, влияющий на развитие телекоммуникаций в Египте, – обширную поддержку государства. Вместе с частным сектором оно активно проводит социально-направленные программы, рассчитанные на продвижение в массы информационных технологий и развитие телекоммуникаций. Стоит отметить,

---

* Al-Ahram Weekly, Issue No. 809. 2006 cc. 2-3.

** Al-Ahram Weekly, Issue No. 828. 2007 cc. 2-3.

что внедрение телекоммуникаций и информационных технологий является одним из приоритетных направлений развития национальной экономики Египта до 2010 г.

Знаменательными событиями для отрасли телекоммуникаций и информационных технологий явились визиты в Египет глав компаний «Microsoft» и «Intel» Билла Гейтса и Крэйга Барретта соответственно. Результатом этих визитов стало подписание ряда соглашений о сотрудничестве правительства Египта с этими двумя крупнейшими компаниями в области информационных технологий и коммуникаций, а также открытие их представительств в Египте. Помимо этого, на египетском рынке телекоммуникаций и информационных технологий активно работают такие компании как «Xseed», «IBM» и «ORACLE». Необходимо отметить, что активное развитие египетской телекоммуникационной инфраструктуры было замечено и положительно оценено мировым сообществом. В последние годы Египет активно принимает участие в различных международных мероприятиях, таких как выставки и конференции, например, «CeBIT», «WSIS» и «LISA Forum».

Успешное развитие телекоммуникационной инфраструктуры Египта делает его привлекательным для иностранных инвестиций, и в будущем это, видимо, позволит добиться устойчивого роста объемов продаж продукции рассматриваемой отрасли.

1. [Arab Republic of Egypt, Ministry of Communication and Information Technology 2006] – Egypt’s ICT Golden Book. Cairo. 2006. с. 15–18.

2. [Arab Republic of Egypt, Ministry of Communication and Information Technology 2005] – Yearbook 2005. Cairo. 2005. с. 21–22, 32–39, 41.

3. [Arab Republic of Egypt, Ministry of Communication and Information Technology 2004] – Yearbook 2004. Cairo. 2004. с. 14–18, 20.

4. [Arab Republic of Egypt, Ministry of Communication and Information Technology 2003] – Yearbook 2003. Cairo. 2003. с. 13–17, 19.

5. [Arab Republic of Egypt, Ministry of Communication and Information Technology 2002] – Yearbook 2002. Cairo. 2002. с. 11, 19–21.

6. [United Nations, Economic and Social Commission for Western Asia (ESCWA) 2005] – National Profile for The Information Society in Egypt. Beirut. 2005. с. 5–6.

7. [Egyptian Company for Mobile Services (Mobinil) 2006] – Press release: Earnings release. Cairo. 2006.

8. [Egyptian Company for Mobile Services (Mobinil) 2005] – Press release: Earnings release. Cairo. 2005.
9. [Egyptian Company for Mobile Services (Mobinil) 2004] – Press release: Earnings release. Cairo. 2004.
10. [Egyptian Company for Mobile Services (Mobinil) 2003] – Press release: Earnings release. Cairo. 2003.
11. [Egyptian Company for Mobile Services (Mobinil) 2002] – Press release: Earnings release. Cairo. 2002.
12. [Egyptian Company for Mobile Services (Mobinil) 2001] – Press release: Earnings release. Cairo. 2001.
13. [Egyptian Company for Mobile Services (Mobinil) 2000] – Press release: Earnings release. Cairo. 2000.
14. [Egyptian Company for Mobile Services (Mobinil) 1999] – Press release: Earnings release. Cairo. 1999.
15. [Egypt State Information Service 2006] – Egypt Year Book 2005, 2006. Cairo. 2006.
16. [Egypt State Information Service 2005] – Egypt Year Book 2005, 2006. Cairo. 2005.
17. [Al-Ahram Weekly 2007] – Issue No. 828. 2007. cc. 2–3.
18. [Al-Ahram Weekly 2006] – Issue No. 809. 2006. cc. 2–3.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ
В СТРАНЕ ИЗРАИЛЯ
(1882–2006)**

Некоторые понятия о демографии

Демография, по определению французского ученого Ашиля Гийяра, давшего этой науке ее имя в 1855 г. – это ... «естественная и социальная история человеческого рода». Поэтому, чтобы правильно понять демографические процессы, к ним надо относиться так же, как к историческим процессам. Нельзя основывать свои выводы, исследуя исторически кратковременные и преходящие события. Необходимо изучать данные о прохождении демографических процессов в течение длительных периодов времени.

Существует четкая закономерность в демографических процессах, общая для всех народов. Но у каждого народа своя временная диаграмма прохождения этих процессов. Высокая рождаемость и высокая смертность, характерные для примитивного человеческого общества, приводят к низкому естественному росту населения. Дети являются источником дополнительной рабочей силы и дополнительного семейного дохода, а также служат своего рода «пенсионным фондом» для старшего поколения в семье. Высокая детская смертность также требует необходимости повышения рождаемости.

Технологический и культурный прогресс приводит к улучшению качества жизни, развитию и улучшению систем просвещения и медицинского обслуживания, охватывающих широкие массы населения, к ускоренному процессу урбанизации. В результате происходит «демографический переход», в начальной стадии которого снижается уровень смертности, однако все еще сохраняется высокий уровень рождаемости. Поэтому резко увеличивается естественный прирост населения и создается «демографический взрыв».

С продолжением развития общества и его урбанизации усиливается необходимость в повышении всеобщего образования и профессиональной специализации для поддержания достойного уровня жизни. Дети перестают быть дополнительным источником семейного дохода, а все больше превращаются в его потребителей.

Детская смертность резко падает, и уже нет необходимости в высокой рождаемости для обеспечения сохранения потомства. Поэтому начинается снижение рождаемости, но поскольку смертность снижается быстрее, естественный прирост продолжает расти.

Однако смертность понижается лишь до определенного предела, и поэтому с понижением рождаемости начинает понижаться и уровень естественного прироста населения. Затем с увеличением численности стареющего населения увеличивается и смертность. В результате этого вместе с продолжающимся падением рождаемости резко падает уровень естественного прироста.

«Сегодня, «демографический переход» от высокого коэффициента рождаемости и смертности к низкой рождаемости и смертности происходит или уже произошел в большей части мира. Менее развитые страны прошли полпути этого перехода и находятся примерно там, где находились более развитые страны около полувека тому назад¹».

График и прогноз ЦСБ США о росте населения мира за 1950–2050 гг. представлен ниже².

Рис.2

Понимание демографических процессов позволяет разрабатывать и осуществлять демографическую политику, учитывая влияние экологической и социо-экономической среды на человеческое общество и, с другой стороны, влияние самого человека на свою среду.

Ведь, как определил профессор Дольник, «...за экологическими терминами – взрыв, кризис, коллапс, стабилизация – стоят не эмоции и истерики, не кликушество, а кроется общий для всех видов на Земле экологический закон»³.

В рамках короткого доклада невозможно показать весь спектр демографических факторов, влияющих на развитие населения в Израиле. Поэтому остановимся на анализе трех основных: рождаемость, смертность, миграция населения.

Демографическое развитие населения Израиля

За последние 124 года еврейское население Израиля выросло в 238 раз, с 24 тыс. чел., или 5% от всего населения турецкой Палестины в 1882 г., до 5 393 600 чел. на конец 2006 г. Вместе с членами семей, национальность которых была не определена МВД Израиля, оно составило 5 702 700 чел.⁴, или 80% всех граждан.

Доля евреев среди всего населения, включая территории Иудеи, Самарии и Полосы Газы, установилась на протяжении последних 40 лет на уровне около 60%.

Что привело к такому коренному изменению демографической действительности и к превращению незначительного еврейского меньшинства в массивное и устойчивое большинство?

**Население Страны Израиля
1800-2006**

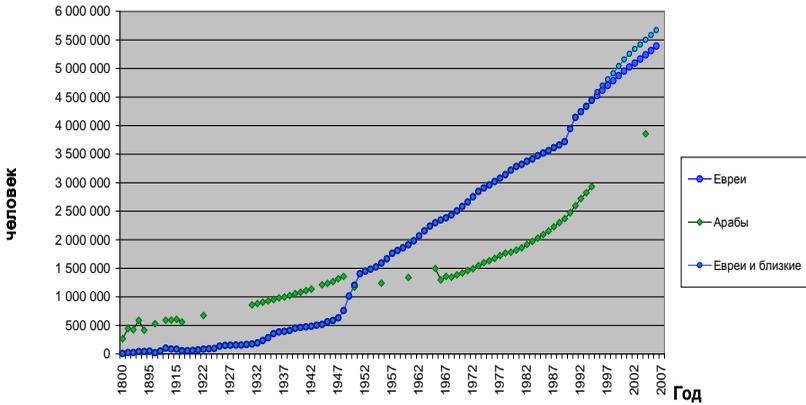

Рис.3

**Евреи и Арабы в Стране Израиля
1800-2005**

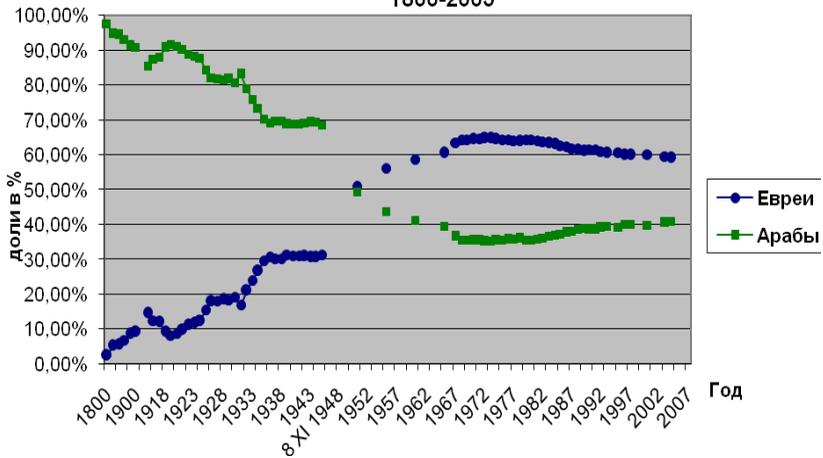

Рис.4

Почему прирост арабского населения, превышающий естественный прирост евреев, не обеспечил арабское большинство в стране?

Каковы тенденции дальнейшего демографического развития населения Израиля?

Чтобы ответить на эти вопросы, понадобилось найти, собрать и проанализировать демографические данные за последние 120 лет. Основные выводы были следующими:

– демографические процессы в Израиле происходят по тем же законам, что и в других странах мира.

– Непрерывный рост еврейского населения поддерживается сочетанием естественного прироста и алии, то увеличивающейся, то уменьшающейся, но существующей постоянно и непрерывно.

– Естественный прирост арабов, достигший своего максимума в 1965 г., неуклонно снижается, и можно ожидать, что в первой половине XXI-го века он сравняется с уровнем естественного прироста евреев.

– Постоянная эмиграция арабов из Иудеи, Самарии и Газы в течение последних 60 лет снижает прирост арабского населения в стране.

– Соотношение между евреями и арабами фактически установилось, и, начиная с 1967 г., оно удерживается на уровне 60% евреев и 40% арабов⁵.

– Продолжение алии и усиление эмиграционных тенденций среди арабского населения, наряду с понижением их рождаемости, приведет в будущем к увеличению доли евреев среди всего населения страны.

Поскольку естественный прирост арабов большую часть времени был значительно выше, то ясно, что основной причиной роста еврейского населения была репатриация – алия.

Алия – репатриация евреев в Израиль

Начиная с 1919 г. и по 2006 г., в Израиль репатрировалось 3 475 864 евреев^{6 7 8}.

Число репатриантов было на 16% больше, чем число евреев, родившихся в Израиле за это же время. Более 40% еврейского народа собралось в Государстве Израиль.

Алия продолжается непрерывно и волнообразно, иногда увеличиваясь до волн массовой репатриации, иногда понижаясь до определенного минимального уровня. Только с момента

провозглашения государства в 1948 г. и по 2005 г., в страну репатриировалось 2 993 007 евреев⁹ из более чем 50 стран. Около 80% всех репатриантов приехали из 10 стран, расположенных на 4 континентах. Почти 40% репатриантов приехали из бывшего СССР, 9,2% – из Румынии, 9% – из Марокко и 5,8% – из Польши.

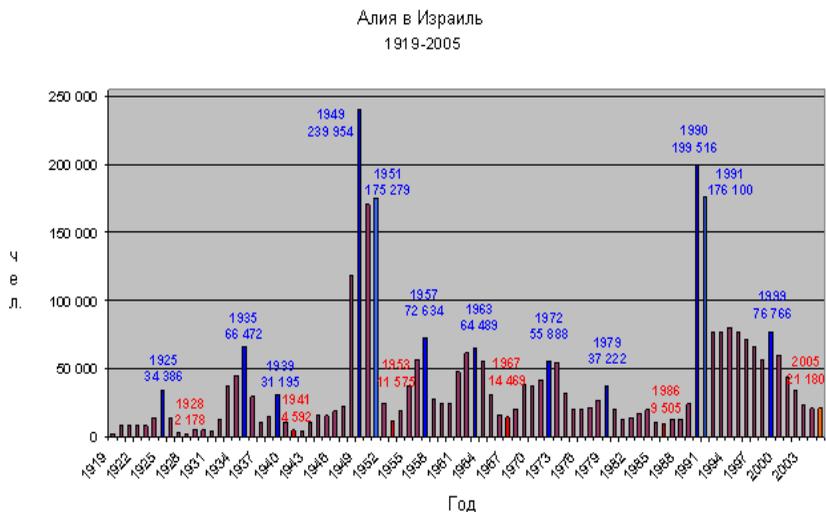

Рис. 5

Экономические и политические кризисы в разных странах диаспоры влияли на положение евреев в этих странах и служили причинами для возникновения волн массовой алии.

Успехи Государства Израиль в обороне и развитии экономики страны способствовали усилению алии точно так же, как неудачи увеличивали эмиграцию и понижали миграционный баланс.

На следующем графике можно проследить, насколько развитие экономики Израиля влияет и одновременно находится под влиянием репатриации и эмиграции.

Каждый раз, когда экономика Израиля находится на подъеме, начинает увеличиваться положительный миграционный баланс. В свою очередь, когда возникает новая волна алии, начинает интенсивней развиваться экономика страны.

Алия в Израиль по странам 1948-2005

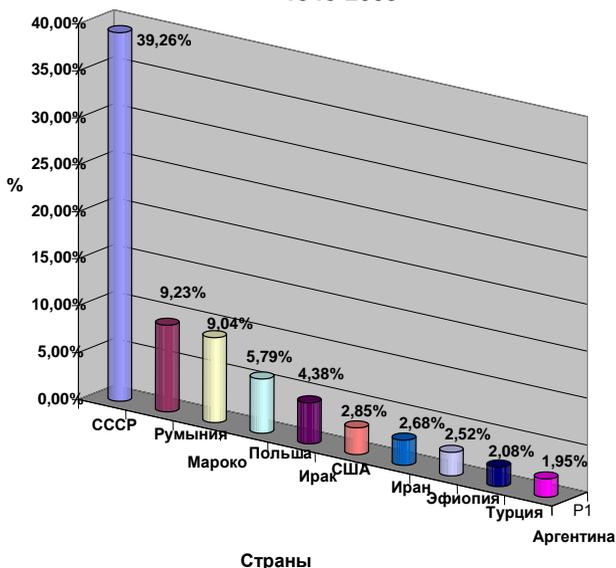

Рис.6

Так, за волной алии, возникшей в первые годы создания государства Израиль, ВВП страны вырос в 1954 г. более, чем на 16%. Понижение миграционного баланса до минимума в период между 1962–1967 гг. сопровождается экономическим кризисом и резким падением роста ВВП.

Темпы роста ВВП и, вслед за этим, подъем алии резко возрастают после побед в Синайской кампании 1957 года и Шестидневной войны 1967 года. Но они резко падают после Войны Судного дня в 1973 г. Разражается экономический кризис, продолжающийся с 1974 г. по 1989 г. В течение нескольких лет число эмигрантов даже превышает число репатриантов.

Волна массовой алии из бывшего СССР приводит к окончанию этого кризиса и к резкому подъему экономики в 1990 году. Однако, начиная с 2000 г., происходит понижение алии до

уровня 1989 г. Это, в свою очередь, сопровождается понижением темпов развития экономики Израиля вплоть до сокращения ВВП в 2002 г. и 2003 г.

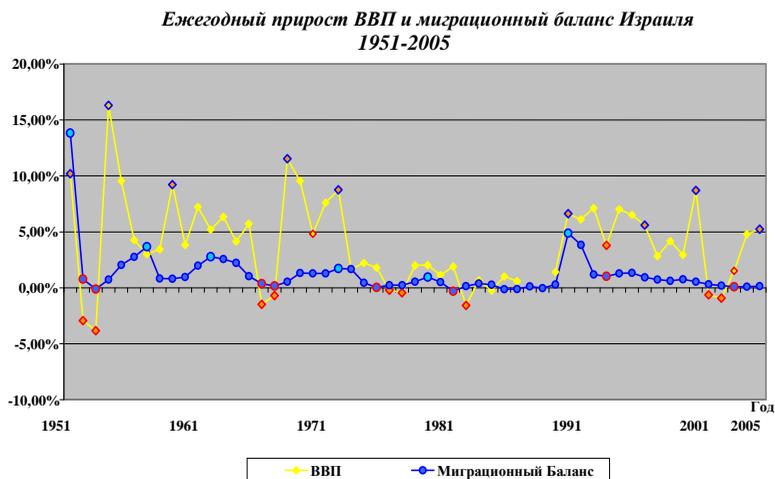

Рис. 7

Успешное развитие экономики Израиля в 2004–2006 гг., выдержавшее тяжелое испытание неудачной военной кампании в Ливане, способствует сохранению положительного миграционного баланса, вопреки затяжному политическому кризису в стране.

«Демографический переход» в Израиле

Проанализируем процесс «демографического перехода» в Израиле. Евреи раньше, а христианское население страны несколько позже, уже вошли в период стадии стабилизации населения. У евреев в последние годы наблюдается даже некоторое увеличение естественного прироста, и он считается сегодня наиболее высоким среди развитых стран¹⁰.

У мусульманского населения – граждан Израиля процесс «демографического перехода» вошел в стадию резкого падения рождаемости. Если в 1960 г. суммарный коэффициент рождаемости¹¹ у мусульман-граждан Израиля был равен 9,31, то в 2005 г. он равнялся уже только 4,03, или на 57% меньше.

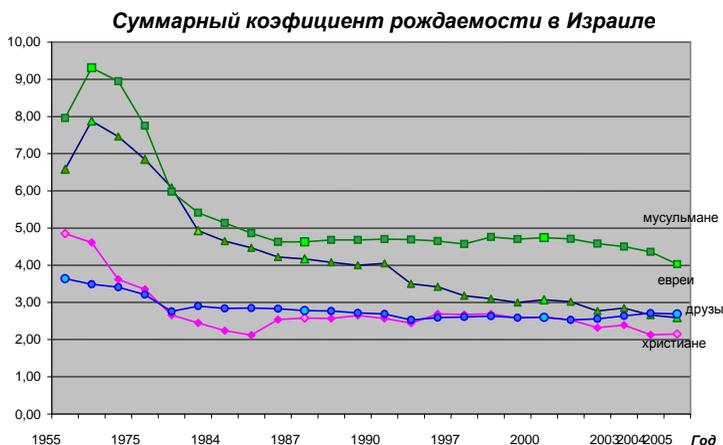

Рис.8

Этот коэффициент у евреев понизился на 28%, с 3,64 в 1955 г. до 2,62 в период между 1990–1999 гг. Однако он вновь поднялся до 2,69 к 2005 г. Евреи, у которых еще в 1975 г. был самый низкий коэффициент рождаемости среди населения Израиля, начиная с 2004 г., опередили христиан и друзов и уступают лишь мусульманам.

Разница между коэффициентом рождаемости у евреев и у мусульман-граждан Израиля, сократилась с 5,82 в 1960 г. до 1,34 ребенка в 2005 г. В Иерусалиме коэффициент рождаемости у евреев и у арабов одинаков и равен 3,9.

Влияние просвещения на рождаемость

«Чем выше образование женщины, тем меньше у нее будет детей. Все имеющиеся исследования показывают, что дополнительное среднее образование у женщин соотносится с более низкой рождаемостью»¹² – говорится в отчете ООН о статусе населения Земли на 1999 г. Поэтому международные форумы по регулированию уровня населения в мире для улучшения уровня жизни (ICPD) приняли в качестве рекомендаций для развивающихся стран необходимость интенсивного и ускоренного улучшения уровня образования населения, особенно женщин.

Действует ли этот фактор на уровень коэффициента рождаемости мусульман-граждан Израиля.

В 1961 году медиана уровня образования у арабов-граждан Израиля была всего лишь 1,2, а коэффициент рождаемости в том же году был на наиболее высоком уровне – 9,3 ребенка на женщину.

В 2005 г. уже более 51% арабских женщин в Израиле обладают средним и высшим образованием, медиана уровня их образования достигла 11 лет учебы, а коэффициент рождаемости снизился до 3,72 ребенка на женщину. Таким образом, за два поколения уровень образования у арабов Израиля вырос в 10 раз, а коэффициент рождаемости снизился на 60%.

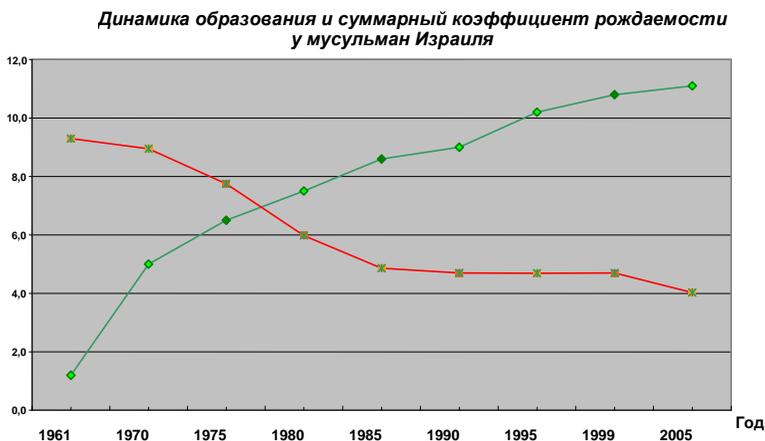

Рис. 9

Продолжающийся рост уровня образования у арабов Израиля указывает на тенденцию его сближения с уровнем образования евреек (12,8), и в соответствии с этим происходит процесс снижения коэффициента рождаемости арабов до уровня, сложившегося у евреек (2,69).

Если сравнить график совокупного ежегодного прироста арабов-граждан Израиля с графиком прироста евреев, то можно проследить за тенденциями этого прироста и сделать прогноз его развития вплоть до 2050 г. Из этого графика видно, как

к 2050 г. уровень прироста у арабов снижается и постепенно приближается к уровню прироста у евреев.

Ежегодный прирост населения Израиля 1968–2006 гг. и тренд до 2050 г.

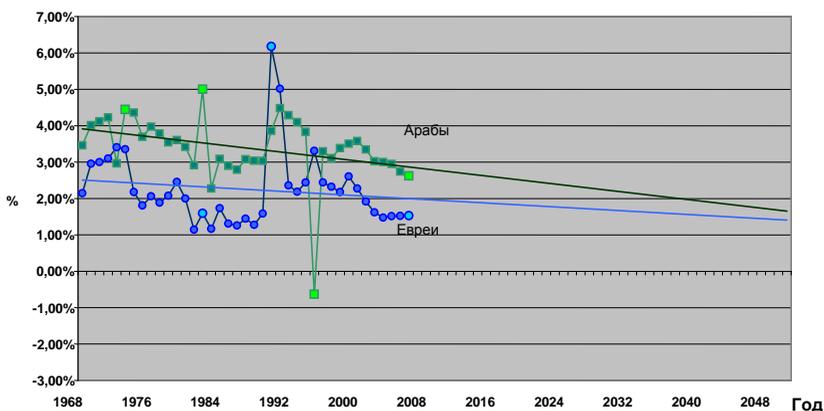

Рис.10

Однако на графике видна странная аномалия: с 1990 г. по 1995 г. вместо снижения наблюдается резкий подъем прироста арабского населения. Как выясняется, начиная с 1990 года, ИЦСБ стало автоматически причислять к арабам всех репатриантов, членов смешанных семей выходцев из СССР, чья национальность не была четко определена МВД Израиля. Эта ошибка была исправлена только в 1996 г., и соответствующая корректировка внесена в данные за 1995 г. Однако ошибочные данные за период с 1990 г. по 1994 г. продолжают появляться в публикациях ИЦСБ и в 2006 г.

Демографические тенденции среди арабов территорий Иудеи, Самарии и Полосы Газы

Если верить публикациям ПЦСБ, арабское население Иудеи, Самарии и Газы выросло с 1 526 400 человек в 1990 г. (по данным ИЦСБ на этот год) до 3 191 000 жителей в 2000 г. Прирост населения составил 1 664 600 человек, или 109%.

Получается, что в течение всего лишь десяти лет арабское население Иудеи, Самарии и Газы более, чем удвоилось, а его

прирост был на 35% выше, чем прирост еврейского населения в целом в период массовой алии.

В соответствии с данными ИЦСБ, с 1967 г. по 1993 г., т.е. за 26 лет, население Иудеи и Самарии выросло на 82%, а в полосе Газы – на 92%¹³. Однако доля арабского населения этих территорий среди всего населения Страны Израиля не только не увеличилась, но большую часть времени даже уменьшалась. Как видно из следующего графика, доля арабского населения в целом увеличивалась из-за увеличения доли мусульман-граждан Израиля.

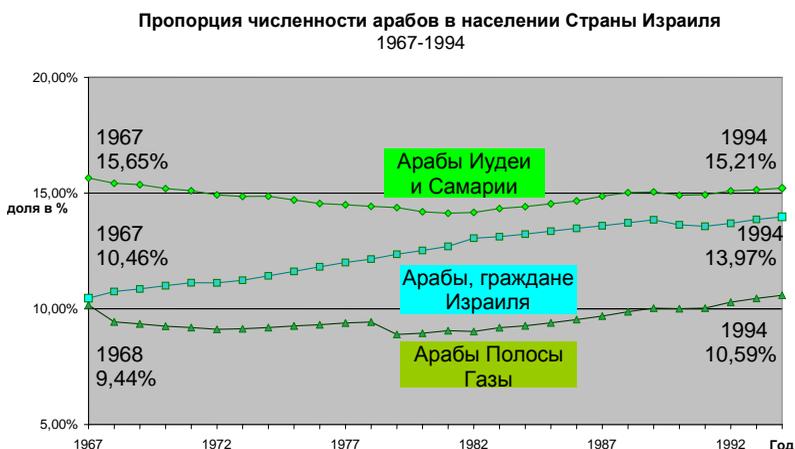

Рис. 11

К сожалению, в 1994 г. ИЦСБ прекратило свое наблюдение за демографическим развитием арабского населения Иудеи, Самарии и Полосы Газы.

Спрашивается, как получилось, что всего за 10 лет, с 1990 г. по 2000 г., население ПА выросло в процентном отношении намного больше, чем за предыдущие 26 лет?

Прежде всего, стоит обратить внимание на тот факт, что такой невероятный прирост населения за такое короткое время не мог бы пройти незамеченным. Потребовались бы колоссальные капиталовложения в коммуникации, жилье и услуги населению, соразмерные с теми, которые пришлось мобилизовать Израилю для приема массовой алии.

Не секрет, что в Иудее, Самарии и Газе естественные условия для развития сельского хозяйства весьма ограничены, нехватает местных источников воды. Поскольку промышленность ПА слабо развита, там нет достаточного количества рабочих мест и источников пропитания даже для уже существующего населения. Неслучайно, палестинцы требуют сохранить за ними право на работу в Израиле даже в случае полного политического размежевания.

Абсорбция массовой репатриации евреев 90-х годов по праву расценивалось в мире как очередное израильское чудо. Но никто не слышал и не обратил внимания на «палестинское чудо» успешного решения проблем, вызванных удвоением населения ПА всего лишь за 10 лет. Ведь естественным результатом такого резкого прироста арабского населения, если бы оно происходило одновременно с приростом еврейского населения, был бы демографический взрыв и гуманитарная катастрофа не только в ПА, но и в Израиле.

Этого не произошло по простой причине: такого невероятного увеличения палестинского населения на самом деле никогда не было.

Официальные данные ООН указывают на ежегодный прирост населения в Иудее, Самарии и Газе в среднем по 4,02% в год между 1990 г. и 1995 г. и примерно 3,83% в период с 1995 г. по 2000 г.¹⁴ Такой прирост, несомненно, впечатляет, однако он находится приблизительно на половине того уровня, который привел бы к удвоению населения за одно десятилетие.

Более того, в опубликованном палестинским министерством здравоохранения отчете¹⁵ говорится следующее: «Отчет рассматривает источники, касающиеся уровня коэффициента рождаемости в Палестине между 1967 г. и 1986 г. Исследование включает население Западного Берега, Полосы Газы, Восточного Иерусалима, а также палестинцев, проживающих в Израиле. Основные выводы:

– Уровень коэффициента рождаемости увеличился сразу после войны 1967 года, а затем понизился во всех четырех регионах. Коэффициент рождаемости начал понижаться в Восточном Иерусалиме и среди палестинцев, проживающих в Израиле в начале 70-х годов, а на Западном Берегу и в Полосе Газы в середине 70-х годов.

– Изменение в уровне коэффициента рождаемости между 1967 г. и 1987 г. связано с социально условиями, например

уровнем образования матери, ее работой вне дома и расположением семейного жилья.

– Изменения в уровне коэффициента рождаемости не были связаны с идеологической позицией, которая поощряла высокий уровень рождаемости».

Можно отметить, что процент арабов Иудеи и Самарии, обладающих девятиклассным и выше образованием, включая высшее образование, вырос с 9,3% в 1970 г. до 42,2% в 1995 г. В Полосе Газы процент женщин, обладающих таким уровнем образования, достиг 45,4% уже в 1990 г. Как известно, рост образования приводит к понижению рождаемости.

Динамика образования женщин в Иудее, Самарии и Полосе Газы (9 классов и выше) 1970–1995

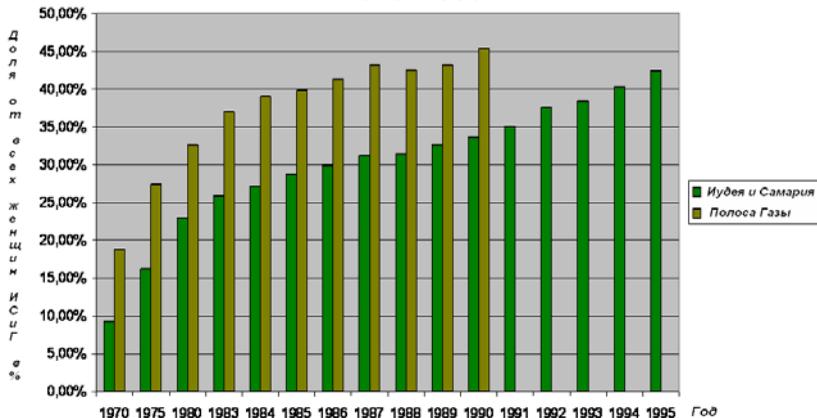

Рис. 12

К этому надо добавить еще один чрезвычайно важный элемент: значительная эмиграция, начавшаяся еще в 50-е годы из Иудеи, Самарии и Полосы Газы и продолжающаяся по сей день.

В 1986 г. в своей работе «Демографическая война за Палестину» профессор Нортвостернского Университета Жаннетт Абу-Луруд, палестинка по происхождению, писала следующее: «Оружие палестинцев – высокая плодовитость – похоже со временем затупится. Естественный прирост, достигший ре-

кордных высот 3–4% в год в 50-е и 60-е годы, начинает сейчас снижаться... Вне всякой связи с их нынешним уровнем легко предсказать, что они никогда уже не вернутся к рекордным высотам прошлого. Арабское население внутри Палестины не может расти бесконечно. Определенная эмиграция, даже без применения силы для их изгнания, неминуема. Крохотная Полоса Газы уже сейчас один из наиболее тесных регионов на Земле, и существует граница ее возможностям вмещать еще людей, даже если ужасные условия жалкого существования продолжатся и в будущем»¹⁶.

Около 122,500 жителей эмигрировали только из Иудеи и Самарии в период между 1950 г. и 1967 г., когда эти территории находились под властью Иордании¹⁷.

По данным ИЦСБ, на протяжении 26 лет, начиная с 1968 г. и по 1994 г., в среднем ежегодно эмигрировали около 10 тыс. палестинцев.

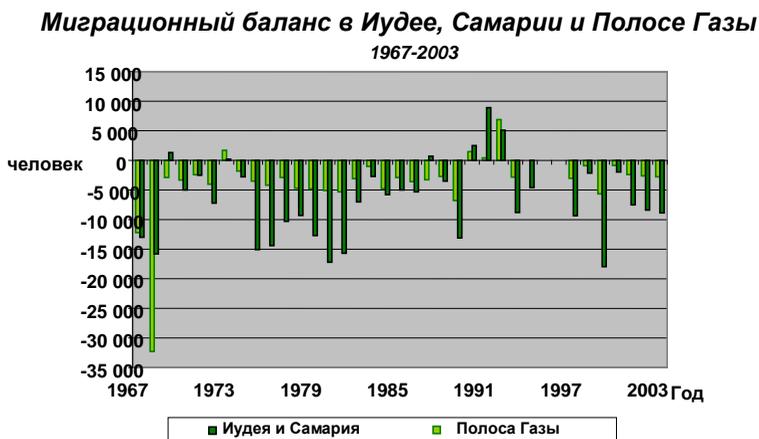

Рис.13

По данным, опубликованным в марте 1998 г. руководителем Палестинского статбюро, Масуром Хасаном Абу Либде, насчитывалось 325 тыс. палестинских эмигрантов, проживавших за границей более одного года.

В Отчете № 5 движения «Шалом Ахшав»¹⁸ за 1992 г. было прямо сказано, что они прибавляют к числу арабов ПА 260 тыс.

палестинских эмигрантов, а также жителей Восточного Иерусалима, уже учтенных в переписи населения граждан Израиля. Только одна эта арифметическая махинация прибавила к числу жителей ПА более 400 тысяч человек!

Исследование автора, проведенное в 2003 г., показало, что палестинцы прибавили к своему числу, по крайней мере, около миллиона «мертвых душ»¹⁹. Это было подтверждено группой американских и израильских ученых во главе с Беннеттом Циммерманом и Иорамом Эттингером, опубликовавшей 10 января 2005 г. серьезное исследование²⁰ по демографии Палестинской автономии. Исследование²¹ показало, что численность палестинского населения на конец 2004 г. составляет около 2,4 млн. чел., а не 3,8 млн., как утверждают представители ПА. Около 1,35 млн. арабов проживает в Иудее и Самарии и 1,07 млн. – в Секторе Газа.

Естественный прирост арабов Иудеи, Самарии и Полосы Газы в сравнении с мусульманами Израиля (1967–1994 с 1950–2006)

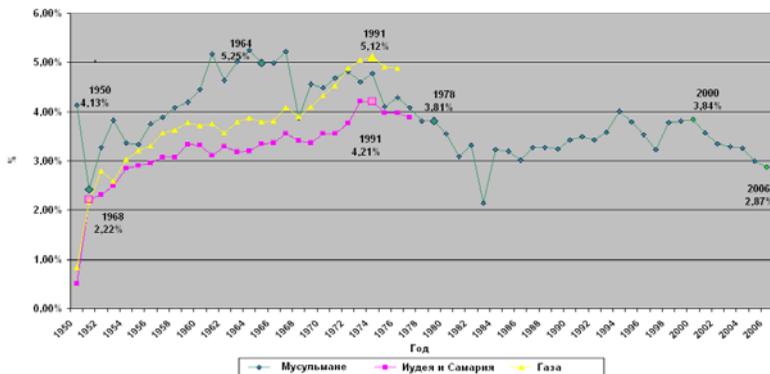

Рис. 14

Интересно отметить такой факт: достижение пика естественного прироста у мусульман-граждан Израиля, заняло 20 лет с момента создания еврейского государства, т.е. одно поколение. Точно так же произошло и у арабов Иудеи, Самарии и Полосы Газы: достижение пика естественного прироста заняло около 20 лет с момента их перехода под контроль Израиля. Таким образом, те же демографические изменения, что и у му-

сультман-граждан Израиля, происходят и в среде арабского населения Иудеи, Самарии и Полосы Газы. Период «демографического взрыва» достиг у них своего пика к началу 90-х годов, а затем естественный прирост пошел на спад.

Можно сравнить графики естественного прироста у мусульман Израиля и у арабов Иудеи, Самарии и Газы в течение первых 30 лет их проживания под властью Государства Израиль. Для этого наложим график арабов Иудеи, Самарии и Газы на график мусульман Израиля таким образом, чтобы их начальные точки отсчета – 1950 год и 1967 год – совместились.

Из совмещенного графика видно, что процесс развития естественного прироста у арабов Иудеи, Самарии и Газы повторяет процесс, прошедший среди мусульман-граждан Израиля.

Заключение

Прогнозы ООН о развитии населения стран мира предполагают, что к 2045 г. естественный ежегодный прирост арабов, проживающих на территории Иудеи, Самарии и Полосы Газы, будет равен 0,94%²².

Прогноз развития естественного прироста в Иудее, Самарии и Газе

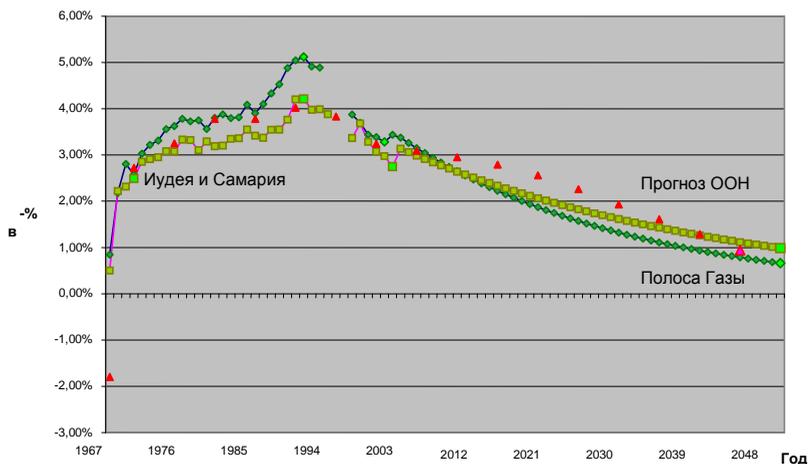

Рис.15

Демографическое поведение палестинских и израильских арабов в последней четверти XX-го века соответствует алгоритму «демографического перехода». Продолжение этого процесса, связанного с повышением уровня образования и урбанизацией, выровняет уровни естественного прироста арабского и еврейского населения.

Демографы ООН отмечают: «Одно совершенно очевидно: у стран с низкой рождаемостью нет шанса на повышение естественного прироста и на возвращение к большим семьям. Как только уровень рождаемости начал снижаться, ни одной стране в истории не удалось увеличить его вновь на продолжительное время»²³.

Соотношение еврейского и арабского населения будет, как и прежде в течение последних 120 лет, определяться миграционными тенденциями. Демографическая политика, направленная на продолжение алии и на усиление эмиграционных тенденций среди арабского населения, приведет к увеличению доли евреев среди всего населения страны.

¹ UNFPA, «State of World Population 1999. six billion: a time for choices», Chapter 2, Population Change and People Choices, p. 23.

² US Census Bureau. World Population Information. International Data Base. «Total Midyear Population for the World: 1950–2050». August 2006 version. Updated 08-24-2006.

³ В.Р. Дольник, «Непослушное дитя биосферы», стр. 296, Черо-на-Неве * МПСИ * Паритет Санкт-Петербург * Москва, 2004.

⁴ ИЦСБ, Пресс-релиз 279/2006, 28.12.2006.

⁵ «Demographics: Men or Myth», by Dan Petreanu, «Jerusalem Post», August 16, 1988.

⁶ ИЦСБ, Ежегодник 1970, № 21, табл. д/3, стр. 112.

⁷ ИЦСБ, Ежегодник 2004, № 55, табл. 4.4.

⁸ ИЦСБ, Ежегодник 2006, № 57, табл. 4.4, стр. 241–242.

⁹ ИЦСБ Ежегодник 2006, №57, табл. 4.2.

¹⁰ ICBS 2006, №57, MARRIAGES, DIVORCES, LIVE BIRTHS, DEATHS, NATURAL INCREASE, st 03.01F

¹¹ Коэффициент рождаемости указывает на количество детей, которых женщина может родить за свою жизнь. Повышение уровня образования, улучшение медицинского обслуживания и более высокий уровень жизни влияют на уровень рождаемости населения.

¹² «UNFPA, «State of World Population 1999. six billion: a time for choices», Chapter 2, Population Change and People Choices, p. 27.

¹³ ICBS 1997, #48, st. 27.1.

¹⁴ Source: Occupied Palestinian Territory: Growth Rate, Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2000 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision, <http://esa.un.org/unpp>, 15 July 2002; 9:14:57 AM.

¹⁵ Tamari, S. The Fertility of Palestinian Woman: Nationalistic View and Social Fact. Woman's Issues Journal 1991; 1: 155–183. In Arabic only, http://www.hdip.org/health%20resources/health_resourcespage.htm

¹⁶ «The Demographic War For Palestine», by Janet Abu-Lughod, The Link, Vol. 19, No. 5, December 1986.

¹⁷ «The Demographic War For Palestine», by Janet Abu-Lughod, «The Bottom Line», p. 10, The Link, Vol. 19, No. 5, December 1986.

¹⁸ Движение «Шалом Ахшав», Отчет № 5, Глава 2 «Основы Отчета, прилагаемого к Карте», параграф 2а, 1992 г.

¹⁹ Хагай Сегаль, «Демоно-графическая проблема» – «Загадка Файтельсона», «Бешева», 22 января 2004 года.

²⁰ Материалы презентации исследования были размещены на официальном сайте Американского института предпринимательства www.aei.org, а также на сайте www.pademographics.com.

²¹ «The Million Person Gap: The Arab Population in the West Bank and Gaza», Bennet Zimmerman, Roberta Seid and Michael L. Wise, The Begin-Sadat Center for Strategic Studies, Bar Ilan University, Mideast Security and Policy Studies # 65, February 2006.

²² Source: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2000 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision, Occupied Palestinian Territory, «Population growth rate (%)», «Low variant», «2045–2050», «0.94», <http://esa.un.org/unpp>, 15 July 2002.

²³ UNFPA, «State of World Population 1999. six billion: a time for choices», Chapter 1, Overview and Introduction, Demographic Trends, p. 9.

**ОЧЭС И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ –
К НОВЫМ ФОРМАМ СОТРУДНИЧЕСТВА**

Для расширения торговых связей с другими странами мира целесообразно использовать развитие отношений с разными международными региональными группировками. В настоящее время это можно сделать путем взаимодействия на институциональном уровне экономических группировок, в частности, с Организацией Черноморского экономического сотрудничества. Устав Организации был принят 5 июня 1998 г. в Ялте (Украина). Именно эта дата считается днем рождения ОЧЭС. Участниками организации являются Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Россия, Румыния, Турция, Украина¹. Государства ОЧЭС являются членами разных политических и экономических группировок (СНГ, ГУАМ, НАТО, ЕС), проводят глубокие социально-экономические преобразования. Для России и Украины подобное взаимодействие открывает новые перспективы внешнеполитической деятельности, которые можно обозначить как южный вектор их внешних политик.

Сегодня перед ОЧЭС стоят задачи превращения в широкоформатную международную организацию, развития сотрудничества с ЕС с целью интеграции в европейскую систему. В 1997 г. Европейским советом был принят документ «Региональное сотрудничество в Черноморском регионе». В нем идет речь о необходимости создания нового подхода к региональному сотрудничеству черноморских государств и признается «растущая стратегическая важность» региона, которая должна усилиться в процессе расширения ЕС. Следует отметить, что Россия, Украина и Турция развивают сотрудничество с Европой в собственных форматах. Украина и Турция ориентированы, прежде всего, на вступление в ЕС. Что касается России, то, учитывая свою историческую специфичность и геополитическое положение, она

развивает отношения с ЕС в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, заключенного в 1994 г. на острове Корфу.

Одной из задач ОЧЭС является создание зоны свободной торговли на территории стран-участниц, что может быть осуществлено в русле формирования европейского экономического пространства. Принимая во внимание юридические обязательства некоторых стран-участниц ОЧЭС перед ЕС и желание большинства их стать полноправными членами Евросоюза, какое-либо конструктивное действие по формированию зоны свободной торговли в Черноморском регионе становится возможным только в рамках диалога ОЧЭС-ЕС. Зона свободной торговли ОЧЭС может стать «промежуточным звеном», которое подготовит страны-участницы к интеграции в «расширенную Европу». Таким образом, реализация проекта зоны свободной торговли (ЗСТ) ОЧЭС должна способствовать вхождению этой организации в более масштабное экономическое пространство.

Страны-участницы ОЧЭС рассматривают создание ЗСТ в Черноморском регионе как существенный компонент Евро-Черноморского сотрудничества, в котором ОЧЭС выступала бы как подсистема, которая дополняет ЕС. Европейская комиссия неоднократно подчеркивала, что созданию ЗСТ в Черноморском регионе должно предшествовать присоединение соответствующих стран-участниц ЧЭС к ВТО.

Наиболее известные отраслевые экономические проекты ОЧЭС связаны с транспортной инфраструктурой и энергетикой. Что касается первого, то в создании соответствующей транспортной инфраструктуры ОЧЭС тесно сотрудничает с ЕС, что подтверждает стремление организации черноморских государств внести свой вклад в строительство новой европейской архитектуры. Реализация планов будет способствовать появлению высокоэффективной и надежной транспортной системы, подключению ее к трансевропейской сети коммуникаций, увеличению масштабов грузоперевозок между странами Европы, Азиатского континента и государствами Ближнего и Среднего Востока².

Благодаря своему географическому расположению, Черноморский регион в недалекой перспективе призван стать главным звеном, которое связывает хорошо интегрированную энергосистему европейских стран с энергосистемами стран Азии. Важную роль в реализации этого проекта должны сыг-

рать транспортные магистрали, которые пролегают и через территорию Украины. Страны-участницы ОЧЭС согласились изучить техническую возможность и экономическую целесообразность создания новой взаимосвязанной энергосистемы в рамках межгосударственного проекта и рекомендовали государственным организациям и энергетическим компаниям учредить энергетическую ассамблею ОЧЭС с целью разработки и реализации региональной концепции развития энергетики. В ближайшем будущем ОЧЭС имеет шансы стать основным «коммуникационным мостом» между Азией, Ближним Востоком и Европой.

Украина придает особое значение деятельности Организации ЧЭС как одному из важнейших механизмов продвижения европейских интеграционных интересов. В этом контексте украинская сторона стремится активно приобщаться к процессам регионального сотрудничества, к укреплению двусторонних отношений с другими странами-участниками, реализовать экономические проекты путем использования возможностей ОЧЭС. В рамках сотрудничества в ОЧЭС Украина заинтересована в обеспечении своего участия в проектах, которые связаны с развитием общего рынка энергоносителей, транспортной инфраструктуры, трансграничного сотрудничества. Успешное развитие ОЧЭС во многом зависит как от характера и интенсивности взаимодействия по линии ОЧЭС-ЕС, так и от обеспечения необходимого уровня координации и сотрудничества между двумя организациями³.

Достаточно эффективно можно использовать сотрудничество в рамках ОЧЭС для ускорения процесса синхронизации энергосистем стран Восточной и Западной Европы, для стыковки трансевропейских и азиатских транспортных магистралей, для последовательного наращивания усилий в области увеличения финансирования с целью реализации региональных проектов, которые обеспечивают экономический рост в странах ОЧЭС. Реализации этих планов должно содействовать налаживание взаимодействия стран ОЧЭС с Европейским Союзом, ориентированное на оформление «черноморского измерения» политики ЕС и реализацию программ в интересах населения стран черноморского бассейна. Подобным образом можно развивать сотрудничество ОЧЭС и ЕС в транспорте, энергетике, в сфере охраны окружающей среды⁴.

ЕС с успехом расширяет сотрудничество с ОЧЭС. Важным событием стала Третья Евро-Средиземноморская конференция, во время которой представители Греции передали Совету ЕС по общим вопросам и внешним связям документ «Платформа сотрудничества между ОЧЭС и ЕС», принятый министрами иностранных дел государств-членов ОЧЭС. Совет сообщил, что на будущую встречу министров иностранных дел ОЧЭС будут приглашены председатель Совета ЕС и представитель Европейской комиссии. Следует отметить, что Греция прежде всего ориентируется на разработку конкретных проектов, которые осуществляются при поддержке и финансовой помощи институтов ЕС (создание Черноморского банка торговли и развития, Черноморского центра научных исследований и др.) Наибольший интерес к реализации проекта черноморской интеграции проявляют местные органы власти прилегающих к Черному морю территорий. Однако для стимуляции процессов интеграции им необходимо увеличить производство экспортных товаров в своих регионах.

Позиция Греции пользуется значительной поддержкой Болгарии и Румынии, основным приоритетом которых является безболезненное вхождение в ЕС. Им также присуще стремление рассматривать вопросы сотрудничества в Черноморском регионе во взаимодействии со структурами, которые обеспечивают процессы европейской интеграции.

Одной из перспективных форм развития экономического сотрудничества стран ОЧЭС и Средиземноморья в ближайшей перспективе может стать заключение соглашений о свободной торговле. Однако существует ряд вопросов, которые подлежат решению и нуждаются в более четкой координации между руководящими звеньями ОЧЭС и главными экономическими группировками Средиземноморья.

Например, в последнее время заметно возросла интенсивность взаимодействия ОЧЭС с другими международными региональными группировками. Так, 27 апреля 2005 г., в ходе встречи глав палат парламентов государств-членов ЕврАзЭС в Санкт-Петербурге, Парламентская ассамблея ОЧЭС и Межпарламентская ассамблея ЕврАзЭС заключили соглашение о сотрудничестве. На протяжении 2000–2006 гг. были проведены бизнес-форумы и информационные совещания ОЧЭС с другими международными региональными организациями. Вместе с тем, основной целью этих форумов стало развитие сотрудниче-

ства с отдаленными региональными группировками (МЕРКОСУР, НАФТА, Андским сообществом), хотя в то же время можно было бы развернуть конструктивный диалог и с соседними региональными группировками Средиземноморья. В частности, достаточно полезным могло бы стать участие делегатов от ОЧЭС в качестве наблюдателей в заседаниях Евро-Средиземноморского форума, в экономических форумах Союза Арабского Магриба (САМ). Справедливо отметить, что среди стран южного побережья Средиземноморья также наблюдается подобная тенденция. Страны Арабского Магриба больше настроены на взаимодействие с рынками Европейского Союза и странами Персидского залива, чем со странами Черноморского бассейна.

Из стран ОЧЭС наиболее активно развивает отношения со странами САМ Турция. На текущий момент Турцией заключены соглашения о свободной торговле с 19 странами мира, главным образом, со странами Средиземноморского бассейна. В 2005 г. вступили в силу соглашение о свободной торговле между Турцией и Марокко, Турцией и Тунисом. И уже налицо положительный экономический эффект. Лишь за год действия турецко-тунисского соглашения экспорт текстильной продукции Турции в Тунис увеличился с 21 (в 2004 г.) до 28 млн. долл. (в 2005 г.). В мае 2006 г. турецкая и алжирская стороны провели переговоры о создании зоны свободной торговли (в 2005 г. объем торговли между Алжиром и Турцией составил 2 млрд. долл.).

На протяжении последнего года Россия заключила ряд крупных контрактов в военно-технической и энергетической сфере, получила определенные торговые преференции в торговле как с алжирскими, так и с марокканскими партнерами. В заключении соглашений о свободной торговле российская сторона прежде всего ориентируется на страны СНГ, хотя в последние годы создана определенная база для подготовки соглашений с рядом стран Средиземноморья, в частности, с Египтом. Согласие России на предоставление торговых преференций и на снижение пошлин для египетских контрагентов на 50% будет способствовать увеличению египетского экспорта товаров на российский рынок.

В свою очередь, Украина может учесть опыт североафриканских стран (которые на это время имеют статус ассоциируемых партнеров ЕС) для разработки экономической политики сближения с Евросоюзом. В настоящее время отношения между Украиной и ЕС развиваются в рамках «инициативы

соседства», которая по настоянию Франции и Испании была распространена и на страны Южного Средиземноморья и, по мнению членов Еврокомиссии, должна укрепить имеющиеся механизмы Евро-Средиземноморского партнерства (в частности, Барселонского процесса).

Заключение соглашений о свободной торговле между Россией, Украиной и арабскими странами Северной Африки могло бы значительно оживить взаимный торговый обмен. Этому, в частности, способствовало бы то, что номенклатура экспортных товаров как России, так и Украины (за исключением разве что сельскохозяйственной) сопоставима с таковыми же, производимыми в странах Магриба. Не следует игнорировать тот факт, что, используя взаимодействие на межрегиональном уровне (например, ОЧЭС-САМ), можно достичь и более весомых результатов – заключить ряд соглашений по либерализации торговых отношений, получить определенные таможенные льготы, которые способствовали бы продвижению товаров стран ОЧЭС на рынки африканских государств и др.

Интересным примером может послужить опыт арабских стран в заключении соглашений о свободной торговле. Так, 26 февраля 2004 г. было подписано соглашение о свободной торговле между Тунисом, Иорданией, Марокко и Египтом, которое получило название «Агадирское соглашение» и стало практическим воплощением принципов «Агадирской декларации» (2002 г.), направленной на создание зоны свободной торговли между арабскими странами. Соглашение предусматривает постепенную отмену таможенных тарифов во взаимной торговле, интенсификацию экономического сотрудничества путем гармонизации законодательства сторон согласно таможенным стандартам и процедурам.

Полная отмена таможенных тарифов на все группы товаров должна состояться до 2012 г., то есть до начала деятельности Евро-Средиземноморской зоны свободной торговли. К соглашению могут присоединяться и другие арабские страны. «Агадирское соглашение» должно активизировать торговые связи между странами-участниками и укрепить их позиции на переговорах об экономическом партнерстве с Европейским Союзом.

По своему содержанию «Агадирское соглашение» напоминает «Римское соглашение», ранее ставшее прообразом Евросоюза. Ожидается, что в перспективе к соглашению примкнут и

шесть других арабских стран, в частности, Алжир, Ливия, Мавритания, Сирия, Ливан и Палестинская автономия. «Агадирское соглашение» реализуется параллельно с европейским «Барселонским процессом», которое предусматривает заключение соглашений о сотрудничестве между Европейским Союзом и северо-африканскими странами и создание в 2010 г. Евро-Средиземноморской ЗСТ в составе 27 стран, среди которых 10 – арабских. Достаточно вероятно, что присоединение Алжира к «Агадирскому соглашению» позволит реализовать на практике ранее заключенные между странами САМ соглашения. Интенсификации регионального сотрудничества в Средиземноморье может также способствовать прокладка новых железнодорожных путей и диверсификация морских транспортных потоков.

Однако на текущий момент качественный прорыв во взаимной торговле стран САМ маловероятен из-за наличия постоянных политических противоречий. Это не только негативно отражается на деятельности всей региональной группировки САМ, но и углубляет экономические разногласия между странами Магриба и ЕС. Страны ЕС заинтересованы в поддержке положений «Агадирского соглашения», усматривая в нем путь к выработке общеарабской позиции и проведения торгово-экономических переговоров со странами Европы. В частности, европейская сторона оказывает определенную финансовую поддержку для реализации положений соглашения. Так, официальный Брюссель уже выделил 3 млн. евро для финансирования создания Технической группы, в которую должны войти представители четырех стран-членов соглашения.

На сегодня уровень взаимной торговли между странами Арабского Магриба достаточно низкий по сравнению с уровнем их торгового обмена с ЕС (64% от уровня общей торговли стран САМ). Отсутствие скоординированного законодательства и прекращение действия торговых соглашений, которые были заключены в рамках САМ, политические разногласия относительно Сахарской проблемы являются основными причинами, осложняющими создание магрибского рынка наподобие рынка ЕС. Государства САМ теряют более 20 млрд. долл. иностранных инвестиций в год из-за закрытых сухопутных границ между отдельными странами САМ. В частности, объем торговли между Марокко и другими странами Магриба в 2005 г. составил лишь 690 млн. долл. (3% общего объема внешней торговли

королевства). До 2012 г. оно попытается увеличить долю экспорта в региональной межарабской торговле до 9,5%. Ныне она составляет лишь 5%.

Активно развивают сотрудничество с группировкой САМ страны ЕС и США. Их политика направлена на стимулирование взаимной торговли путем заключения преференциальных соглашений.

Соглашения об ассоциативном членстве в ЕС предусматривают беспешлинный доступ промышленных товаров Алжира, Туниса и Марокко на европейский рынок. Они направлены на улучшение условий торговли путем сотрудничества в инвестиционной сфере и согласование законодательной базы, открывают пути к проведению переговоров по либерализации торговли в сельскохозяйственной сфере. Отмеченные соглашения также вмещают в себя некоторые типичные элементы соглашений о свободной торговле и являются базой для создания зоны свободной торговли в Средиземноморье. В частности, они обуславливают постепенную отмену пошлин в двусторонней торговле между ЕС, Марокко, Тунисом и Алжиром.

На настоящий момент уже имеются определенные позитивные результаты от реализации этих соглашений. Так, после начала действия соглашения о партнерстве между Алжиром и ЕС объем импорта Алжира из стран ЕС увеличился с 222 млн. дин. (сентябрь-декабрь 2004 г.) до 258 млн. дин. (сентябрь-декабрь 2005 г.) Что касается общего уровня объема алжирского импорта, то за указанный период он вырос с 18 млрд. долл. до 20 млрд.

В последние годы США активно используют соглашения о свободной торговле для развития отношений с арабскими странами. Благодаря заключенному соглашению о свободной торговле между США и Иорданией с 1998 г. по 2003 г. иорданский экспорт в США вырос с 20 до 650 млн. долл. (то есть, более, чем в 30 раз). В 2005 г. США провели переговоры на эту же тему с Тунисом. В 2006 г. вступило в силу соглашение о свободной торговле между США и Марокко, заключенное ранее. По условиям этого соглашения, от таможенных тарифов освобождаются 95% американских и марокканских товаров. Таможенные тарифы на другие товары (главным образом, сельскохозяйственную продукцию) должны быть упразднены на протяжении следующих десяти лет. Важными пунктами соглашения являются защита интеллектуальной собственности и меры по охране окружающей среды. За шесть месяцев 2006 г.

после начала действия соглашения экспорт американских товаров на марокканский рынок увеличился на 8,8% по сравнению с тем же периодом в 2005 г. В частности, на 50% вырос экспорт американской пшеницы. С учетом того, что королевство ежегодно экспортирует около 1 млн. пшеницы, увеличение американской квоты на продажу пшеницы может привести к вытеснению с марокканского рынка сельскохозяйственных производителей из России и Украины.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что заключение соглашений о свободной торговле на ближайший период может стать оптимальной формой развития торговых отношений между отдельными странами ОЧЕС и странами Средиземноморья. Конечно, этому должны предшествовать определенные теоретические оценки, проведение исследований и координация совместных усилий. Вместе с тем, положительные результаты от реализации соглашений о свободной торговле свидетельствуют о целесообразности и перспективности развития именно этой формы торгового сотрудничества.

¹ <http://www.eurasianhome.org/xml/t/databases.xml?lang=ru&nic=databases&intorg=20&pid=624>

² Алла Язькова, Алексей Куприянов. Черноморский узел // <http://www.senat.org/integ4/txt8>

³ <http://www.edc.spb.ru/conf2002/danko.htm>

⁴ http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/1715425838BD2988C32571960044A80F

**Центр арабских и исламских исследований.
Круглый стол: «Россия и арабские страны:
перспективные направления сотрудничества».
Институт Африки РАН. 26 октября 2006 г.**

**Исследования подготовлены при финансовой
поддержке Российского гуманитарного научного фонда,
проект «Россия и арабские страны:
перспективные направления сотрудничества»
(№ 06-03-04158а).**

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-АЛЖИРСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА*

В начале 90-х годов произошло резкое сокращение российско (советско)-алжирского сотрудничества. До этого времени в течение почти трех десятилетий советские организации, из которых подавляющее большинство были российскими, выполняли работы во многих сферах алжирской экономики: в черной и цветной металлургии, энергетике, сельском хозяйстве, промышленности строительных материалов, подготовке кадров, а также в здравоохранении и просвещении.

До конца 1993 г. в Алжире работали более 3 тыс. специалистов из России и других республик СССР. В связи с террором, развязанным мусульманскими экстремистами и повлекшим за собой гибель нескольких российских специалистов, к 2000 г. их число сократилось до 700 человек.

Организации России были вынуждены приостановить выполнение своих обязательств по ряду объектов, ликвидировать создававшиеся в течение многих лет строительно-монтажные базы и провести в соответствии с постановлением российского правительства эвакуацию значительной части специалистов и их семей.

Следует отметить, что с конца 70-х годов советско-алжирское сотрудничество развивалось в условиях острой конкурентной борьбы. При подписании контрактов алжирская сторона всесторонне оценивала целесообразность той или иной сделки: учитывались условия и размеры кредитования, качество и сроки поставки оборудования, темпы сооружения объектов. Фирмам все чаще стали предъявляться требования созда-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда проекта «Россия и арабские страны: перспективные направления сотрудничества» (№06-03-04158а).

вать условия для рентабельной эксплуатации предприятий, на строительство которых они получают заказы, вплоть до обеспечения конкурентоспособности производимой продукции на внешних рынках. Проблема осложнялась тем, что после смерти президента Хуари Бумедьена (1978 г.) ряд деятелей алжирского правительства и среднего звена государственного аппарата взяли курс на укрепление контактов с западными странами даже в тех областях, где советская помощь была конкурентоспособной и прошла испытание временем, что неизбежно привело к сокращению наших услуг и товаров на алжирском рынке.

Таким образом, Россия постепенно утратила свои позиции в традиционных направлениях двустороннего сотрудничества. Эти ниши были заняты третьими странами, которые при поддержке своих правительств и государственных страховых компаний полностью вытеснили российские организации из нефтегазовой промышленности, строительства трубопроводного транспорта, металлургии и др., где с помощью советских специалистов были созданы объекты общенационального значения (металлургический комплекс в Эль-Хаджаре, где при содействии СССР введены в эксплуатацию сталеплавильный и проволочный цеха, две коксовые батареи, доменная печь и конвертерный цех, газопровод Альрар-Хасси-Мессауд (653 км) и др.

К 1999 г. у России остался лишь незначительный объем обязательств на уровне внешнеэкономических объединений.

Другой важной причиной резкого сокращения объема сотрудничества стали изменения, которые произошли в экономическом положении России. Это – переход к расчетам с иностранными партнерами в СКВ, отказ от клиринговой системы расчетов, смена географических ориентиров внешнеэкономической политики, переключение на связи с партнерами из промышленно развитых стран, свертывание военных поставок в государства Арабского Востока и, наконец, обострение в 90-е годы проблемы внешнего долга России.

Следует отметить, что многие из факторов, оказавших тогда влияние на свертывание алжиро-российских экономических связей, потеряли сегодня свою остроту (отказ от клиринговой системы расчетов, проблема внешнего долга России). Кроме того, в условиях перехода России и Алжира к рыночной экономике и становления частного предпринимательства возникли предпосылки для поиска и внедрения новых форм делового

партнерства, в том числе на уровне российских коммерческих структур и частных алжирских фирм.

Восстановление и развитие алжирско-российского делового партнерства связывается в последнее десятилетие, главным образом, с активностью российских негосударственных структур, которые уже начали действовать в ряде сфер алжирской экономики.

Так, в 2000 г. российская частная компания «Стройтрансгаз» выиграла тендер на строительство участка нефтепровода Хауд – Эль-Хамра – Арзев длиной в 403 км. Работы велись до 2004 г. Их стоимость составила 80 млн. долл. Эта же компания в июне 2005 г. выиграла тендер на строительство газопровода длиной 273 км на северо-западе Алжира между Сугером и Хаджерет эн-Нус. Строительство должно завершиться к концу 2007 г. Сумма контракта составляет 225 млн. долл.¹ Этот участок является ответвлением от газопровода, по которому алжирский газ (если проект будет реализован) начнет поступать с месторождения Хасси-Рмель в Испанию. Алжир планирует строительство еще 15 отводов газопровода для газификации близлежащих населенных пунктов и строительства электростанций.

Существует вероятность, что «Стройтрансгаз» получит новый заказ на продолжение работ по прокладке одного из намеченных отводов. Этому благоприятствуют приобретенный опыт работы в условиях Алжира и созданная необходимая база: оборудование, специалисты, представительство компании.

Кроме «Стройтрансгаза», компания «Роснефть» ведет разведку нефтегазовых месторождений на юге Алжира (блок 245). Она уже инвестировала в ряд проектов по разведке запасов нефти общую сумму в 150 млн. долл.

Деятельность наших компаний в нефтегазовой сфере создает благоприятные условия для привлечения российских специалистов к строительству трубопроводного транспорта не только в Алжире, но и в других странах. Уже сегодня «Стройтрансгаз» завершает работы по прокладке нефтепровода в Судане. Длина трубы 366 км. Строительство началось еще в конце 2004 г.

По данным российско-африканского делового журнала «Аф-Ро», наши коммерческие и государственные предприятия могут подписать в ближайшее время контракты с Египтом, Ливией и Алжиром на сумму примерно 1 млрд. долл. Речь идет о крупных инвестиционных проектах, ориентированных на разви-

тие и модернизацию инфраструктуры этих стран, включая строительство внутренних трубопроводов.

Другой перспективной областью для развития алжиро-российского партнерства является освоение водных ресурсов Алжира и прежде всего ирригационное строительство. В условиях стабильного финансового положения и больших доходов от нефти и газа Алжир выдвинул в качестве одной из приоритетных комплексную программу освоения водных ресурсов, включающую учет и оценку всего водного потенциала страны, увеличение ресурсов наземных источников вод, разведку и подпочвенных гидроресурсов осуществление программы использования, а также строительство к 2020 г. 50 плотин с суммарным объемом водохранилищ 5,5 млрд. м³. (В стране действуют 52 плотины с объемом водохранилищ в 6 млрд. м³)².

Особое внимание программа уделяет развитию ирригационной системы, которая позволит не только увеличить производство продовольственных и технических культур, но и повысить занятость населения, приостановить миграцию сельских жителей в города.

Орошаемое земледелие в Алжире пока не получило широкого развития. По данным официальной статистики, орошается около 600 тыс. га, что не превышает 7% обрабатываемых земель, в то время как пригодны к орошению 1,2 млн. га³. Основные оросительные системы расположены в северных районах, где протекает крупнейшая река Алжира – Шелифф с более или менее постоянным водотоком в течение года. В засушливых зонах ирригационная сеть развита недостаточно, хотя наличие подземных водоносных горизонтов позволяет ее расширять.

Для выполнения этой задачи активно привлекаются частные местные и иностранные фирмы. Гидротехническое строительство уже ведется при участии ряда европейских фирм, которые задействованы на строительстве, главным образом, крупных плотин.

У России имеется большой опыт сотрудничества с Алжиром в области водного хозяйства. При содействии советских организаций были построены 6 малых ирригационных плотин, разработаны проекты сооружения еще 21 малой и 5 крупных ирригационных плотин. Широким фронтом велись работы по разведочно-эксплуатационному бурению на воду. Разрабаты-

вались региональные схемы использования водных ресурсов, которые позволяют реализовать комплексный подход к использованию ограниченных запасов воды в стране.

Потенциальными объектами российско-алжирского бизнеса могут стать строительство небольших плотин, ирригационных каналов, водохранилищ, а также бурение и обустройство артезианских скважин и оросительной сети в засушливых предсахарских и сахарских районах.

Следует заметить, что в 70–80-е годы Советский Союз сотрудничал в области ирригационного строительства не только с Алжиром, но и с другими странами Магриба (Марокко, Тунис). В 1975 г. в Марокко при содействии СССР вступил в строй построенный в счет советских кредитов гидроэнергетический комплекс в Зауйя-Нурбаз, ранее была построена плотина и ГЭС Аит Аадель. Сотрудничество не получило развития исключительно по политическим мотивам, а именно из-за различия позиций по вопросам Западной Сахары.

В рамках российско-туниских экономических связей по соглашению от 11 ноября 1993 г. Тунису был предоставлен кредит в размере 8,5 млн. долл. под строительство плотины Сиди эль-Беррак, водовода Сиди эль-Беррак – Седженан и второй нити водовода Седженан – Джумин – Меджерда.

Одно из наиболее стабильных направлений алжиро-советского сотрудничества было связано с освоением природных ресурсов. При содействии СССР в Алжире создана национальная геологическая служба, разведаны крупные месторождения ртути, свинца, цинка, железной руды, вольфрама, олова и других полезных ископаемых, послуживших сырьевой базой для создания соответствующих отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности. Построен и успешно эксплуатируется металлургический комбинат «Исмаил» мощностью 300 т металлической ртути в год, свинцово-цинковая обогатительная фабрика, цех оконного стекла и др.

Благодаря многообразию сырьевых запасов, открытию новых месторождений и наличию большого потенциала минералов, в Алжире имеются возможности для партнерства в области разведки полезных ископаемых, разработки месторождений и производства различной продукции.

В Алжире насчитывается свыше 400 малых государственных и частных компаний, связанных с освоением природных ресурсов. Они нуждаются в инвестициях и техническом содей-

ствии. В настоящее время по индивидуальным контрактам там продолжают работать российские геологи.

Не только в Алжире, но и в Тунисе российские коммерческие структуры могли бы рассмотреть варианты участия в геологоразведочных работах на твердые полезные ископаемые и воду, в том числе с использованием аэрофото- и космосъемки.

Как отмечалось выше, с помощью СССР были созданы объекты в различных отраслях экономики Алжира. В настоящее время многие из этих предприятий требуют реконструкции и модернизации, которую смогли бы осуществлять российские государственные и частные организации в большем объеме, чем сегодня, особенно на условиях так называемого неполного подряда, когда при выполнении заказа некоторые виды работ должны передаваться местным организациям, исходя из возможностей Алжира. Речь идет об использовании местных трудовых и материальных ресурсов (рабочая сила, квалифицированные кадры, строительно-монтажные и транспортные организации и др.). Однако ответственность за реализацию проекта и наиболее сложные работы возлагаются на иностранного партнера.

Так для техобслуживания и ремонта российского оборудования на предприятиях «СИДЕР» в 2001 г. было создано «Общество по обслуживанию и промышленным работам» (ООПР). Соотношение россиян и алжирцев в ООПР составляет соответственно 40% и 60%. Создание ООПР, по мнению руководства «СИДЕР», позволит успешно реализовать программу ремонтных работ оборудования на предприятиях промышленной зоны в Эль-Хаджаре⁴.

Присутствие России в аннабинском регионе сохраняется не только в металлургической, но и в химической промышленности и имеет тенденцию к расширению.

На условиях делового партнерства, российские организации могут сегодня принять участие в создании предприятий, ориентированных на технику и технологию среднего уровня. Это касается промышленности строительных материалов, черной металлургии (с использованием различных технологий восстановления железа) металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности.

В 2006 г. начались переговоры между российской компанией «Агентство перспективных технологий» и алжирской компанией «Алжир-Телеком» о строительстве завода по производ-

ству оптоволоконного кабеля, который Алжир сможет использовать не только для внутренних нужд, но и экспортировать. Другая российская компания «Альфа-Телеком» изъявила готовность инвестировать средства в развитие мобильной связи в АНДР. Инвестиции, особенно связанные с поставками в Алжир новых технологий и современных видов услуг являются сегодня залогом стабилизации российских коммерческих структур на емком алжирском рынке.

В последние два десятилетия происходило сокращение объема товарооборота сначала между Алжиром и СССР, а в дальнейшем – между Алжиром и Россией. К концу 90-х годов он составлял в среднем 200 млн. долл., что далеко не соответствует потенциальным возможностям двух стран, имевшим в период подъема наших связей торговый оборот свыше 1 млрд. долл.

Внутренние причины, препятствовавшие расширению российско-алжирских торговых отношений, были связаны во многом с недостаточным вниманием к емкому алжирскому рынку со стороны наших внешнеторговых организаций, особенно после реструктуризации МВТ и либерализации внешней торговли. Трудности возникали также из-за неудовлетворительного информационного обеспечения организаций и специалистов по вопросам рыночной конъюнктуры и законодательства АНДР, а алжирских контрагентов – о возможностях российских партнеров. Был низким уровень обоюдной рекламной деятельности.

В соответствии с действующим таможенным законодательством все алжирские товары широкого потребления делятся на предметы первой необходимости, второстепенные потребительские товары и предметы роскоши, перечень которых периодически пересматривается, введены запретительные пошлины (на конечный продукт до 200% объявленной стоимости). В то же время установлены относительно низкие ставки пошлин на комплектующие и промежуточные товары, например, детали для предприятий по сбору радио- и телеприемников, тракторов и др., что способствует замещению импорта за счет организации в стране производства соответствующих конечных продуктов.

Внешняя торговля и другие внешние экономические связи до конца 80-х годов являлись сферой деятельности исключительно алжирского государства. В 1988 г. в механизм функционирования государственной монополии внешней торговли был внесен ряд существенных изменений, направленных на более

полное использование растущих экономических возможностей национального частного сектора. В целях расширения экспорта были сняты некоторые ограничения на внешнеэкономическую деятельность частных предпринимателей. Им стали выдаваться лицензии на экспорт производимой продукции и разрешения на импорт товаров, необходимых для их производственных потребностей. В дальнейшем был принят закон, ограничивающий государственные службы торговлей «стратегическими товарами»: энергоносителями, продовольствием, медикаментами и др.

Российский экспорт в Алжир*
(млн. долл.)

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Стоимость	220	250	250	450	340	320
В том числе военная продукция						
Стоимость	95	50	75	150	150	100

Подсчитано по: «Ал-Ро», № 3, 2005. С. 10.

* Включая торговлю через третьи страны.

Как показывают цифры, экспорт военной продукции, поставившейся Россией в Алжир в период 2000–2005 гг., не превышал 150 млн. долл. в год, хотя в 2001 г. алжирское руководство выразило готовность в течение 4–5 лет закупить в России военную технику на сумму в 2,5 млрд. долл.

Не отказываясь от военного сотрудничества с Россией, Алжир взял курс на диверсификацию источников получения оружия и военной техники. Главной задачей военного строительства в Алжире были объявлены реформирование вооруженных сил и отказ от так называемой тяжелой армии советского типа (в СССР проходили подготовку алжирские военные кадры, на вооружении состояла, главным образом, советская военная техника, работали наши советники).

Несмотря на стремление алжирских властей диверсифицировать источники получения военной техники, Алжир до сих пор остается одним из основных африканских клиентов ВПК. И это становится устойчивой тенденцией, особенно после визита Президента В.В.Путина в АНДР в марте 2006 г.

В ходе визита между двумя странами было подписано «Межправительственное соглашение о торгово-экономических и финансовых отношениях и об урегулировании задолженности

Алжира перед Россией по ранее предоставленным кредитам». В соответствии с соглашением, Россия списала Алжиру весь долг в размере 4,7 млрд. долл. – общую сумму задолженности по ранее предоставленным кредитам, а Алжир обязался закупить российские товары как минимум, на ту же сумму. Основная часть поставок будет направляться по программе военно-технического сотрудничества. В начале 2006 г. были подписаны контракты на поставку самолетов МИГ-29СМТ, СУ-30МКИ и Як-130 на сумму 3,5 млрд. долл. Они рассчитаны на 4 года. Первые поставки начались уже в истекшем году. Российская сторона надеется в ближайшее время на подписание новых контрактов еще на 2–3 млрд. долл. Уже парафированы контракты на поставку восьми дивизионов зенитно-ракетных систем С-300 ПМУ-2 (Фаворит) и 40 танков Т-90. Кроме того, идут переговоры о закупках Алжиром противотанковых ракетных комплексов «Корнет», зенитных ракетно-пушечных комплексов «Панцирь», зенитно-ракетных комплексов среднего радиуса действия «Бук». Россия готова также к новым крупным поставкам в Алжир средств ПВО, авиации, стрелкового оружия для ВМФ⁵.

Таким образом, урегулирование финансовых проблем и выход на ведущие позиции на рынке вооружений должны повысить не только объем и стоимость алжиро-российского товарооборота, но и способствовать более активному возвращению наших государственных и коммерческих структур в другие сферы экономики Алжира.

Учитывая претензии алжирской стороны, предъявлявшиеся в прошлом к качеству советских услуг и товаров, развитие торгово-экономических отношений с Алжиром требует от российских организаций более квалифицированного использования всех применяемых на мировом рынке и непосредственно в Алжире форм и методов сотрудничества и не только в сфере производства и торговли, но и в области финансов, сервисного обслуживания, рекламы, международных транспортных услуг.

¹ Аф-Ро (Российско-Алжирский деловой журнал), Санкт-Петербург, № 3, 2005, с. 7.

² *Marché tropicaux* – 11 juin, 2004, p. 1341.

³ Там же. P.1341.

⁴ Алжир (с) 1997–2001 by www.kapustin.da.ru.

⁵ Пульс Планеты, Ближний и Средний Восток, 13 марта 2006 г.

РОССИЙСКО-АРАБСКИЕ
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
И ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процессы глобализации поставили ряд новых проблем в контексте развития и повышения эффективности сотрудничества РФ со странами Ближнего Востока и Северной Африки в условиях, когда неполностью устранены некоторые кризисные явления, главным образом, в сфере торгово-экономических отношений. В этой связи представляется целесообразным положить в основу работы «круглого стола» анализ опыта российско-арабского делового партнерства, оценку современного положения и рассмотреть возможные перспективы его развития с учетом современных реалий мирохозяйственных связей и, соответственно, современных форм сотрудничества, ключевой компонентой которых являются интеграционные формы (зоны свободной торговли, в более широком контексте – свободные экономические зоны, еще в более широком и глубоком смысле – торгово-экономические и политические союзы и альянсы типа АТР, ЕС, НАФТА и т.д.).

Признавая фундаментальное значение интеграционных форм на двух- и многосторонней основе, в том числе в рамках существующих и динамично развивающихся международных союзов и альянсов, для ближайшего и более отдаленного будущего российско-арабских связей как экономических, так и политических, все же с учетом известных реалий и их нынешнего состояния ключевое значение имеет **торговый обмен**. Именно он в настоящее время является основной «стартовой площадкой» этих отношений на перспективу, базой обновления всего комплекса делового партнерства, в известном смысле критерием оценки достигнутого. Поэтому желательно на нашем «круглом столе» этому аспекту, несмотря на его некоторую традиционность, дать взвешенную оценку и сделать это с учетом особенностей современной отечественной статистики.

Рассмотрим динамику объема взаимной торговли – ключевого показателя торгово-экономического сотрудничества России с арабскими странами. Данные первой половины текущего десятилетия говорят о следующем.

**Динамика торгового оборота РФ
с арабскими странами в 2000–2005 гг.,
млн. долл.***

	2000 г.		2001 г.		2002 г.		2003 г.		2004 г.		2005 г.	
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
Алжир	120	7	198	5	175	1	291	1	183	1	206	2
Египет	449	5	447	12	492	22	376	39	774	60	1048	77
Марокко	62	59	148	47	197	58	111	78	348	87	396	144
Тунис	94	5	56	6	109	1	99	5	201	6	221	13
Иордания	35	1	104	4								
Ирак	90	0	187	0	367	0	107	9				
ОАЭ	178	23	248	3	386	15	274	3	480	14	630	90
КСА	55	2	229	5								
Сирия	96	11	440	26								

Источник: Всероссийский научно-исследовательский конъюнктурный институт. Внешнеэкономический комплекс России: современное состояние и перспективы. М., 2006, № 1, с. 146.

Примечания: * – округлено до целых

А – объем российского экспорта

Б – объем российского импорта

Заметный рост объемов торговли в первой половине текущего десятилетия – в 2–3 (Алжир, Египет, Тунис, Иордания, ОАЭ) или в 4–6 раз (Сирия, КСА, Марокко) сам по себе представляет существенный прогресс. Он, несомненно, является результатом значительных совместных усилий российской стороны и арабских партнеров, направленных на то, чтобы прервать негативную тенденцию в российско-арабских деловых связях, сложившуюся в 90-е годы, главным образом в первой половине минувшего десятилетия, и придать импульс их развитию уже в новых условиях.

Предпринятые усилия дали неплохой результат: суммарный объем товарооборота России с рассматриваемыми странами вырос за пятилетний период более чем в 3 раза – с при-

мерно 1 млрд. до более, чем 3,3 млрд. долл. Однако они явно не могут удовлетворить партнеров. Во-первых, потому, что имеющийся потенциал сторон намного превосходит нынешний объем торгово-экономических связей. Во-вторых, потому, что значительная доля роста объема товарооборота по Алжиру, Сирии, вероятно, приходится на поставки техники военной и двойного назначения – традиционную статью двусторонней торговли. И, наконец, прирост по ряду стран произошел вследствие динамичного роста российского туризма (Египет, ОАЭ, Тунис).

Объективности ради следует оговориться, что, по мнению ряда экспертов, указанный показатель не отражает значительный объем двусторонней торговли, идущей по каналам посредников. В частности, по торговле с Марокко разница составляет, по отдельным оценкам, 500–700 млн. долл. Можно предположить, что и по другим странам значительная часть взаимной торговли ведется по каналам посредников. По мнению ряда экспертов, статистика Таможенного комитета неполностью отражает товарные потоки, проходящие через третьи страны, что искажает реальную картину.

Среди негативных сторон необходимо также отметить заметный дисбаланс во взаимной торговле: в 2000 г. объем российского экспорта в 10 раз превышал соответствующий показатель по импорту. Спустя пять лет, несмотря на более чем трехкратное увеличение экспорта товаров и услуг из арабских стран в Россию, ситуация почти не изменилась. И это в условиях, когда наращивание объемов и диверсификация структуры экспорта длительное время рассматривается в странах региона в ряду наиболее приоритетных хозяйственных задач. В этой связи необходимо подчеркнуть: сложившийся дисбаланс оказывает и, вероятно, будет в возрастающей мере оказывать сдерживающее влияние и на рост российского экспорта в арабские государства. Такую перспективу никак нельзя признать приемлемой для российской стороны.

Среди прочих «изъянов» в торгово-экономических связях со странами Ближнего Востока и Северной Африки обращает на себя внимание то, что оборот во взаимной торговле товарами и услугами по отдельным государствам региона составляют, главным образом, 1–2 статьи, в частности, – поставки нефти, и поступления от достигшего внушительного объема туризма, которые, в принципе, не вполне корректно зачислять

в торговый обмен (численность российских туристов в страны региона превысила, по некоторым оценкам, 1 млн. человек).

Статистика показывает, что ряд важных товаров, поставляемых Россией в арабские страны, а теми – в Россию, утратил свои традиционные позиции. Так, прокат черных металлов из РФ уже не пользуется прежним спросом в АРЕ. Египтяне, модернизировав металлургический комбинат в Хелуане с помощью фирм из промышленно развитых стран, предлагают россиянам поставлять лишь чушки черного металла для их последующей переработки в АРЕ, что нам, естественно, невыгодно. И это не просто частный факт, это – тенденция, которая имеет потенциал роста. Египетский хлопок заменяется хлопком из других стран – центральноазиатских, латиноамериканских, причем египетские крестьяне переходят на производство других культур вместо хлопка, так как не получают необходимой поддержки от государства. Египетские фрукты и овощи не вполне удовлетворяют санитарным требованиям, поскольку содержат, по мнению экспертов, слишком много нитратов.

Как негативный факт следует расценить то обстоятельство, что россияне вытесняются в ряде случаев из такой традиционной сферы сотрудничества, как модернизация объектов российско-арабского сотрудничества. Только в АРЕ это – Асуанская ГЭС, упоминавшийся уже металлургический комбинат в Хелуане, алюминиевый комплекс в Наг-Хаммади; в других странах – объекты в нефтегазовой сфере, в области профессионального образования, энергетики и т.д. Здесь сохранено в основном использование отдельных отечественных специалистов на том российском (советском) оборудовании, которое еще работает.

Не получил должного развития ряд отдельных перспективных инвестиционных проектов, в том числе крупные, предложенные ранее арабскими партнерами российской стороне, связанные с углублением сотрудничества в таких важных традиционных областях партнерства, как ирригационные проекты, разработка некоторых полезных ископаемых, включая разведку и добычу энергоносителей, сотрудничество в наукоемких областях (производство авиационной техники, освоение нетрадиционных видов энергии и т.д.). Между тем, некоторые из них оказались вполне привлекательными для компаний из промышленно развитых стран, которые и приступили к их реализации.

Хотя сотрудничество в военно-технической области относится к числу приоритетных в рамках российско-арабского деловых связей, с некоторыми, прежде надежными партнерами в области поставок военной техники, оно вряд ли в ближайшей перспективе примет широкие масштабы. Здесь промышленно развитые страны Европы и США заняли ведущие позиции как главные поставщики этой продукции и доноры военной помощи. Российским компаниям предстоит, вероятно, длительная и нелегкая конкурентная борьба за укрепление и расширение собственной ниши на рынках государств региона. Впрочем, ряд весомых факторов если не гарантирует, то делает вполне реальными шансы отечественных структур на успех.

Важный и значительный по своим масштабам резерв повышения эффективности деловых связей имеется у российских компаний при кардинальном улучшении участия в тендерах, во многом определяющих уровень и масштабы делового партнерства арабских и иностранных фирм и компаний. Заметно «пробуксовывает» российско-арабское торгово-экономическое сотрудничество из-за нежелания россиян рисковать ни залоговыми, относительно скромными, суммами, ни взносами в виде бонусов. Причины такого положения в немалой степени зависят от слабой поддержки со стороны вспомогательных структур, прежде всего финансовых, в том числе государственных, которые являются неотъемлемым элементом современных мирохозяйственных связей. Ряд общепринятых в мировой практике условий участия в тендерах, в том числе выполнение обязательств на различных стадиях реализации проекта, главным образом на завершающих, нередко пока не под силу отечественным деловым структурам.

Вокруг российско-арабских деловых отношений активизировались различные криминальные и сомнительные фирмы. Они негативно влияют на общую, еще достаточно хрупкую атмосферу деловых связей, которые формируются в основном между новыми структурами, возникшими с начала 90-х годов XX в. И это тоже опасная тенденция, потенциал роста которой пока недостаточно изучен.

Сохраняет свою актуальность проблема формирования структур, оказывающих необходимую поддержку российским фирмам и компаниям, осуществляющим свою хозяйственную деятельность в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Как отмечают российские и арабские предприниматели и экс-

перты, мимолетные деловые контакты не дают эффекта. Компании и другие структуры из промышленно развитых стран, а также Китая, Индии, Латинской Америки расширяют сеть своих многочисленных представительств в странах региона и работают систематически, а не от случая к случаю. Они прекрасно знают нюансы рынка, обросли многочисленными полезными личными связями, которые постоянны и дают немедленный эффект, когда этого требуют обстоятельства, формируют устойчивую атмосферу доверия. Показатель этого – динамичный рост взаимного оборота торговли Китая с Африкой, который по разным оценкам составляет 20–40 млрд. долл.

Особое внимание привлекает тот факт, что российские банки в регионе почти незаметны, в отличие от банков промышленно развитых стран, которые, имея отделения в регионе, прокладывают дорогу своим фирмам и компаниям.

Исключительно важную роль в продвижении интересов национального бизнеса, как свидетельствует мировой опыт, играют смешанные (правительственные структуры и частный бизнес) деловые советы в промышленно развитых странах. Они оперативно решают все возникающие в пределах их компетенции вопросы, лоббируют нужные решения и т.д. На ближневосточном направлении среди российских структур эти функции в последние годы стремится выполнять сформировавшийся в последние годы Российско-арабский деловой совет (РАДС).

Российским структурам еще предстоит освоить в полном объеме мировой опыт успешной хозяйственной деятельности на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В частности, это относится к такой ключевой области российско-арабских отношений, как укрепление личных партнерских связей. Промышленно развитые страны активно готовят молодых специалистов из Египта и других арабских стран, поддерживают с ними постоянный контакт, привлекают их в различных формах к своей деятельности, лоббированию интересов. В итоге формируется слой функционеров, предпринимателей, которые успешно обеспечивают интересы доноров. Мы почти утратили эту позицию и до сих пор расплачиваемся низкой деловой активностью.

Эксперты отмечают, что товары из Ближнего Востока и Северной Африки с трудом пробиваются на российский рынок: действуют искусственные ограничения, все еще высоки таможенные барьеры, система лицензирования порой излишне жестка, нередко блокируют развитие связей взятки. Пример –

поставки в РФ фармацевтической продукции из лекарственных трав. И это в то время, как Европа, США формируют с арабскими странами зоны свободной торговли.

Серьезной проблемой остаются недоработки в подготовке экономической программы визитов на государственном уровне, порой партнеры, переговорщики вынуждены «с чистого листа» искать решения и развязки имеющихся проблем.

Сказанное выше дает основания для следующих выводов.

Существующий механизм развития и поддержки российско-арабских торгово-экономических связей недостаточно эффективен. В частности, «хромает» главная составляющая – отлаженная государственная поддержка кредитами, опирающаяся на банковские гарантии, приемлемые для партнеров. Причем нет уверенности, что при нынешнем уровне криминализации и коррупции хозяйственной сферы создание такой линии не приведет к расхищению госсредств и другим негативным результатам.

Недостаточно наполнение взаимного торгово-экономического пространства консалтинговыми фирмами.

Российские деловые структуры в странах региона представлены крайне слабо, их зарубежная сеть крайне редка и малочисленна.

Сложилось положение, при котором постоянно действующий в области торгово-экономических связей координирующий орган испытывает дефицит инициативы со стороны ключевого звена – низового. Министерство экономики и торговли в силу многих причин эти функции не в состоянии выполнять в полной мере.

Не отлажено и сотрудничество российских представительств в арабских странах с деловыми структурами в самой России.

В рамках исследования перспективных направлений делового сотрудничества РФ с арабскими странами достаточно актуальной остается проблема классификации стран региона по приоритетам. Это имеет немалое значение для организации государственной поддержки российских коммерческих структур.

Это относится и к определению приоритетов в отраслевом отношении. Причем страновые и отраслевые приоритеты пересекаются. Среди отраслей особый интерес представляют добывающая промышленность и, прежде всего, нефтегазовая отрасль, индустрия туризма, сельское хозяйство и ирригацион-

ное строительство, энергетика, в том числе атомная, объекты инфраструктуры, образование, высокие технологии, банковская сфера.

Сохраняет свое значение формирование современных «вспомогательных» структур – специализированных банков, транспортных компаний, торговых домов, бизнес-центров и консалтинговых фирм, вообще всей современной информационно-консультационной системы, опирающейся на Интернет-экономику.

Необходимо и завершение всей работы по формированию многоуровневой институциональной системы торгово-экономических связей.

Наработанные за более чем полувековую историю независимого развития стран Ближнего Востока и Северной Африки разносторонние политические связи России со странами РБВСА в настоящее время в целом адекватны ее исторической роли как одного из ключевых (для ряда стран региона – стратегических) партнеров, оказывающих существенное влияние на весь комплекс современных международных отношений, включая их гуманитарную, экономическую и политическую составляющие.

Однако «ахилесовой пятой» российской внешней политики, фактором, ощутимо ослабляющим потенциал, необходимый для эффективного решения задач, стоящих перед российской дипломатией, является низкий объем и относительная узость ее экономических связей и позиций со странами региона. Они не соответствуют ни возможностям партнеров, ни требованиям поддержки политических целей и задач, ни эффективному обеспечению экономических интересов страны.

Несмотря на заметные позитивные подвижки в развитии внешнеэкономических связей РФ со странами региона в последний период, главным образом с конца XX в., сохраняют свою актуальность большинство проблем, рельефно обозначившихся с начала – середины 90-х годов прошлого столетия.

С целью скорейшего увеличения относительно невысоких объемов взаимной торговли, главным образом российского экспорта обработанной, высокотехнологичной промышленной продукции и услуг, качественного изменения структуры российского экспорта и преодоления его сырьевого характера, а также в интересах расширения устойчивых, слабо подверженных колебаниям политической и хозяйственной конъюнктуры экономических позиций РФ в РБВСА, надежно закрепляющих ее

присутствие в экономике и в целом в регионе, представляется целесообразным следующее:

- продолжить курс на развитие партнерских связей между деловыми кругами РФ и стран РБВСА, сконцентрировав внимание на завершении формирования современной многоуровневой институциональной (правовой, организационной) основы, расширение современных интеграционных форм делового сотрудничества, обеспечивающих устойчивое и динамичное наращивание объемов, повышение качественных характеристик торгово-экономического партнерства;

- решить вопрос о государственной программе, государственном механизме кредитной поддержки внешнеэкономических связей со странами региона таким образом, чтобы вытеснить криминальный бизнес из этой сферы, обеспечить гарантированный возврат (через создание эффективного механизма возврата) кредитных средств. С этой целью необходимо учесть опыт, наработанный в этой области промышленно развитыми странами, что позволит не только минимизировать возможные потери, но и получать адекватную отдачу российских инвестиций в деловые проекты, другие виды внешнеэкономической деятельности в регионе;

- представляется целесообразной активизация позиции России не только в социальном (образование), но и в экономическом блоке проводимых реформ в рамках сбалансированного участия РФ в Инициативе Большой восьмерки по партнерству со странами РБВСА по поддержке процессов модернизации в регионе.

**НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РОССИЙСКО-АРАБСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ¹**

**Советское и постсоветское наследие:
противоречивые оценки и судьбы**

Уже несколько столетий, но особенно со второй половины XX в., в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке Россию не воспринимают сторонним наблюдателем. Она пользуется здесь большим уважением, основанном на богатых традициях разносторонних отношений. Российско-арабские экономические связи получили наиболее активное развитие главным образом на гребне волны национально-освободительных движений в регионе, реализации обширных программ модернизации, с одной стороны, а с другой, – благодаря использованию советского хозяйственного и научно-технического потенциала, который в значительной мере служил СССР инструментом в противостоянии со странами Запада и конкуренции с ними на обширных пространствах «третьего мира». Кредиты и техническая помощь Советского Союза позволила арабским государствам осуществить крупные проекты в инфраструктуре, энергетике, металлургии, а также в оборонной промышленности в других базовых отраслях, в образовании, здравоохранении, организовать хорошо вооруженные и обученные национальные армии.

Так, основу ряда ключевых отраслей египетской экономики и поныне составляют промышленные предприятия, построенные с помощью советских специалистов в 50-е – начале 70-х годов при президенте Гамале Абдель Насере. Это, прежде всего, высотная Асуанская плотина с мощной ГЭС. Асуанская плотина через Нил официально открыта президентом Египта Анваром Садатом 15 января 1971 г. СССР и Египет подписали контракт на строительство плотины и ГЭС на Ниле в 1958 г. Москва предоставила Каиру кредит в размере 400 млн. руб.,

поставляла технику, сырье, предоставила специалистов. Строительство продолжалось 11 лет и обошлось в 2 млрд. долл., из которых 40% предоставил СССР. Сегодня Асуанская плотина производит до 80% всего электричества АРЕ.

Помощь СССР помогла возвести Хелуанский металлургический комбинат, алюминиевый завод в Наг Хаммади, комплекс по производству фосфатов в Абу Тартуре, судовой верфь в Александрии и многие другие предприятия – всего около ста объектов.

Благодаря существенному содействию **Алжиру**, там тоже начали развиваться многие индустриальные и инфраструктурные отрасли, включая энергетику, горно-добывающую и металлургическую промышленность, машиностроение, водное хозяйство. При поддержке СССР сооружены металлургический завод в Эль-Хаджаре, металлургическое предприятие в Аннабе, теплоэлектростанция в городе Жижель, газопровод Альпар – Тинфуйе – Хасси-Мессауд, плотина Бени Зид.

В **Ливии** построен Центр атомных исследований «Таджурра», сооружены линии электропередач, газопровод, пробурены около 130 нефтяных эксплуатационных скважин; проведены почвенные, геоботанические и экологические исследования на площади 3,5 млн. га; разработаны схемы развития газовой промышленности, электросетей высокого напряжения и предприятий машиностроения; подготовлено технико-экономическое обоснование для второй очереди металлургического комплекса в городе Мисурата (1,67 млн. т стали в год с возможностью расширения до 5 млн. т)².

Советско-суданское сотрудничество, особенно активное на рубеже 60–70-х годов, охватывало различные отрасли, но сосредоточивалось в производственной. Например, по удельному весу в общей сумме фактически использованных целевых кредитов советское экономическое и техническое содействие Судану промышленность составляла 59%, сельское хозяйство – 9%, геологоразведочные работы – 16%, просвещение, здравоохранение, культура и прочие статьи – 16%. Наибольшая часть предоставленных материальных, финансовых и прочих ресурсов направлялась на крупные, по суданским масштабам, проекты развития. Созданные при советском содействии предприятия ко времени полного освоения их мощностей занимали ведущие или монопольные позиции в нескольких отраслях, например, в пищевой промышленности, а элеваторы в городах Гедарэф и Порт Судан стали крупнейшими на африканском

континенте. Средне- и долгосрочный баланс торговли товарами и услугами с СССР и странами Восточной Европы складывался в пользу Судана. Однако ни это, ни другие преимущества и выгоды не предотвратили позже расторжения ряда контрактов отказа суданской стороны от реализации большинства соглашений, главным образом по политическим мотивам, что в целом не было характерным для других арабских государств. В результате, со второй половины 70-х годов советско-суданские и затем российско-суданские торгово-экономические отношения оставались практически замороженными, начав восстанавливаться и активизироваться лишь в конце 90-х годов³.

В рамках сотрудничества с **Ираком** были заключены крупные контракты по обустройству нефтепромыслов на юге страны, построены газопровод Насирия – Багдад, ТЭС «Юсифия» и другие объекты. С 1990 г., после введения Советом Безопасности ООН экономических санкций в отношении Ирака, большая часть контрактов была приостановлена.

Созданные и эксплуатируемые при советском и российском содействии объекты играют важную роль и в экономике **Сирии**, обеспечивая стране выработку около 22% электроэнергии, добычу около 27% нефти и орошение свыше 70 тыс. га засушливых земель. Каскад гидроэлектростанций на реке Евфрат, гидроузлы «Аль-Баас» и «Тишрин», около 1,5 тыс. км железных дорог, 3,7 тыс. км высоковольтных ЛЭП, ирригационные и водохозяйственные объекты, нефтепродуктопровод Хомс – ХАЛЕБ, завод азотных удобрений в Хомсе, ряд центров профтехобразования – все это построено главным образом за счет советских государственных кредитов.

Арабские страны (Египет, Сирия, Алжир) расплачивались за советские госкредиты различной продукцией, включая потребительские товары, которые производил преимущественно местный частный сектор. Поэтому в ряде стран арабского мира становление и укрепление национальных экономик в значительной степени стимулировалось доступом на емкий и стабильный советский рынок.

Наша страна традиционно получала продовольственные товары: цитрусовые, фрукты, консервы, кондитерские изделия. Неизменным спросом пользовались парфюмерно-косметические изделия, в частности, египетские духи «Нефертити» и «Клима», хлопчатобумажные ткани, сирийский текстиль: портьеры, тюль, гипюр, кримплен.

Однако с началом драматических перемен в нашей стране все эти процессы, по сути, остановились. Новые подходы, реализуемые после развала СССР в управлении государством и хозяйством, искусственно отгородили Москву от ряда традиционных союзников СССР, что особенно ярко проявлялось в первоначальный период прозападной эйфории руководства страны.

В результате, после событий 1991 г. экономические связи с арабским миром были большей частью заморожены или свернуты. Колоссальный совместный потенциал, наработанный за предшествующие годы, оказался почти невостребованным. Государство ушло из сферы торгово-экономических отношений с этими странами, а частный российский капитал еще долго не был готов осваивать бывшее советское наследие на многих традиционных рынках. Опыта взаимодействия даже со старыми партнерами – представителями арабского национального капитала – новым российским бизнесменам подчас не хватало, как не доставало и знания местной специфики. На долгие годы в отношениях России с арабским миром наступила пауза. Прежние формы российско-арабского экономического сотрудничества оказались если не полностью разрушенными, то заметно подорванными, а все российско-арабские хозяйственные отношения свелись к деятельности примерно трех десятков мелких и средних частных арабских фирм, которые в первой половине 90-х годов поставляли на российский рынок небольшие партии обуви, одежды, тканей, шоколада, закупая в России цемент, лес, металл и другие товары. Естественно, это привело к падению удельного веса торговли с арабскими странами в общем товарообороте России (до 0,9% в 1994 г.).

Впоследствии отношения с некоторыми арабскими странами омрачились политическими разногласиями в связи с ситуацией на Северном Кавказе.

От какого наследия отказаться справедливо?

По характеру взаимоотношений с арабскими странами Россия получила от бывшего СССР непростое наследие. В частности, двусторонние экономические и научно-технические связи строились в рамках межправительственных соглашений без учета интересов частного сектора. Структура российского импорта имела в целом сырьевую направленность. Прогрессивные формы сотрудничества (специализация, производственная кооперация и др.) не получили к моменту распада

СССР должного развития. Взаимодействие не было увязано на практике с дальнейшим участием России в управлении построенными при советском содействии предприятиями и в распределении полученной прибыли⁴.

Советская дипломатия шла особым путем: в СССР за внешнюю торговлю отвечало отдельное министерство – внешнеэкономических связей. И хотя еще при Михаиле Горбачеве экономическая дипломатия была провозглашена приоритетом советского МИДа, а в 2000 г. в концепции внешней политики России среди главных задач дипломатии назывались «расширение отечественного экспорта» и «поддержка интересов российского предпринимательства на внешнем рынке», наша страна продолжает расплачиваться за то, что в свое время внешнюю политику отгородили от внешней торговли непреодолимой стеной. Пока многие карьерные дипломаты остаются пленниками советской традиции. Поэтому успехи торговых представительств при посольствах весьма скромны. Торгпреды подчиняются Минэкономразвития, которое приступило к масштабной реструктуризации своего зарубежного хозяйства. Количество действующих торгпредств в первой половине 2006 г. сократилось более чем вдвое – с 94 до 42. Чего ждет Москва от своих торгпредов? Самый важный показатель – доля несырьевого экспорта, полагают эксперты Минэкономразвития и считают: 2% – плохо, 10% – вполне приемлемо. Санкции торгпреду всерьез не грозят: его статус выше, чем у директора департамента федерального министерства, торгпредов назначает и освобождает от должности премьер-министр. Заметим, что пока самым деятельным лоббистом наших компаний остается В.В.Путин. Например, результативный визит российского президента в Алжир в марте 2006 г. обеспечил РФ оружейные контракты на общую сумму 7,5 млрд. долл.

Можно ли оценить влияние экономической дипломатии на успехи национальных экспортеров? Профессор Университета Беркли в Калифорнии Эндрю Роуз в 2002 г. показал, что присоединение страны к ВТО не оказывает ощутимого положительного влияния на объемы ее внешней торговли. А три года спустя, в конце 2005 г., он же опубликовал выводы нового исследования: куда сильнее, чем членство в ВТО, увеличению экспорта способствует нормальная работа посольств и консульств. Открытие нового дипломатического представительства, консульства или посольства приводит к росту экспорта

в эту страну на 6–10%. Формулу Роуза подтверждает опыт США (239 посольств и консульств за рубежом), Швейцарии (301), Нидерландов (461). А вот применима ли она к российской экономической дипломатии, сказать решительно невозможно по причине отсутствия данных.

Какую поддержку может получить российская компания в посольстве своей страны? Базу данных с реквизитами местных фирм. Помощь в организации встреч с чиновниками высокого ранга, вплоть до министра. Правовую защиту.

Крупным российским компаниям такой «пакет услуг» не нужен. «Мы с российским МИДом не работаем» – такова официальная позиция «Норильского никеля». Во многих компаниях есть свои команды, сотрудники которых на голову выше тех, что работают в посольствах. Российские гранды часто находят поддержку на самом верху самостоятельно. Российские послы стеснялись помогать частным компаниям, чтобы избежать упреков в том, что они «на содержании» у олигархов, объясняет Ян Бурляй (бывший посол РФ в Аргентине и Уругвае). Теперь застенчивости, как будто, стало меньше. «Системы нет, все зависит от ума, амбиций и опыта посла», – уточняет бывший посол в Пакистане, а ныне руководитель группы советников «Зарубежнефтегаза» Эдуард Шевченко. Соглашения получаются в результате деятельности «мечтателей».

Значение арабских стран для России и мира: экономика и не только

Глобальная роль Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока чрезвычайно важна. Здесь, на территории в 14 млн. кв. км, расположенной на двух континентах – африканском и евразийском, проживают около 300 млн. человек. Средние темпы экономического роста арабских стран за последние два десятилетия – 3–6,4%. Каждая из них своеобразна и тем привлекательна для внешних партнеров. Более того, в последние годы на региональном рынке наблюдаются все более отчетливые изменения.

Долгое время господствовало представление о том, что экономика арабских государств была, есть и будет основана исключительно на нефти. Конечно, нефтяная сфера остается пока главным полем для сотрудничества (как, впрочем, и источником политической напряженности). В 2004 г. для участия иностранного капитала открылось более 20 объектов в различ-

ных отраслях экономики Саудовской Аравии – от нефтедобычи до розничной торговли. В итоге, ОАО «ЛУКойл» подписало в марте 2004 г. концессионное соглашение, предоставляющее ему право в течение 40 лет вести геолого-разведочные работы и разрабатывать месторождения газа и газового конденсата в районе пустыни Руб эль-Хали на площади около 30 тыс. кв. км (оценка объема обязательств – 4 млрд. долл.). Для реализации проекта создано СП «ЛУКСАР», в котором компаниям «ЛУКойл» и «Сауди АРАМКО» принадлежат 80% и 20% уставного капитала соответственно.

В регионе быстро формируется рынок капитала и появляются мощные финансовые центры. В последнее время особую активность в этом направлении проявляет Бахрейн, правящие круги которого намерены превратить страну в крупнейший торговый и финансовый центр не только регионального, но и международного значения. По степени открытости экономики Бахрейн ставят на третье место в мире после Гонконга и Сингапура. Здесь отсутствуют налоги на доходы физических и юридических лиц, нет ограничений на вывоз капитала, прибыли и конвертацию валюты. Установлен беспрошленный режим ввоза сырья, полуфабрикатов и капитала для местного производства. Разрешено создание компаний со 100-процентным иностранным капиталом, и упрощена процедура их регистрации.

Крупнейший центр инвестиционной деятельности – Кувейт. Страна обладает развитым местным рынком капитала, а ее население держит на банковских депозитах больше денег, чем население Саудовской Аравии, Абу-Даби и Катара, вместе взятых. Кувейт – крупнейший инвестор долгосрочных капиталов за границей, однако субъектом здесь является уже не частный капитал, а правительство.

Тенденции либерализации экономики и процессы глобализации мировых экономических отношений привели к тому, что в странах Ближнего Востока и Северной Африки все большую популярность приобретает идея создания свободных экономических зон (СЭЗ). Будучи одной из форм привлечения иностранного капитала, в том числе и российского, такие зоны существуют в Сирии, Иордании, Ливане, ОАЭ, Египте, Тунисе, Марокко, Джибути и Йемене.

К наиболее успешным и привлекательным СЭЗ в арабском мире можно причислить «Джебель Али» в Дубае. Стабильное законодательство, высокоразвитые коммуникации и транс-

портные сети способствовали тому, что в этой свободной экономической зоне насчитывается более двух тысяч компаний из 97 стран мира. Существенный опыт в развитии СЭЗ накоплен и в Иордании, где стало возможным внедрение последнего поколения свободных экономических зон – специальных индустриальных зон, как раз и привлекающих наибольшую часть иностранного капитала. В процессе становления находятся СЭЗ в Бахрейне, Катаре и Кувейте.

Особый интерес представляет собой Ливан. Здешний банковский сектор имеет богатую историю. В Бейрут традиционно стекались средства, вырученные от экспорта нефти. Длительные торговые и культурные связи с европейскими и арабскими государствами позволили этой стране превратить торговлю в один из важнейших секторов экономики. До гражданской войны 1975–1990 гг. экономика Ливана стабильно росла, действовали жесткие законы о соблюдении тайны банковских вкладов, что привлекало сюда капиталы; за страной в то время даже закрепилось название «ближневосточная Швейцария». Самые крупные компании западного и арабского мира всегда охотно приглашали на работу ливанских менеджеров высшего звена.

Несколько затяжных войн отбросили экономику Ливана далеко назад, лишив ее 30–35 млрд. долл., тогда как остальные страны Ближнего Востока переживали экономический бум. Деловая активность во многом переместилась из Бейрута в другие экономические центры. Однако при этом ливанские банковские активы удивительным образом увеличились, поскольку в период мирного развития их успели удачно вложить в экономику США и Европы. В 2002 г. Ливан исключили из списка стран, находящихся под контролем Международной группы по борьбе с легализацией незаконных доходов. Одиннадцать ливанских банков вошли в сотню наиболее успешных арабских финансовых учреждений. Правда, политические события, последовавшие за гибелью бывшего премьер-министра Рафика Харири, а также израильско-ливанский вооруженный конфликт 2006 г. внушают некоторые опасения относительно перспектив дальнейшего развития страны. Однако, учитывая, что стабильность отвечает стратегическим интересам экономики Ливана и его деловых кругов, есть надежды на преодоление и этого последнего кризиса.

Вместе с тем, странам региона приходится сталкиваться с рядом серьезных проблем. Экономика многих арабских стран,

как и российская, испытывает серьезную зависимость от конъюнктуры нефтяного рынка. По существу, арабским странам приходится решать те же проблемы, что и России. Они осознают наличие дефицита внешних инвестиций и необходимость поиска новых рынков сбыта для своих товаров. Даже Саудовской Аравии в последнее время эпизодически приходилось прекращать экспорт капитала и переходить к привлечению средств в проекты развития на собственной территории. Кроме того, арабский мир обеспокоен своим невысоким экономическим ростом. Так, объем ВВП на душу населения в Саудовской Аравии упал с 28 тыс. долл. в 1982 г. до 7 тыс. долл. в 2004 г. Только благодаря новому резкому удорожанию углеводородного сырья и его производных на мировом рынке саудовский ВВП опять вырос до 12914 долл. на душу населения по паритетам покупательной способности в 2005 г.⁵

Перед Россией открываются реальные возможности расширения экономического сотрудничества с арабскими странами. Речь идет о высоких технологиях, банковских услугах, поставках металлопродукции и материалов для промышленного использования, а также о передаче технологического опыта, особенно в нефтегазовой сфере.

Возможно сотрудничество и в таких областях, как бурение с целью разведки месторождений подземных вод, опреснение морской воды (дефицит водных ресурсов в среднесрочной перспективе вообще способен превратиться в главную проблему региона), нефтехимия и металлургия. Разработаны также совместные проекты по производству химических удобрений, побочной продукции нефтяной промышленности, древесины, изделий кожаной промышленности, охотничьих принадлежностей и аксессуаров, рыболовной оснастки, речных лодок, катеров, судов, кабельной арматуры, готовых быстросборных деревянных домов, автомобилей и других транспортных средств.

Особо перспективным является военно-техническое сотрудничество (ВТС) с арабскими странами, обеспечивающее высоко rentабельными заказами предприятия военно-промышленного комплекса России. По объему поставок военной техники и вооружений в арабские государства Россия пока не в состоянии сравняться со странами Запада. Однако дальнейшее развитие сотрудничества с Россией в данной сфере поможет арабам диверсифицировать источники приобретения оружия и тем самым уменьшить свою зависимость от американских поставок.

Активизация экономического взаимодействия России с арабскими странами имеет и огромное геополитическое значение. Во-первых, Россия является международно признанным коопонсором ближневосточного урегулирования. Политическое присутствие нашей страны в регионе достаточно стабильно и отвечает важнейшей государственной задаче – играть роль одного из полюсов в многополярном мире. Визиты президента России на Ближний Восток в апреле 2005 г., а также в Алжир и Марокко соответственно в марте и сентябре 2006 г., в Саудовскую Аравию, Катар и Иорданию в феврале 2007 г. значительно повысили авторитет России в региональном и глобальном масштабе.

Однако, если Москва не подкрепит свое влияние на Ближнем Востоке соответствующими экономическими действиями, ее роль будет здесь неуклонно ослабевать, что, в конечном итоге, может привести к вытеснению России из ближневосточной региональной политики. Неоценимую услугу нашей внешней политике может оказать отечественный бизнес, действуя через разрабатываемую ныне систему связей. Путем экономического взаимодействия со всеми без исключения странами региона Россия на деле подтвердит свою роль успешного и дружественного посредника между столь разными государствами.

Экономическое сближение России с арабским миром должно сопутствовать упрочению обоюдных политических связей. Не случайно президент России призвал российские деловые круги в короткий срок поднять уровень российско-арабского сотрудничества в торгово-экономической области, дабы привести его в соответствие с нынешним благоприятным климатом в сфере межгосударственных и общественно-политических отношений.

Старые и новые арабские партнеры России

После освобождения российско-арабских отношений от диктата идеологических догм заметно расширился круг потенциальных партнеров России. Экономические интересы, экономическая выгода, диктуют необходимость налаживания контактов со всеми странами региона, учитывая их реальную готовность к сотрудничеству и номенклатуру предлагаемых ими товаров или услуг, а вовсе не политическую окраску их лозунгов, идеологических и конфессиональных предпочтений.

Египет. Ключевую роль среди традиционных арабских партнеров России играет Египет. Товарооборот между обеими стра-

нами в 2005 г. уже превысил 1,1 млрд. долл. и продолжал расти. К числу новых, наиболее перспективных областей сотрудничества, относится сфера коммуникаций и информационных технологий. Вряд ли простым совпадением стал тот факт, что назначенный премьер-министром Египта Ахмед Назиф возглавлял ранее министерство коммуникаций и информационных технологий. За время его пребывания на этом посту отрасль постоянно демонстрировала успехи, обеспечив в течение пяти лет 34% роста.

Широкий резонанс получил запуск проекта «Умная деревня». Речь идет о своеобразном технопарке, т. е. об оснащенной самым современным оборудованием и удобной жилищной инфраструктурой территории, где предполагается разместить ведущие фирмы и компании в области разработки и внедрения информационных технологий. Компании, желающие обосноваться здесь, получают от властей «налоговые каникулы» сроком на 10 лет и к тому же пользуются упрощенной процедурой регистрации документов в административных учреждениях Египта. Ведущие египетские компании (Alcatel Egypt, Al Ahly Telecom и др.) уже приобрели на территории «Умной деревни» участки под офисы. Разместиться здесь планируют и российские фирмы. Помимо всего прочего, национальный рынок Египта моложе, а следовательно, он способен более гибко реагировать на изменения конъюнктуры и располагает более существенными возможностями. Да и цены в Египте значительно ниже, чем, например, в ОАЭ, и потому производственные издержки здесь заметно меньше⁶.

Как и в советское время, улучшение российско-египетских торгово-экономических отношений связано, прежде всего, с политической ситуацией. Пока основной партнер Египта и в политике, и в экономике – США. Однако Египет готов активнее сотрудничать с Россией, Китаем, Европой, так как является сторонником многополярного мира. Активизация США на Ближнем Востоке в последние годы, которая вылилась в косвенное и открытое вмешательство во многие политические, социальные и экономические процессы, вызывает недовольство у египетской элиты. Современная Россия пока не воспринимается как альтернативный полюс, но, тем не менее, улучшение отношений с Россией рассматривается как важный шаг в сторону большей независимости от Запада для многих арабских стран, в том числе и для Египта.

Историческая память «о добрых временах», на которую так любят сегодня ссылаться и россияне, и египтяне во время деловых встреч, хранит и другие факты. Хорошо помнят и начало 90-х

годов, когда российско-египетские экономические отношения ухудшились. «Я бы работал в России и дальше, – говорил Мухаммед Ибрагим ад-Денеги, вице-президент палаты по производству медицинских и фармацевтических препаратов, – как работал с 1988 г. с Советским Союзом. Но в 1993 г. я пострадал от мафии и был вынужден уехать, бросив офис в Москве, чтобы спасти хотя бы свою жизнь, не говоря о деньгах». Абдалла аль-Махмуд, сотрудник экспортно-импортной компании, возражал: «Эпоха бандитского капитализма в России миновала, многие иностранные компании успешно работают в России, настало время и нам возобновлять сотрудничество»⁷.

Торговля. В последние годы наметилась явная тенденция к ускорению роста в российско-египетском товарообороте, который в 2005 г. составил 1125 млн. долл. (для сравнения, в 2003 г. – 415 млн. долл.). В 2005 г., по сравнению с 2004 г., российский экспорт в Египет увеличился на 35%, а импорт России из Египта вырос на 34%. По прогнозам торгпредства РФ в Египте, в 2006 г. ожидался дальнейший рост российско-египетской торговли, в том числе российского экспорта – на 6% и импорта – на 12%. Более чем двукратный рост российско-египетского товарооборота объясняется высокой динамикой поставок пшеницы, пиломатериалов, бумаги и картона, проката черных металлов и нефти. Удельный вес России во внешнеторговом обороте Египта в 2003–2005 гг. составил около 2,5%. Место России на рынке Египта определяется в основном поставками товаров, в которых египтяне испытывают недостаток или не производят сами. В 2005 г. российские экспортеры поставили в Египет 68% импортированного Египтом нитрата аммония, 65% пиломатериалов, 70% фанеры, 37% продовольственной пшеницы, 30% газетной бумаги и 16% проката черных металлов. Вместе с тем, в 2005 г. импортировано значительное количество египетских фруктов и овощей – апельсинов, лука, картофеля, овощей и др.⁸

Торговля России с Египтом (млн. долл.)

	2002	2003	2004	2005
Товарооборот	508,9	414,9	834,7	1125,4
Экспорт	487,5	376,2	776,8	1048,1
Импорт	21,4	38,7	57,9	77,3

Источник: Торговое представительство РФ в Египте.

В 2006 г. ожидался дальнейший рост российско-египетской торговли (без учета возможных поставок нефти), ориентировочно на 7%, в случае ее поставок – примерно на 30%. В связи с благоприятной ценовой тенденцией, обозначившейся на египетском рынке в последнее время, российские импортеры, по всей видимости, сохраняют интерес к закупкам в Египте сельскохозяйственных товаров.

Торгово-экономические отношения между Россией и Египтом осуществляются на основе межправительственного соглашения о торговле, экономическом и научно-техническом сотрудничестве от 14 мая 1992 г. и Протокола к нему от 5 ноября 1993 г. Египет входит в перечень стран-пользователей схемой преференций Российской Федерации. Это означает, что при ввозе египетских товаров в Россию импортерам предоставляется скидка со ставок таможенных пошлин, достигающая 25%⁹.

Модернизация советских объектов. Поставки машин и оборудования на египетский рынок во многом связаны с планами египетского руководства модернизировать и реконструировать объекты, построенные при участии СССР. Так, в 2002 г. ГПВО «Тяжпромэкспорт» в составе консорциума с участием французской Alstom Power Conversion выиграло тендер на реконструкцию одной из доменных печей Хелуанского металлургического комбината. Ссылаясь на то, что Alstom имеет негативные финансовые показатели, египетский заказчик до настоящего времени не подписал контракт, сумма которого составляет свыше 50 млн. долл.¹⁰ В конце марта 2005 г. было принято решение о выделении 150 млн. долл. на реконструкцию Хелуанского металлургического комбината, в том числе доменной печи № 3. В «Тяжпромэкспорте» ожидали поставки металлургического оборудования в 2006 г. на уровне 2 млн. долл.

Совместный российско-германский консорциум, в который входят российское ОАО «Силовые машины» и немецкая Voith Siemens Hydro Power Generation, в 2006 г. продолжит реконструкцию генераторов ГЭС Высотной Асуанской плотины. Сумма контракта составляет свыше 70 млн. евро. Доля российской компании – 46 млн. евро¹¹. Однако в ходе реализации проекта возникли проблемы, связанные с качеством поставляемых для ремонта генераторов ГЭС Высотной Асуанской плотины запасных частей и комплектующих, стоимость которых составила в 2005 г. 10 млн. долл.

Российские производители авиа- и автомобильной техники активизировали поставки на египетский рынок. Египетская авиакомпания Sirocco Aerospace International сотрудничает с российскими предпринимателями в области производства ТУ-204-120 и имеет инвестиционное соглашение с российскими участниками на сумму 280 млн. долл.¹² В 2003 г. было изготовлено и поставлено египетскому заказчику 5 самолетов. В 2003–2004 гг. из-за проблем, связанных с реализацией самолетов, осуществление проекта было приостановлено. Но в 2005 г. был подписан контракт на изготовление 5 самолетов на сумму 165 млн. долл. для китайского рынка. Срок поставки первого самолета заказчику был назначен на сентябрь 2006 г. Европейский инвестиционный банк выделил под этот контракт кредит в 50 млн. долл.¹³

Инициатива создания российско-египетского авиапромышленного предприятия исходила от египетской стороны и принадлежала председателю совета директоров Sirocco Aerospace Ибрагиму Камилу. Уже более десяти лет он реализует идею объединения российского потенциала по проектированию и строительству современных гражданских самолетов, которые отличались бы невысокой стоимостью, неприхотливостью и надежностью в эксплуатации, с западными технологиями двигателестроения и радиоэлектроники¹⁴. Сотрудничество с египетской компанией по проекту ТУ-204-120 помогло сохранить наработки отечественных авиастроителей и реализовать их.

С 2002 г. в Египте собираются автомобили ВАЗ. В 2005 г. египетская компания Lada Egypt завершила строительство нового автосборочного предприятия в городе 10-го Рамадана и с декабря начала выпуск автомобилей ВАЗ-2110. Lada Egypt до 2002 г. была дилером АвтоВАЗа, а в 2002 г. между компаниями был подписан контракт на поставку сборочных комплектов Lada 21070. В 2002 г. было собрано 384 автомобиля, в 2003-м – 1300, в 2004-м – 1441, в 2005 г. – 1924 «семерки». Производство полного цикла, включавшее сборку и покраску, было организовано на базе завода Suzuki. Однако, с увеличением объемов производства «семерок», японскую компанию перестал устраивать конкурент из России. Suzuki отказалась предоставлять свои мощности для сборки российских машин, и это заставило египетскую сторону приступить к строительству отдельного сборочного предприятия.

В планах предприятия выпускать до 5,5 тыс. автомобилей в год. На сегодня египетский рынок способен целиком поглощать продукцию автопромышленного предприятия. Кроме того, Египет входит в региональные рыночные организации и имеет возможность беспошлинно экспортировать свои продукты в страны Ближнего Востока и Африки.

ВАЗ-2110 и 2107 могут считаться почти египетскими, так как при их производстве используется свыше 42% египетских материалов (салоны, пластмасса, стекло, резина, аккумуляторы). На территории Египта производятся также кузовные работы, сварка, окраска и сборка автомобилей. Россия производит двигатели, трансмиссии и прочие сложные элементы для «семерок» и «десяток».

Основное преимущество российских автомобилей – они дешевле, в том числе и в обслуживании. Кроме того, предприятие по выпуску «десяток» и «семерок» создает большое количество рабочих мест. Кроме ВАЗа, на египетском рынке работают также КАМАЗ, ГАЗ и УАЗ. В марте 2005 г. египетская Jointment Automotive Co. подписала контракты с ОАО «Ульяновский автомобильный завод» и ОАО «Горьковский автомобильный завод» на сборочное производство в Египте автомобилей УАЗ-3163, а также «Газели» и «Соболя». Их сборку планируют начать в 2006 г.

Нефть и газ. Египет сложно отнести к ведущим нефтегазовым державам мира. Доказанные запасы нефти здесь на начало 2006 г. оценивались в 518 млн. т, запасы газа – 1657 млрд. м³. Соответственно, кратность запасов (отношение текущей добычи к остаточным извлекаемым запасам) по нефти составляет не более 15,3 лет, по газу – 54 года¹⁵.

Основные районы нефтегазодобычи – Суэцкий залив, дельта Нила, некоторые области Западной (Ливийской) и Восточной (Аравийской) пустынь. В последние годы объемы добычи нефти в стране снижаются. В этих условиях особую важность приобретает проведение масштабных геолого-разведочных работ в новых регионах. С газом ситуация проще – после завершения строительства дополнительных мощностей по сжижению газа Египет в скором времени может стать одним из крупнейших поставщиков СПГ в Европу.

Нефтяная отрасль Египта находится под контролем государственной Egyptian General Petroleum Corporation (EGPC), которая создает совместные предприятия и участвует в кон-

трактах по разделу продукции с международными нефтяными компаниями. На рынке нефтегазовых операций Египта присутствуют как крупные международные вертикально-интегрированные, так и независимые компании.

Единственной российской компанией, представленной в секторе разведки и добычи углеводородов в Египте, является ЛУКОЙЛ (через свое 100% дочернее предприятие LU-KOIL Overseas). У этой компании здесь два добычных и два геолого-разведочных проекта. Изначально ЛУКОЙЛ чуть ли не случайно оказался в Египте, однако затем проекты в этой стране оказались прибыльными. Еще в середине 90-х годов для совместной работы в Казахстане и решения ряда других операционных задач ЛУКОЙЛ создал совместное предприятие с итальянской Agip. В качестве своего вклада в капитал СП LUKAgip итальянцы внесли долю в разработке месторождения Meleiha, доказанные запасы которого составляют 35,3 млн. баррелей нефти. После выкупа доли итальянской стороны в конце 2004 г. доля ЛУКОЙЛа в проекте увеличилась до 24%. Другие участники проекта – EGPC (56%) и International Finance Corporation (20%). В 2004 г. доля ЛУКОЙЛа в добыче нефти на месторождении Meleiha составила 800 тыс. баррелей. Недавно на блоке Meleiha было открыто новое месторождение.

В сентябре 2001 г. LUKOIL Overseas приобрел активы канадской компании Bitech Petroleum Corporation, которой, в частности, принадлежала доля участия в концессии по разработке нефтегазовых месторождений блока West Esh el-Mallaha (WEEM) в Египте. Характерно, но и компанию Bitech ЛУКОЙЛ приобрел не из-за ее североафриканских активов – египетский проект достался как бы в нагрузку.

В июне 2002 г. российская компания приобрела у канадской Naftex Energy Corporation еще одну долю участия в концессии WEEM, став, таким образом, единоличным подрядчиком и оператором проекта. В настоящее время ЛУКОЙЛу принадлежат 50% в проекте. Другими сторонами концессионного соглашения являются EGPC и правительство Египта. Доказанные запасы блока WEEM составляют около 31 млн. баррелей нефти.

В настоящее время продолжается всестороннее изучение геологической структуры WEEM. По итогам продолжающегося бурения, оценки извлекаемых запасов по проекту WEEM могут возрасти. После прихода российских нефтяников в работе про-

екта WEEM произошли качественные изменения. Так, если в 2001 г. общий объем добычи нефти составил 523,44 тыс. баррелей, то в 2004 г. добыча превысила 2,6 млн. баррелей нефти (доля ЛУКОЙЛа – свыше 1,2 млн. баррелей). В 2004 г. было завершено строительство экспортного нефтепровода протяженностью 100 км до береговых терминалов Рас эль-Бихар и Габаль эз-Зейт, что позволило снизить удельные издержки нефтегазовых компаний.

Дальше ЛУКОЙЛ стал реализовывать стратегию, которая представляется эффективной для работы за рубежом и других российских нефтегазовых компаний. Закрепившись в стране и установив взаимовыгодные партнерские отношения с местными компаниями (компания активно привлекает местных подрядчиков), ЛУКОЙЛ определенную часть прибыли от операционной деятельности направил на проведение геолого-разведочных работ на морских блоках в Суэцком заливе.

В 2003 г. между LUKOIL Overseas и правительством АРЕ были подписаны концессионные соглашения по геологоразведке и разработке блоков Northeast Geisum и West Geisum. Программа геологоразведочных работ рассчитана на 4 года, ее стоимость оценивается в 16,7 млн. долл. В случае коммерческого открытия, этап разработки блоков рассчитан на 20 лет и может осуществляться с использованием уже существующей инфраструктуры группы месторождений WEEM, что обеспечит достижение дополнительного синергетического эффекта.

Таким образом, оптимальный алгоритм участия российских нефтегазовых компаний в проектах по поиску и разработке месторождений углеводородов следующий: приобретение небольших добывающих активов – их оптимизация и повышение эффективности – выстраивание партнерских отношений с местными властями и компаниями – переадресовка части операционной прибыли на участие в более рискованных, но потенциально более прибыльных геолого-разведочных проектах в этой же стране.

О своем интересе к участию в поиске и разработке запасов нефти и газа в Египте в различное время заявляли еще несколько российских компаний, однако до реализации намерений дело пока не дошло.

Есть еще одно перспективное направление сотрудничества наших стран в нефтегазовой сфере – поставка технологий и оборудования. В целях содействия продвижению российских

технологий на египетский рынок и проведения совместных НИОКР или даже организации совместного производства был организован Российско-египетский центр по научно-технологическому, промышленному, энергетическому и информационному сотрудничеству (РЕЦ). Запланировано подписание документов по созданию Российско-египетского института по энергетике и металлургии в Каире. Это совместный проект Международного института энергетической политики и дипломатии (МГИМО МИД России и министерства нефти Египта).

Зерно. Египет, население которого ежегодно увеличивается на 3 млн. чел., не в состоянии собственными силами обеспечить потребности в зерне и традиционно занимает одно из первых мест в мире среди импортеров зерновых. Так, только за 2005 г. Египет импортировал свыше 5,5 млн. т пшеницы, 37% которой были поставлены из России¹⁶.

Двумя годами ранее Россия замыкала пятерку экспортеров пшеницы в Египет, а в 2005 г. обошла конкурентов – США, Аргентину, Австралию и Францию. Причиной успеха стал хороший урожай в России и плохой – в Австралии и Аргентине. Рынок зерна зависит от урожайности, поэтому лидерство экспортеров пшеницы отличается непостоянством. Но у России есть ряд преимуществ перед конкурентами. Во-первых, более низкие, чем у США и Австралии, фрахтовые ставки российского зерна; во-вторых, небольшая протяженность морского транспортного пути из России в Египет (Черное море – Босфор и Дарданеллы – Средиземное море), в-третьих, стремление как государственных, так и частных компаний Египта диверсифицировать источники поставок зерновых; в-четвертых, возможность заключения контрактов с российскими поставщиками на поставку небольших партий зерна, что идеально для средних зерноперерабатывающих компаний и интегрированных (многопрофильных) компаний.

«Российское зерно нам хорошо знакомо – ведь еще советские агрономы помогали улучшить египетское сельское хозяйство, привозили из России новые сорта пшеницы, к которым мы привыкли», – отмечал начальник экспортного отдела одной из египетских компаний¹⁷.

Под эгидой Российского зернового союза 23–25 февраля 2006 г. в Шарм эш-Шейхе был проведен зерновой торговый саммит «СНГ – Арабский мир». Основными целями саммита стали повышение конкурентоспособности российских, украин-

ских и казахстанских компаний на рынках стран Северной Африки и Ближнего Востока, а также создание более благоприятных условий торговли сельхозпродукцией между этими регионами. Совместное участие стран СНГ в организации саммита неслучайно: особенностью зерновой политики России в Египте является объединение усилий с другими странами СНГ – Украиной и Казахстаном – в условиях острой конкуренции со стороны американских, австралийских и европейских компаний-экспортеров зерна.

Для упрощения российско-египетских отношений в сфере торговли продукцией сельского хозяйства между двумя странами ведутся переговоры по вопросам создания «зеленого коридора» для обеспечения беспрепятственных поставок продукции на рынки обеих стран.

Туризм. Общее число российских туристов, посетивших Египет в 2005 г., достигло 940 тыс. чел. По количеству туристов Россию обошла только Германия. В связи с тем, что перевозки российских туристов в Египет осуществляются в основном самолетами Ил-86, египетское направление в значительной степени обеспечивает занятость российской авиации, допуск которой в европейские аэропорты ограничен из-за высокой шумности российских самолетов. В среднем, в неделю осуществляется до 20 чартерных рейсов в Шарм эш-Шейх и до 40 – в Хургаду. На рост численности российских туристов в Египте влияют следующие факторы – привлекательные цены, небольшое расстояние, климат. Кроме того, после цунами в Юго-Восточной Азии туристы предпочитали отдых в более спокойных, с точки зрения природных условий, странах.

Но если природные катаклизмы не угрожают египетскому туризму, то действия экстремистов способны нанести ему серьезный ущерб. За последние 15 лет несколько громких инцидентов с нападением на туристов в Египте приводили к резкому снижению притока туристов (а значит и валюты) в страну. Среди них – убийство в 1993 г. двух немецких туристов в отеле Intercontinental в Хургаде, расстрел группы немецких туристов в Луксоре в 1997 г., серия терактов, направленных против израильских туристов осенью 2004 г. на Синае. Спад туристической активности наблюдался после терактов 11 сентября 2001 г. в США и весной 2003 г. во время оккупации Ирака.

Пытаясь спасти ситуацию, египтяне шли на резкое снижение цен на отдых на египетских курортах, чем пользовались

российские туристы, которых, в отличие от европейских гостей, теракты не пугали: если в среднем число приезжих немцев уменьшалось на 85–90%, то россиян – лишь на 20–25%.

Мнение о российском туристе в целом положительное. Владелец одной из небольших туристических фирм в Хургаде, занимающейся в основном приемом российских туристов, считает, что российский турист самый лучший: «Он не так привередлив, как американский, не так прижимист, как немецкий, готов заплатить хорошие деньги за свои развлечения, не будет устраивать скандала из-за пустяков и строчить жалобы. С ним всегда можно найти общий язык, договориться. Я считаю, что русские гораздо больше похожи на нас, чем европейцы и американцы»¹⁸.

Примерно половину суммы, которую платит турист за путевку, получают российские авиакомпании, у которых туроператоры заказывают чартерные рейсы (50% стоимости турпутевки в Египет приходится на авиабилет). Оставшуюся сумму делят между собой египетские гостиницы и российские турфирмы. Как правило, туристические компании, работающие с массовыми направлениями, получают 13–15% суммы, заплаченной за путевку. При этом туроператор, формирующий пакет, зарабатывает 3–5%, а турагентство, продающее путевку ее конечному потребителю, – 8–10%¹⁹.

Алжир. Среди стран Северной Африки – крупнейших экспортеров нефти и газа – в последнее время особо широкие перспективы для разностороннего сотрудничества с Россией открылись перед Алжиром. Двусторонние взаимоотношения получили мощный импульс, благодаря официальному визиту российского президента в АНДР в марте 2006 г., урегулированию ее задолженности перед Российской Федерацией, обмену визитами руководства главных энергетических структур обеих стран, а также достижению ряда важных договоренностей. Крупнейшее не только в Алжире, но и на всем африканском континенте государственное предприятие Сонатрак стремится стать нефтегазовой компанией глобального масштаба. Согласно представленному на 18-м Всемирном нефтяном конгрессе²⁰ плану развития собственной переработки и сбыта добываемых углеводородов, в дополнение к наращиванию добычи Сонатрак пытается выстроить многопродуктовую цепочку, чтобы увеличить добавленную стоимость в отраслях переработки углеводородного сырья и сбыта его производных²¹. При этом компания готова к сотрудничеству с ино-

странными партнерами в проекте строительства нового НПЗ в г. Адрар на юге Алжира 70%.

Российским компаниям, несмотря на неоднократные попытки войти на рынок нефтегазовых операций Алжира и завязать партнерские отношения с Сонатрак, до сих пор не очень везло. Среди исключений можно отметить совместный проект «Роснефти» и «Стройтрансгаза» по освоению перспективного нефтегазоносного участка «245-Юг» (в феврале 2006 г. там была пробурена третья разведочная скважина, показавшая хорошие перспективы по газу и конденсату), успех «Стройтрансгаза» в тендерах на прокладку нескольких газопроводов²² и участие в разработке крупного нефтяного месторождения в Алжире.

В августе 2006 г., в ходе визита в Москву министра энергетики и шахт Алжира, Сонатрак и «Лукойл» подписали меморандум о взаимопонимании. Меморандум предусматривает, что стороны будут укреплять сотрудничество, развивая проекты в области поиска, разведки и добычи углеводородного сырья, переработки и сбыта жидких углеводородов, а также обмена опытом. Переговоры в этом же направлении ведутся и между Сонатрак и «Газпромом». При этом российскую сторону интересует область развития бизнеса по сжиженному газу, в которой Сонатрак является одним из признанных авторитетов.

Стоит отметить, что Сонатрак может оказаться надежным, полезным и удобным партнером для российских компаний как в Алжире и России, так и при реализации проектов в третьих странах. Алжирские специалисты умеют работать на российском оборудовании, знакомы с нашими стандартами; технологические проблемы, которые приходится решать нашим и алжирским нефтяникам и газовикам, по некоторым параметрам сходны. Сонатрак обладает опытом ведения прибыльного бизнеса по торговле СПГ и в определенном смысле является одним из основных конкурентов «Газпрома» на европейском рынке газа. При таких условиях достижение стратегических договоренностей может быть крайне выгодно обеим договаривающимся сторонам. Наконец, оставаясь под контролем государства и продолжая оказывать значительную помощь в решении важных макроэкономических задач, стоящих перед Алжиром, Сонатрак может оказаться более привлекательным партнером для российских компаний, чем некоторые американские, европейские или даже азиатские компании²³.

«Газпром» 13 марта 2006 г. договорился подписать Меморандум о взаимопонимании с алжирской нефтегазовой компанией Сонатрак. Делегация российской компании провела переговоры с президентом, гендиректором национальной компании Сонатрак в ходе визита в АНДР. Речь шла о развитии сотрудничества в нефтегазовой области на основе совместного осуществления проектов в России, Алжире и третьих странах. Обсуждались возможности участия в тендерах на разведку и последующую разработку газовых и нефтяных месторождений, другие направления возможного сотрудничества – проекты модернизации и строительства новых объектов инфраструктуры по транспортировке и переработке углеводородного сырья, мощностей по сжижению газа и другие перспективы.

Алжир занимает второе место в Африке после Нигерии по наличию доказанных запасов природного газа. На 2006 г. они составляли 4546 млрд. м³. Алжир экспортировал природный газ трубопроводным транспортом в Италию, Испанию, Португалию, Тунис, Словению, в виде СПГ – во Францию, Испанию, США, Турцию, Бельгию, Италию, Грецию и Южную Корею. В энергобалансе Алжира природный газ занимает 62,5%, нефть – 34,5%, уголь – 2,5%, гидроэнергетика – 0,5%. Доказанные запасы нефти страны к началу 2006 г. составляли 1589 млн. т (третье место в Африке после Ливии и Нигерии)²⁴.

В 2005 г. было заключено трехстороннее соглашение между ОАО «Газпром», компаниями «Газ де Франс» (Франция) и Сонатрак об осуществлении обменных поставок российского газа на международный рынок. В соответствии с ним российская компания поставляет газ на французский рынок по трубопроводам в счет обязательств алжирской компании. В свою очередь компания Сонатрак будет поставлять сжиженного природного газа на североамериканские рынки по контрактам «Газпрома».

Операции по обменным поставкам можно проводить и на других рынках. В 2006 г. министр энергетики и шахт Алжира продолжил контакты с компанией «Газпром» и вел переговоры по конкретным проектам²⁵.

Созданный в ходе состоявшегося в марте 2006 г. визита президента РФ в АНДР Российско-алжирский деловой совет (РАДС) начал конкретную работу по расширению межгосударственных финансово-экономических контактов. 20 мая в алжирской столице прошло первое заседание этого совета, кото-

рый поручено возглавить двум сопредседателям: с российской стороны – президенту компании «РуссНефть» М.Гуцериеву, с алжирской – одному из ведущих политических деятелей северо-африканской республики, К.Абдеррахиму.

На заседании было официально подписано Положение о Российско-алжирском деловом совете, реализующем ранее заключенное межгосударственное Соглашение о стратегическом партнерстве. В документе обозначены главные цели РАДС: продвижение и развитие коммерческих и производственных отношений между организациями и фирмами России и Алжира, содействие обмену технологиями, поддержка отношений между бизнесменами двух стран, содействие ускорению инвестиционных процессов и партнерству, помощь организациям в реализации своих проектов. РАДС будет заниматься также сбором и передачей предпринимателям информации, касающейся законодательства обеих стран, организацией экономических и коммерческих мероприятий, обменом делегациями бизнесменов, оценкой состояния экономических и торговых отношений между двумя странами. Кроме того, РАДС будет составлять и представлять на рассмотрение правительств России и Алжира экономические прогнозы и рекомендации.

В структуре РАДС выделены шесть профильных секций: топливно-энергетическая, строительная, промышленная, финансовая, сельскохозяйственная и торговая, химическая и фармацевтическая. Ответственными за деятельность каждой из них назначены соответствующие российские и алжирские фирмы. В плане изучения условий инвестиций в Алжире и законодательства страны на заседании РАДС с подробными докладами выступили алжирские представители министерства приватизации и продвижения инвестирования, министерства туризма, министерства энергетики и горного дела. Российские члены совета интересовались, в частности, правовыми особенностями налоговых регуляторов северо-африканского государства. Российские бизнесмены единодушно отметили весомый потенциал участия отечественного бизнеса в экономике Алжира, а М.Гуцериев предложил алжирским коллегам, в свою очередь, рассмотреть возможность вложения средств в динамично развивающуюся экономику нашей страны. Наиболее интересен для российских инвестиций в Алжире углеводородный сектор. При этом планируется инвестировать в экономику Алжира на первоначальном этапе минимум 100 млн. долл.²⁶

Ливан – страна, с которой у России восстанавливаются исторические и налаживаются новые контакты. Поощрение взаимной торговли и инвестиций, содействие установлению партнерских связей по линии частного капитала представляют собой важнейшую составляющую экономических отношений. Однако наиболее пристальное внимание этой страны направлено на сотрудничество с Россией в нефтегазовой отрасли. Ливанская сторона неоднократно давала понять, что она приветствовала бы участие России в строительстве нефте- и газопроводов через свою территорию. Бейрут также заинтересован в привлечении к сотрудничеству российских специалистов в области сооружения ирригационных систем, строительства плотин.

Саудовская Аравия. Особое место в российско-арабских экономических отношениях занимает Саудовская Аравия. Россию разделял с королевством барьер полувековой неприязни, и по ряду причин в Москве изначально почти не питали надежд на сотрудничество.

Во-первых, вся новейшая история России характеризовалась отсутствием политических симпатий к Саудовской Аравии. Местные правящие круги тоже не забыли о своем антисоветизме. Да и в сегодняшней России Саудовская Аравия ассоциируется скорее с радикальным исламом, с проявлениями которого уже много лет идет борьба на Северном Кавказе. Саудовское общественное мнение, в свою очередь, крайне отрицательно оценивает действия российских властей в этом регионе РФ. Саудовские элита и общество, в целом традиционно ориентирующиеся на Запад, просто не привыкли к работе с другими партнерами.

Подобного рода препятствия имеют политический характер, но их можно постепенно преодолеть и сформировать атмосферу доверия, используя экономические интересы. В качестве потенциальных сфер кооперации традиционно называют энергетику и военно-техническое сотрудничество. Однако нельзя обходить вниманием и другие области, где инвестиции быстро окупаются. Это, в первую очередь, недвижимость, строительство, торговля, рынок ценных бумаг, развитие транспортной инфраструктуры.

Важную роль может сыграть уже имеющийся у России опыт в таких высокотехнологичных сферах, как сжижение газа, прокладка газопроводов. Саудовцы же готовы инвестировать сред-

ства в российскую аэрокосмическую промышленность. И, наконец, несмотря на то, что саудовская армия уже оснащена американским и западноевропейским оружием, Эр-Рияд, похоже, внимательно присматривается к российским боевым вертолетам.

Российско-арабский деловой совет: миссия и достижения

Достигнутый до 1991 г. уровень торгово-экономических и военно-политических отношений между нашей страной и арабским миром (максимальный объем советско-арабской торговли в 11 млрд. долл. отмечался в 1990 г.²⁷) обеспечивался исключительно государственными структурами и рычагами, находился в русле общей государственной политики. На нынешнем же этапе особенно важным фактором углубления российско-арабских отношений становится развитие частно-государственного партнерства.

Связать воедино систему торгово-экономических отношений России со странами этого обширного, политически разобщенного и экономически разнородного региона, придать импульс их возрождению на новом качественном уровне призван созданный Российско-арабский деловой совет (РАДС). Он быстро превратился в активного и авторитарного участника российско-арабского сотрудничества не в последнюю очередь потому, что Торгово-промышленную палату (ТПП) – учредителя его российской части – возглавляет Е.М.Примаков, чей авторитет в арабском мире чрезвычайно высок, а опыт и знание региона повсеместно признаны.

С арабской стороны РАДС учрежден Генеральным союзом торговых, промышленных и сельскохозяйственных палат 22 арабских государств, куда входят руководители и представители местных ТПП, крупные бизнесмены.

С российской стороны одну из ведущих ролей в деятельности РАДС играет Акционерная финансовая корпорация «Система». К числу основных задач Совета относятся: создание РФ совместно с каждой из арабских стран двусторонних комитетов, ответственных за реализацию конкретных проектов сотрудничества; установление прямых контактов между российскими и арабскими предпринимательскими структурами; стимулирование инновационной деятельности.

Менее чем за три года существования Российско-арабский деловой совет зарекомендовал себя как эффективный инстру-

мент восстановления и налаживания деловых связей, центр сбора, анализа и распространения необходимой обеим сторонам коммерческой информации. Обратившийся в РАДС арабский или российский коммерсант может рассчитывать на консультацию и помощь в поиске нужного делового партнера. При поддержке РАДСа учреждены четыре комитета на двусторонней основе: российско-египетский, российско-алжирский, российско-сирийский и российско-ливанский. Готовится формирование аналогичных комитетов с другими странами. Создание двусторонних комитетов позволит упорядочить отношения между предпринимателями и выявить наиболее привлекательные направления взаимодействия по каждой стране.

Результаты деятельности РАДСа и заметное увеличение числа деловых контактов позволяют надеяться, что период «безвременья» в российско-арабских отношениях подошел к концу. При поддержке и в рамках РАДСа сотрудничество России и стран Арабского Востока получает шанс для выхода на новый качественный уровень. Главными его достоинствами становятся отсутствие тормозящих идеологических барьеров и конструктивное взаимодействие между бизнесом и государством. В области бизнеса решающая роль должна принадлежать новейшим информационным технологиям и сфере услуг, что позволит как России, так и странам Арабского Востока преодолеть стереотип тотальной энергозависимости их экономик и совместно войти в высокотехнологичную экономическую среду XXI в.²⁸

Перспективы российско-арабского финансового сотрудничества

Первым относительно удачным опытом урегулирования кредитно-финансовых взаимоотношений России с арабскими странами стало решение долговых проблем Сирии. По завершении российско-сирийских переговоров на высшем уровне в 2005 г. министр финансов России заявил, что был согласован курс перевода всего долга, исчислявшегося в разных валютах, в доллары США. В соответствии с этим курсом общая задолженность Сирии России составляла 14,5 млрд. долл. Кроме того, существовала встречная задолженность и обязательства России в размере 1,1 млрд. долл. Поэтому итоговая задолженность по взаимному зачету составила 13,4 млрд. долл. «В ходе сегодняшней дискуссии мы определили общий объем списания долга в размере 73%, который определялся как состояние пла-

тежеспособности страны. Часть кредитования была в военные поставки, оставшаяся сумма в размере 3618 млн. долл. будет погашаться частями», – заявил российский министр.

По его словам, одна часть в размере 40% этой суммы, т.е. 1,5 млрд. долл., будет погашаться в течение десяти лет, остальная часть в размере 2118 млн. долл. будет конвертирована в сирийские фунты, и сразу же после подписания соглашения и проведения внутривосударственных процедур эти деньги будут зачислены на счет России в банки Сирии. «Этим счетом Россия сможет распоряжаться, и на них будут закуплены товары и осуществлены инвестиции Российской Федерации в Сирию. Тем самым мы ожидаем создания совместных проектов, часть из которых сегодня была обсуждена», – отметил министр. «Это основные результаты достижения решения данного вопроса. Мы пришли к ним путем серьезных подвижек друг к другу и сегодня считаем эти условия выгодными для обеих сторон», – заявил глава Минфина.

За неделю до подписания российско-сирийского финансового договора поступило сообщение о том, что ОАО «Татнефть» создает в Сирии совместное предприятие для разведки и разработки нефти. Осуществлялись процедуры регистрации СП и получения банковской гарантии, планировалось подписание соответствующего контракта. Речь шла о работах на площади, расположенной на юго-востоке Сирии у границы с Ираком. Небольшие по объему запасы местной нефти по качеству оцениваются как хорошие. Открытых месторождений к моменту заключения контракта там не было, но нефть активно добывалась на примыкающей территории. Право на этот контракт «Татнефть» получила, победив 8 зарубежных компаний, участвовавших в тендере, организованном министерством нефти и минеральных ресурсов Сирии²⁹.

Урегулирование долговых проблем обеспечило российским компаниям дополнительные конкурентные преимущества на рынках стран-должников. В 2005 г. «Стройтрансгаз» подписал контракты на сооружение таких крупных объектов, как первая очередь панарабского газопровода протяженностью 324 км и газоперерабатывающего завода в районе Пальмиры. «Дочка» «Стройтрансгаза» – Sroytransgaz Oil Progress – предложила Сирии построить нефтеперерабатывающий завод мощностью 140 тыс. баррелей сырья в сутки (около 7 млн. т в год). Объем предполагаемых инвестиций может составить 2 млрд. долл.

Аналогичные схемы решения судьбы старых долгов постепенно начали реализовываться в отношениях с Алжиром, а в перспективе вероятны с Ливией и другими государствами. Российско-алжирское соглашение о частичном списании долга было подписано в марте 2006 г. в ходе официального визита В.В.Путина в АНДР.

Быстрое сокращение внешнедолговых активов во многом связано с изменением российской политики в этой области. После вступления в Парижский клуб в 1997 г. наша страна стремилась придерживаться основных принципов облегчения долгового бремени, принятых в этой неформальной организации кредиторов. В последние годы в связи с ростом экономического потенциала и усилением влияния России в мировой политике руководство страны приняло решение о реструктуризации крупных сумм задолженности некоторым далеко не бедным странам на льготных условиях со значительным дисконтом: Ираку в 2004 г. – 9,3 млрд. долл., или более 90% всей задолженности; Алжиру в 2006 г. – 4,7 млрд. долл. (100%). Однако реструктуризация задолженности названных стран была осуществлена на особых условиях, отличающихся от правил Парижского клуба. Если следовать последним, то указанные страны в силу величины их душевого дохода и некоторых других показателей долговой нагрузки не могли бы рассчитывать даже на незначительное списание долга.

Счет прибылей и убытков

Благодаря полному списанию задолженности Алжира в размере 4,7 млрд. долл., была достигнута договоренность о крупных закупках этой страной российской военной техники на меньшую сумму. Фактически же к моменту подписания соответствующего соглашения уже были заключены контракты на 7,5 млрд. долл. При этом предусматривается, что долг будет списываться поэтапно, в соответствии с поступлением конкретных платежей из Алжира за российские поставки. Таким образом, можно говорить о своеобразных своп-сделках «долг в обмен на экспорт» и «долг в обмен на доступ к активам».

Новые направления сотрудничества открывает также схема trade-in, которая может быть использована и в дальнейшем в случае возникновения потребности в модернизации военной техники. Эта схема предусматривает, в частности, что по мере пополнения парка алжирских ВВС новыми МиГ-29 старые ма-

шины этой марки (36 единиц), закупленные Алжиром в 90-х годах в Белоруссии и Украине, поступят в распоряжение корпорации «МиГ». После ремонта и модернизации полученные из Алжира самолеты могут быть проданы некоторым африканским и азиатским государствам. Опыт последних соглашений с Бангладеш, Бирмой, Суданом и т. п. показал, что в мире имеется спрос на дешевые самолеты МиГ-29 первых версий.

Способствовало урегулирование долговых вопросов и расширению взаимодействия в других областях. Алжир, который входит в четверку мировых экспортеров газа, и Россия договорились об обмене квотами при экспорте газа в США и Европу, а также о возможном участии алжирцев в сооружении в России завода по производству сжиженного газа. Соглашение с Алжиром открывает дополнительные возможности для расширения бизнеса российских компаний в Алжире, где уже работают «Стройтрансгаз» и «Роснефть». Ведутся переговоры и об участии в проектах по добыче и поставкам в страны Евросоюза алжирских нефти и газа. «Газпром» подписал меморандум о взаимодействии с алжирской государственной компанией Сонатрак. Это дает возможность маневра с поставками газа. В Португалии, например, имеются привлекательные для российской корпорации энергоактивы (Galp Energia), но главным поставщиком газа на этот рынок является Алжир. «Газпром» может договориться об увеличении алжирских поставок в Португалию в обмен на расширение им поставок в Северную Европу, которые «зачтутся» Алжиру.

Ливийский долг к 2006 г. оставался неурегулированным: у сторон не было даже единого представления об объеме задолженности, а ливийцы выставляли встречные финансовые претензии за технику, не вернувшуюся из России после ремонта. Опираясь на открытые источники, объем долга у Ливии можно оценить примерно в \$3,4 млрд. долл.³⁰

В связи с тем, что Россия в 1992 г. присоединилась к экономическим санкциям ООН, Ливия заявила, что прежние контракты, заключенные еще во времена СССР, оказались невыполненными, а значит, сумма долга должна быть, по крайней мере, меньше. По некоторым данным, Ливия признает около 1 млрд. «долговых» долларов. Кстати, в ливийском долге из 3,5 млрд. долл. на долю накопленных в результате невыплат процентов приходится 1,3 млрд., т.е. почти 36%. Поэтому неслучайно, что в июне 2006 г. министерство финансов РФ за-

явилось о согласии применить алжирскую схему списания всей задолженности в обмен на эквивалентные по объему поставки военно-технической продукции в Ливию. Обязательным условием подобной схемы будет признание Ливией предъявляемых ей Россией финансовых требований в полном объеме. Сделать это будет непросто, но в любом случае перспектив прямого возврата ливийской задолженности минфин уже не видит³¹.

Понять арабские стороны, когда они требуют списания, трудно: «почему сирийцам можно, а нам нельзя?». Между тем, финансовое благосостояние Ливии и Алжира не идет ни в какое сравнение с Сирией. Несколько лет высоких цен на нефть и газ позволили Алжиру и Ливии к 2006 г. накопить беспрецедентные в их истории валютные резервы – 71,96 млрд. долл. у Алжира и почти 57,5 млрд. долл. у Ливии (структура ливийских резервов непрозрачна). Для сравнения: в конце 1999 г. валютные резервы Алжира составляли 4 млрд. долл. Алжирский внешний долг сократился за 1999–2006 гг. с 40 до 5 млрд. долл.³² и вовсе не за счет выплат России. Ливия тоже официально имеет очень небольшой внешний долг – около 4492 млн. долл. на 2006 г.³³ (задолженность России в эту цифру не входит).

И алжирский, и ливийский долги перед Россией образовались в результате поставок вооружений еще в советское время. Поэтому увязка дальнейшего сотрудничества со списанием старых долгов выглядит, вроде бы, логично. Однако рискуем предположить, что реальной связи между продолжением военных закупок в России и списанием долга (или его части) на самом деле нет. Увязка проблемы долга и военных поставок алжирской и ливийской сторонами являлась, скорее всего, психологическим ходом накануне плановых переговоров о реструктуризации долгов.

По всей видимости, 2004–2006 гг. стали лучшими в истории алжирской экономики. В 2004 г. прирост валового внутреннего продукта составил 5,8%, на 2006 г. – оценивался в пределах 5,1–5,6%³⁴. Алжиру, в отличие от некоторых других нефтедобывающих стран, удается конвертировать высокие цены на нефть в рост других отраслей экономики. Согласно оценкам лондонского Economist Intelligence Unit, в среднем за пятилетие 2001–2005 гг. реальный темп прироста алжирского ВВП по рыночному обменному курсу национальной валюты достиг 4,8%. Тогда же по паритетами ее покупательной способности ежегодный прирост внутреннего потребления измерялся 6,1%.

На финансирование валовых инвестиций по бюджетным проектам 2005–2009 гг. предусматривались суммы, эквивалентные 60 млрд. долл.³⁵ Таким образом, создавался фундамент стабильного экономического развития на дальнейшую перспективу. По сведениям правительства, валовые инвестиции в экономику АНДР в 2004 г. составили 15,6 млрд. долл. Эту цифру можно сопоставить с инвестициями в нефтегазовую промышленность – около 5 млрд. долл., т.е. примерно 70% капиталовложений были направлены в ненефтяные проекты.

Данные по отдельным объектам финансирования говорят о том, что впервые центром притяжения крупных инвестиций (как внутренних, так и иностранных) стал внутренний рынок и, прежде всего, инфраструктурные отрасли: строительство, телекоммуникации и водоснабжение. Эти же отрасли указываются в отчете UNCTAD в качестве приоритетных для иностранных инвестиций. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ), поступившие в АНДР в 2004 г., составили 3,4 млрд. долл. против 1,2 млрд. долл. в 2003 г. Скорее всего, по объему иностранных инвестиций Алжир лидирует во всей Северной Африке.

Экономические успехи Алжира в 2001–2006 гг. обусловлены не только хорошей конъюнктурой мировых цен на нефть и газ, но и значительным прогрессом во внутренней стабилизации. Армия добилась решающего преимущества в борьбе с вооруженными отрядами исламистов. Таким образом, еще раз нашел подтверждение тезис о том, что вложения в военную технику и качественную армию в целом являются экономически выгодными для развивающихся стран в долгосрочной перспективе.

В 2006 г. было заключено соглашение о реструктуризации алжирского долга России. По ливийскому долгу ситуация менее прозрачна, но согласование его объема и графика платежей намечалось еще на 2005 г. В этой же связи в дипломатических кругах обсуждается возможность визитов в Россию президента Алжира и ливийского лидера. Списание долгов не является в мировой практике чем-то экстраординарным. Любой долг, каким бы образом он ни возник, имеет свою рыночную стоимость, которая всегда ниже номинала. Например, в отношении развивающихся стран Парижским клубом принята практика списания 70% задолженности с последующей реструктуризацией выплат по остальным 30%. Характерно, что за те же 25–30% обязательства развивающихся стран выкупают коммерческие фирмы, которые затем меняют их на ликвидные ак-

тивы в этих странах. Россия уже списала Алжиру и вполне может списать Ливии часть долгов. Но при этом оставшиеся обязательства (например, 1,2 млрд. долл. и 1 млрд. долл.) должны быть либо погашены в кратчайшие сроки, либо конвертированы выгодным для России способом.

В отчетах об официальных переговорах с Алжиром звучат слова о возможной конверсии долгов в «промышленные объекты». На самом деле, по аргументированному мнению одного из российских аналитиков, из всех «промышленных объектов» России должны быть особенно интересны те, что связаны с разведкой, добычей и транспортировкой газа. Причем это утверждение в равной степени относится как к Алжиру, так и к Ливии. Собственно, выбирать можно из нефти и газа, и, скорее всего, именно в пользу последнего.

Россию должен интересовать именно газ по целому ряду причин. Во-первых, российские нефтяные компании пока слишком слабы, чтобы работать в дальнем зарубежье в роли стратегических инвесторов. Во-вторых, именно на газ придется в ближайшее время основной прирост добычи в Северной Африке и потребления в Западной Европе.

Существует малозаметная, но устойчивая тенденция к постепенному снижению доли российского газа в потреблении Евросоюза. На данный момент европейский рынок определяют три страны: Россия, Норвегия и Алжир, причем России принадлежит ведущее место (33–38% поставок в ЕС, по различным данным). Стратегической целью Евросоюза является географическая диверсификация поставок. В ближайшее время ощутимую долю на рынке могут получить Иран, Ливия, Нигерия, а также поставщики сжиженного газа, например, Египет. Из тройки «старых» поставщиков Евросоюз готов нарастить долю закупок только из Алжира: чрезмерная зависимость от России вызывает опасения, а известные норвежские месторождения не могут давать существенно больше сырья. Среди новых производителей важнейшее место отводится Ливии, чьи запасы газа (в отличие от нефти) до сих пор почти не разрабатывались³⁶. Значение Ливии и Алжира не ограничивается их экспортным потенциалом. Для европейского рынка газа эти страны являются еще и транзитной территорией: планируется строительство газопровода из Нигерии через Алжир и из Египта через Ливию.

Сахарский газ для европейцев всегда был ближе и дешевле российского. Однако до недавнего времени его добыча и

импорт сдерживались политическими причинами. В Ливии сотрудничество с Каддафи не всегда находило понимание в Вашингтоне, а в Алжире шла гражданская война между правительством и исламистами. Теперь эти факторы неактуальны (или почти неактуальны), поэтому российские поставщики («Газпром», прежде всего) могут сохранить свою долю на европейском рынке только в том случае, если будут добывать и продавать не только российский газ.

По удачному стечению обстоятельств, в ближайшее время стартуют программы экономической либерализации в нефтегазовой промышленности Ливии и Алжира. Нефтегазовые монополии двух стран – НОС и Сонатрак должны быть реструктурированы, их полномочия ограничены, и в большинство сегментов рынка предполагается допустить иностранный капитал. Одновременно будут проведены конкурсы на разработку ряда крупнейших газовых месторождений и разведку новых площадей.

Если прецедент частичной конвертации финансовых обязательств в активы будет создан, то в дальнейшем России будет только выгодно давать этим странам в долг: просроченные обязательства можно будет обращать в новые активы. А все предпосылки для накопления новых долгов перед Россией присутствуют. По оценкам аналитиков российского журнала «Аф-Ро», торговля РФ с Ливией и Алжиром на 97–98% состоит из экспорта, как военного, так и гражданского³⁷.

Если в нашей стране будет налажен механизм государственного кредитования промышленного экспорта (а такие планы есть), схема взаимодействия приобретет законченный вид. Отечественная компания поставляет в Северную Африку промышленную продукцию – покупатель получает при этом российский государственный кредит – затем долг либо выплачивается, либо конвертируется в энергетические активы – российское государство продает полученные активы отечественным компаниям – кредит возвращается. Однако при осуществлении этой схемы может возникнуть ряд серьезных препятствий.

На первый взгляд, ждатель, что России или российским компаниям будут предоставлены какие-либо льготы для доступа к газовым или нефтяным запасами Северной Африки, – наивно. Газ и нефть – ликвидные товары, которые без труда можно обратить в деньги, даже если они еще находятся в недрах вдалеке от потенциального покупателя. Зачем отдавать свои деньги в обмен на списание старых и как бы чужих

долгов? В конце концов, проще просто заплатить. Возразить на это можно следующее.

Во-первых, российские компании должны взять на себя определенные обязательства по инвестированию дополнительных средств в экономики Ливии и/или Алжира. Эти инвестиции будут направлены на развитие инфраструктуры, создание новых рабочих мест, внедрение технологий переработки (спрос на российские нефтегазовые технологии в этих странах уже обозначен на уровне отдельных проектов). Поэтому впридачу к списанию долгов Ливия и Алжир получают дополнительные преимущества.

Пока же Ливия и Алжир вынуждены приглашать американских инвесторов для того, чтобы снизить уровень зависимости от европейских покупателей. Схема «покупатель продукции=инвестор=собственник месторождения» слишком рискованна, она может привести к потере контроля над экспортом, а затем и над экономикой страны в целом. Именно поэтому европейские компании Agip, Total или BP часто уступают американским Conoco или Chevron в борьбе за расположение правительства Ливии или Алжира.

Между тем, Алжир уже сам выступает в качестве международного инвестора. Сонатрак участвует в консорциуме по освоению небольшого газового месторождения Ragoieni в Перу³⁸, а в конце марта 2005 г. состоялись переговоры о сотрудничестве в области добычи газа между Вьетнамом и Алжиром³⁹. Обмен газовыми (и/или нефтяными) концессиями должен произойти, по данным «Аф-Ро», между ливийской госкомпанией NOC и алжирской Сонатрак⁴⁰.

Инвестировать все средства внутри своих стран рискованно. Часть свободных денег вполне может быть вложена – по «перекрестному» принципу – в российские газовые и нефтяные месторождения. В числе прочих преимуществ Алжир и Ливия могут получить, таким образом, прямой доступ на рынки Восточной Азии, пока для них недоступные. Перекрестные инвестиции крупнейших стран-продавцов на европейском рынке газа могут стать своеобразной формой «газового ОПЕК» – российским ответом на европейские инициативы по диверсификации поставок и либерализации газового рынка.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект конкурса «Образ России в современ-

ном мире» 2006 г.: «Россия и арабские страны», № 06-03-04158а, ИАФ РАН.

² История Ливии в новое и новейшее время. М., ГРВЛ изд-ва «Наука», 1992, с. 180–183.

³ Судан. Справочник. М., Изд-во «Восточная литература» РАН, 2000, с. 207–208.

⁴ Исаев В.А. Российско-арабское экономическое сотрудничество: прошлое, настоящее, будущее.

⁵ «The Economist» L., Country Briefings. Saudi Arabia. Fact sheet, Jan. 3rd 2007 –

<http://www.economist.com/countries/SaudiArabia/profile.cfm?folder=Profile-FactSheet>

⁶ Евтушенков В.П. После затишья: Россия и арабский мир на новом этапе. // «Россия в глобальной политике». М., 2005, № 3, Май – Июнь – <http://www.globalaffairs.ru/numbers/14/4163.html>

⁷ Исаев Г., Борисов Д. Представление страны: Египет. // «Аф-Ро», 2006, № 3 (16), с.7.

⁸ Данные торгового представительства РФ в Каире.

⁹ «Аф-Ро» № 2 (15), с. 21–25.

¹⁰ Интерфакс, 01.10.2002.

¹¹ Данные торгового представительства РФ в Каире.

¹² АвиаПорт.RU, 29.07.2002.

¹³ Данные торгового представительства РФ в Каире.

¹⁴ АвиаПорт.RU, 15.01.2002. –

<http://www.aviaport.ru/news/2002/01/15/21378.html>; там же, 21.03.01 –

<http://www.aviaport.ru/news/2001/03/21/10574.html>

¹⁵ Рассчитано по: BP Statistical Review of World Energy 2006 – http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/globalbp/globalbp_uk_english/publications/energy_reviews_2006/STAGING/local_assets/downloads/pdf/statistical_review_of_world_energy_full_report_2006.pdf;

World Proved Reserves of Oil and Natural Gas, Most Recent Estimates. Energy Information Administration. Table Posted: January 18, 2006 – <http://www.eia.doe.gov/emeu/international/reserves.xls>

¹⁶ Данные торгового представительства РФ в Каире.

¹⁷ Исаев Г., Борисов Д. Представление страны: Египет. // «Аф-Ро», 2006, № 3 (16), с. 11–12.

¹⁸ Исаев Г., Борисов Д. Представление страны: Египет. // «Аф-Ро», 2006, № 3 (16), с. 12.

¹⁹ Там же.

²⁰ Борисов Д. Нефть и газ Африки. По итогам 18-го Всемирного нефтяного конгресса. «Аф-Ро» №5 (12) 2005, сс. 12–20.

²¹ Подробнее см.: Кукушкин В. Сонатрак – крупнейшая компания Африки (глава «Международные филиалы»). – «Аф-Ро» (Российско-африканский деловой журнал). С-Пб.–М., 2006, № 4 (17), сс. 45–48.

²² Свинцов Б. Третья африканская труба «Стройтрансгаза». «Аф-Ро», 2005, № 3 (10), сс. 7–10.

²³ Борисов Д., Кукушкин В. Структурные реформы в Сонатрак. – «Аф-Ро», 2006, № 4 (17), с. 51.

²⁴ BP Statistical Review of World Energy 2006 – http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/globalbp/globalbp_uk_english/publications/energy_reviews_2006/STAGING/local_assets/downloads/pdf/statistical_review_of_world_energy_full_report_2006.pdf;
World Proved Reserves of Oil and Natural Gas, Most Recent Estimates. Energy Information Administration. Table Posted: January 18, 2006 – <http://www.eia.doe.gov/emeu/international/reserves.xls>

²⁵ Алжир и Россия активизируют нефтегазовое сотрудничество. 2006-03-13 – <http://mezg.ru/digest/3265.html>

²⁶ Создается российско-алжирское экономическое пространство. В Алжире состоялось первое заседание Российско-алжирского делового совета. 24.05.2006 – http://www.rusneft.ru/may2006/news_14545.stm

²⁷ Люкманов А.Р. Перспективы российско-арабского экономического сотрудничества. – Ближний Восток и современность. Сборник статей. Выпуск двадцать седьмой. М., Институт Ближнего Востока, 2006, с. 95.

²⁸ Евтушенков В.П. После затишья: Россия и арабский мир на новом этапе. // «Россия в глобальной политике». М., 2005, № 3, Май – Июнь – <http://www.globalaffairs.ru/numbers/14/4163.html>

²⁹ «Татнефть» разрабатывает сирийское направление. // «Нефтегазовая вертикаль», 18 января 2005 г. – <http://www.ngv.ru/lenta/archive.hs1?day=18&month=1&year=2005>

³⁰ Маслов А. Долг списанием красен. – «Аф-Ро», 2005, № 1 (8).

³¹ Хейфец Б. Агрессивная бухгалтерия. // «Эксперт». М., 25 сентября 2006, №35 (529) – <http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/35/>

³² CIA. The World Factbook. Algeria. (Last updated on 18 January, 2007) – <https://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/ag.html>

³³ CIA. The World Factbook. Libya. (Last updated on 18 January, 2007) – <https://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/ly.html>

³⁴ CIA. The World Factbook. Algeria. (Last updated on 18 January, 2007) – <https://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/ag.html>

³⁵ The Economist. L., Country Briefings, Algeria. Factsheet, Dec 6th 2006 –

<http://www.economist.com/countries/Algeria/profile.cfm?folder=Profile-FactSheet>; Economic data, Jan 10th 2007 –

<http://www.economist.com/countries/Algeria/profile.cfm?folder=Profile-Economic%20Data>

³⁶ Подробнее см.: Libya oil and gas report –

http://www.nortonrose.com/html_pubs/view.asp?id=8868

³⁷ Маслов А. Долг списанием красен. – «Аф-Ро», 2005, № 1 (8).

³⁸ Alex Emery. Peruvian gas project likely to be approved // Bloomberg News, 19.03.2005.

³⁹ Viet Nam News Agency, Vietnam. 30.03.2005.

⁴⁰ Маслов А. Долг списанием красен. – «Аф-Ро», 2005, № 1 (8).